ВѢНЕЦЪ

СТИХОТВОРЕНІЙ О. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

СОБРАЛЪ ПОДЪ ПЕЧАТНЮ УПОРЯДИЛЪ И ИЗДАЛЪ ИВАНЪ А. ПОЛИВКА
НАДЗИРАТЕЛЬ ШК. ЖУПАНІИ УЖГОРОДСКОЙ

РУССКІЙ НАРОДНЫЙ ГОЛОСЪ
ВЪ УЖГОРОДѢ.

ВѢНЕЦЪ

СТИХОТВОРЕНІЙ

О. АЛЕКСАНДРА ИВ. ПАВЛОВИЧЬ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И АВТОБІОГРАФІЕЮ АВТОРА.

СОБРАЛЪ, ПОДЪ ПЕЧАТНЮ УПОРЯДИЛЪ И ИЗДАЛЪ:
ИВАНЪ А. ПОЛИВКА,
ШКОЛНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ ВЪ УЖГОРОДѢ.

УЖГОРОДЪ,
ПЕЧАТАНО У КНИГОПЕЧАТНѢ АКЦІОН. ТОВАР. „УНІО"
1920.

I.

БІОГРАФІЯ.

А. И. Павловичъ въ молодомъ вѣку.

КО ГЕНІЮ.

Воспой, воспой!
Ты геній мой,
Всѣхъ чувствъ силой
Воспой! воспой!
  Пусть несется
  Подъ небеса
  Голосъ вѣры —
  Нашей лиры.
Воспой со мной
Душой теплой,
Чтобъ въ сердцу кровь
Грѣла любовь.
  Пусть несутся
  Подъ небеса
  Наши жертвы
  И молитвы.
Пой, пой со мной
Сердца силой
Чтобъ голосъ думъ
Согрѣвалъ умъ.
  Пусть несется
  Подъ небеса
  Жертва сердца
  Въ чертогъ Творца.
Воспой со мной
Другъ! геній мой
Звукомъ вѣры
Нашей лиры.
  Пусть несется
  Подъ небеса
  Пѣснь земная
  Надеждная.
Ты геній мой
Пой, пой со мной,
Звукомъ сердца
Слави Творца.
  Пусть слышитъ Онъ
  Молитвы звонъ,
  Сердца воздохъ
  Услышитъ Богъ!

Александръ Ив. Павловичь.

МЕЖДУ русинами живущими по обоихъ бокахъ Бескидовъ днесь еще много жіютъ, которы или лично познали покойного О. Павловича якъ ревнаго священника, добросерднаго человѣка, истиннаго народолюбца, — или же по стихахъ и „думкахъ“ его якъ народнаго поэта.

Съ великимъ трудомъ удалося ми большую часть стихотвореній его собрати, изъ котрыхъ многи еще нигде не были напечатаны, а въ котрыхъ покойный стихотворецъ такъ красно и живо описалъ мысли, нравы, житье-бытье своего народа, а для него и много поучительнаго.

Чтобы сіи сохранити отъ забвенія и обновити памягь его, — се! въ особномъ зборнику издавамъ и препоручамъ ихъ въ сохраненіе почтенной публики, молодому нашему поколиню. Ту сообщаю и автобіографію его по власной рукописѣ покойнаго стихотворца:

„Народился р. 1819. въ давной Угорщинѣ, шаришской столицѣ, Маковицкомъ походѣ, селѣ Чарне. Отецъ его: Иванъ, былъ попъ въ Чарномъ, мати: Анна Гладышивска съ Галиціи, — они померли, а Александеръ 4 рочный осталъ сиротовъ. — За якійсь часъ перебывалъ при сестрѣ, потому въ уйка Андрея Гладишовского, позднѣйше у брата Ивана попа въ Беньковѣ-Вышнѣ, въ Комарнѣ, на конецъ въ Львовѣ по 1834. рокѣ. Нормальны классы скончилъ въ Львовѣ, вернулся до Угорщины до брата Осифа попа въ Комлоши. 4 классы латински скончилъ онъ въ Бардовѣ, 2 роки гимназіи въ Мишколцу, 2 р. философіи въ Ягру (Eger), а 4 теологіи въ Тырнавѣ (Nagyszombat). Посвященный за попа 1848. р. Былъ 1½ рока учителемъ сыновъ граф. Сирма, позднѣйше въ Пряшови архиваромъ епископской канцеларіи; за 13 лѣтъ духовнымъ въ Бѣловежи, а за 36 лѣтъ — до смерти — во Вышнимъ-Свиднику.

Въ Галиціи по русски ничь ненаучился, языкъ польскій всягды пановалъ тогда. Бывалъ за 3 роки въ Львовѣ у св. Юра въ домѣ поправникъ (Recolection Haus) съ ласки тестя, его бра Іоанна. Того часу лемъ по польски гадалося всяды и проповѣди по русскихъ церквахъ по польски ся тримали. Въ классахъ нормальныхъ училися по нѣмецки и по польски, вернулся въ отечество полячкомъ.

Въ средныхъ и высшихъ школахъ преподавательный языкъ былъ латинскій. — Въ Бардовѣ привыкъ бесидѣ словацкой нарѣчію шаришскому. По мадярски почалъ мондокати въ Мишколцу и Ягру. Въ Тирнавѣ въ семинаріи было много словаковъ изъ комитатовъ Пресбурскаго, Нѣтрянскаго и Тренчинскаго, съ тыми жилъ въ пріятельствѣ а присвоилъ себѣ бесѣду словацку чисту, близку къ русской мовѣ, но infinito urba уже не

мало — але великорусской (znať, videť, robiť, delať, razumeť, hovoriť, mlčať). Тамъ почувствовалъ, что то народность.

Въ Тирнавѣ познакомился съ графомъ Замойскимъ, отъ котрого доставалъ польки книги, изъ нихъ много читалъ, но уже тамъ размышлялъ о своемъ матерномъ языку и почалъ римскими литерами складати русски стишки. Въ штерадцятыхъ рокахъ якъ всягды, такъ и у насъ стали чувствовати по народному; такъ и бѣдакъ „попѣвъ Шандоръ" зачалъ по русски мыслити и писати кириллицею т. е. русскими буквами. Въ тыхъ годахъ въ Пряшевѣ писалъ въ русскій „Вѣстникъ", котрый во Вѣдни издавалъ Вислободскій, позднѣйше въ Бѣловежи писалъ въ „Слово" и „Галицкую Зорю", а такъ дальше и дальше въ больше русски (Ужгородскѣ) мѣсяцословы и въ газеты: „Листокъ", „Наука" и „Недѣля" . . .

О благосердіи, о любви его ко своему бѣдному народу много знаютъ разговоривати еще и днесь старши люди на Маковици и его стары знакомы. Я за цѣлыхъ 13 лѣтъ щастливъ былъ разомъ съ нимъ дѣйствовати на поли просвѣщенія здѣшнаго народа. Ущастливился и того, же покойный на смертелной своей постели въ притомности много знакомыхъ обнялъ и обцѣловалъ мене слезами и со словами: „...вы были мой найлѣпшій другъ..." и тоты были послѣдны слова, предъ самою смертію его. Случай малъ я обширно познакомитися не лемъ съ особовъ, но и съ дѣйствіемъ его; но обширно описати ту нѣтъ мѣста. Доста явно свидѣтельствуютъ о немъ и ту сообщенны стихотворенія его.

Въ мѣсяцу септембру 1900. г. занедужалъ, ослабнулъ, — а въ 16/29 день тогожє мѣсяца написалъ послѣдный стихъ „Прощеніе", при томъ срисувалъ труну (гробъ) съ крестомъ въ знакъ, что

уже чувствуе кончину житья своего. Упокоился вечеромъ 25. дек. 1900. по н. с.

Гробъ (могила) его на восточномъ концу Вышне-Свидницкой церкви — прямо престола — означенъ пирамидообразныъ надгробнымъ памятникомъ изъ чорнаго мармора, въ самой же той церкви при правомъ клиросѣ въ стѣнѣ также на чорной мармировой плитѣ*) увѣковѣчена память его съ надписью золотыми церковными буквами:

ПАМЯТИ

О. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧЬ

СЫНА МАКОВИЦЫ, НАРОДНАГО

СТИХОТВОРЦА, ДУШПАСТЫРА СВИДНИЦКАГО

† 1900.

*) Тую я жертвовалъ памяти его, а надгробный памятникъ г. 1908. обновилъ, бо уже клонился.

И. А. Поливка.

Родословіе Павловичовыхъ.

На Маковици — два священники были.

Чарне

ПАВЛОВИЧЬ

I. Алексій и его братъ:

того сынъ:

II. Іоаннъ,

а того сынове:

III.

а) Іоаннъ,
б) Осифъ,
в) Петръ,
г) Эммануилъ,
д) Александръ (нашъ стихотворецъ.)

Нижнѣ-Полянки — Вышня-Ядлова

ПАВЛОВИЧЬ

I. Іоаннъ,

того дѣти:

II. 1. Сыны:

а) Петръ,
б) Михаилъ.

2. Дѣвицы и зятя:

а) Анна — за Туловичомъ въ Ортутови,
б) Марча — за Подгаецкимъ въ Никльови,
в) Иля — за Масникомъ въ Выкову,
г) Терча — за Левканичомъ въ Звани,
д) Марія — за Петромъ Гвоздовичь въ Цернинахъ.

III.

Маріи за Гвоздовичомъ, сынове:

а) Іоаннъ въ Ортутовѣ,
б) Андрей въ Тиханѣ,
в) Петръ въ Чарнѣмъ,
г) Михаилъ въ Цернинахъ.

ТУЖБА.

(Ко автобіографіи автора.)

О Маковицо, бабушенько стара,
Моего нянька и мамки могила!
Тебѣ жалостно днесь моя фуяра
Пѣсеньку дышетъ — она тебѣ мила.
Ибо съ ей груди щиры русски гласы,
Воспоминаютъ давны благи часы.

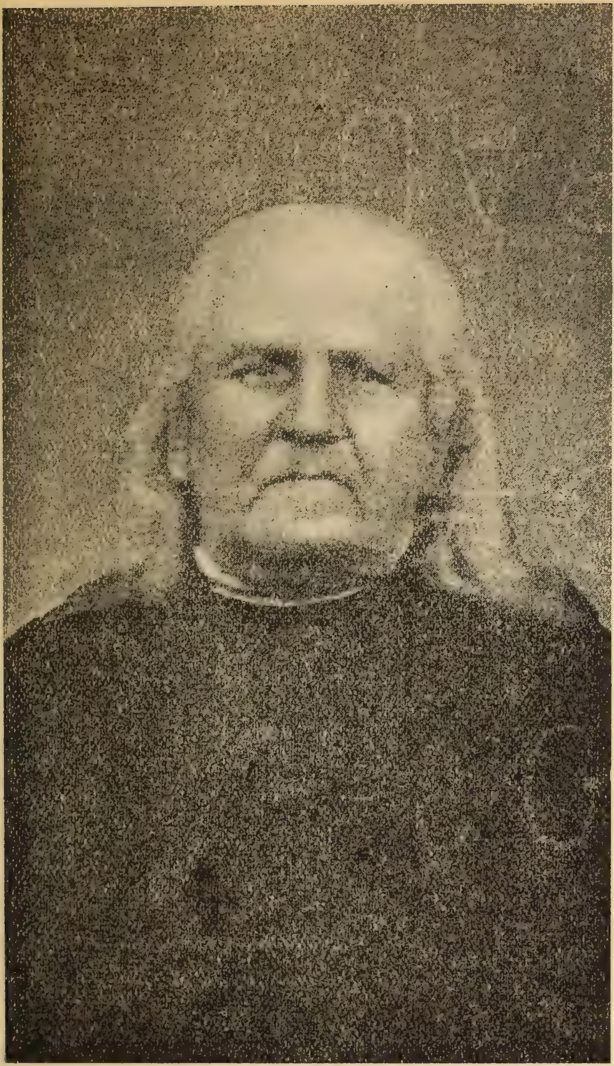
Нѣтъ ужъ панотца, ани панѣ матки,
А я остался бѣдная сирота
Долженъ прятатись изъ роднои хатки,
Смотрѣти где суть отверты ворота.
Въ брата ци въ сестры, въ стрыка ци ли въ [стрыны,
Въ уйка ци въ теты, иль въ одной родины?

Братъ пріялъ бы мня — но але братова
Не буде вдячна моему приходу;
Сестра небога съ дѣтми бѣдна вдова,
Стрыкъ — ахъ онъ уже померъ за молоду!
Уйко небораkъ далъ бы прибѣжище,
Але уйчина дудриве бабище.

Гевъ-тамъ блукался въ моей молодости,
Чрезъ дваразъ десять и дваразъ два годовъ,
Но пожеланной не нашелъ радости,
Не нашелъ нигде у чужихъ народовъ.
А мое сердце всегда тамъ бажало,
Гдѣ яри дѣтства свого проживало.

А неба мою жадость исполнили:
Днесь жію въ моихъ русскихъ братей долѣ.
Но они родный нашъ храмъ разрушили,
Чтобъ чужихъ людей угодили волѣ.
    Въ мѣстахъ, где отцевъ были сокровища,
    Тамъ совы гучатъ, тамъ сычатъ гадища.

Нѣтъ ту панотца, ани панѣ матки,
Нѣтъ Марчи, Ганчи честны русски доньки,
Что были ткачки, добры швачки, прядки,
Того ганьбятся сышны kisasszony-ки.
    Все въ рукавичкахъ ихъ бѣленьки руки,
    Твари шлаеромъ закрыли пауки.



Вышній-Свидникъ, 16/29. сентябрь 1900. г.

ПРОЩАНІЕ.

Ближится кончина житя,
Я одыйду съ того свѣта.
Духъ отлетитъ до вѣчности,
Гробъ закрые тѣло, кости.
    Остай съ Богомъ Маковица!
    Не увижу твои лица,
    Престану тя обіймати,
    Тебѣ пѣсеньки спѣвати.
Я тя любилъ, ты то знала,
Мнѣ насущный хлѣбъ давала,
Кормила и пріодѣла,
Сына учтила, любила.
    Разлучаюся съ тобою
    Тебѣ пѣснь послѣдну пою:
    Прійми благодареніе!
    Желай души спасеніе!
Будь здравъ милый роде русскій!
Отнесь тѣло во гробъ узкій,
Дабы тамъ сномъ смерти спало,
Суднаго дня ожидало.
    Прощайте вы братя стары —
    Молоды сложте ни мары*)
    Тѣло панъ-отца старого
    Несте до гробу темного.
Вы дѣточки любы, милы,
Отпровадьте до могилы, —
Помольтеся за вашого
Небощика духовного.

А. И. ПАВЛОВИЧЬ
81 годовъ старецъ.

Отъ вчерайшаго дня немножко лучше чувствуюсь.**)

---

*) Мары=носилки, на которыхъ труну несуть ко гробу.

**) Сей былъ послѣдній стихъ и подпись покайнаго народнаго поэта, когда уже смертелно заболѣлъ. „Посланіе“ сіе прислалъ до школы высше помянутаго дня, когда рядъ былъ на немъ катихизическое преподаваніе подержати — первое въ онномъ учебномъ году.

II.

ЛЮБОВЬ КЪ БОГУ, ОТЕЧЕСТВУ, РОДНОЙ ЗЕМЛИ И НАРОДУ СВОЕМУ.

НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ ЦЕРКВИ.

Свята церковь стала,
Бо подъ ньовъ есть скала.

Церковь Христова на скали
Збудована стоитъ,
А каждый ей непріятель
Цѣлый необстоитъ.
Кто противъ ней языкъ, перо,
Або свой мечъ тягатъ,
За нещастьомъ своей души
Самохотно сягатъ.
Бѣда тому, кто плынути
Мусѣтъ противъ водѣ,
Кто противъ церкви броюе,
Бѣжитъ къ своей шкодѣ.
Кто острогу съ ноговъ копатъ,
Тотъ ся самъ поранитъ,
Церковь никто не выверне,
Бо ей Христосъ бранитъ.
Чимъ вецей непріятелей
Противъ ней повстане,
Тѣмъ силнѣша она въ своей
Бытности остане.
Поминеся небо, земля,
И кажда рѣчь сильна,
Церковь невпадне, то гваритъ:
Правда неомылна.

ВОЗДЫХАНІЕ.*)

Подъ бременемм скорбныхъ заботъ,
Воздыхаю день день и почь
Стономъ вдовицъ, воплемъ сиротъ
Призываю Бога въ помочь.
Подъ бременемъ тяжелыхъ думъ
Упадаютъ духа силы
Унываютъ сердце и умъ
Предомною брегъ могилы.
Подъ бременемъ печальныхъ думъ
Ожидаю страстямъ конца,
Призываю впомочь свой умъ,
Силу духа, чувства сердца.
Прибѣгаю къ братямъ людямъ,
Дабы меня утѣшили
И отраду грознымъ судьбамъ
Чувствомъ любви подавали.
Прибѣгаю къ тебѣ поетъ!
Вдохновенный русскій мой братъ!

*) Въ собственной рукописѣ автора предъ стихомъ „Воздыханіе" написанно слѣдуще — какбы причина, подъ вліяніемъ который стихъ сей писанъ. „Страданія усилили свмоовержeніе во Вышнемъ-Свидники дня 27. авг. (8. сент.) 1871. года ночью о 11 ч. возниклъ пожаръ въ конници приходника и въ нѣсколько минутъ истребилъ всѣ зданія прихода, да все имущество Александра И. Павловича приходскаго священника, онъ потерялъ 65 крижовъ жита, 20 пшеницы, 45 ячменя, около 50 овса и пр. 150 сотнаревъ сѣна, конича, ляднику, всѣ орудія принадлежащія къ хозяйству, 3 возы плуги, бороны, одна хорошая лошадь, 16 свиней, 20 гусей, 50 курицъ и пр. словомъ все съ изятіемъ вещей находящихся въ комнатахъ и нѣсколько кусовъ рогатого скота, да одной лошади. Пострадавшій эту великую потерю найпаче пораженъ былъ тѣмъ, что неимѣлъ гдѣ склонити головы и принуждался строити новыя приходскія зданія. Послѣ этого несчастія А. И. Павловичъ замѣтилъ въ духовной жизни своей премѣненіе. Страданія усилили въ немъ самоотверженіе и онъ сталъ продолжать свою литературную дѣятельность.

Въ твоей груди отрадный медъ
Для тяжелыхъ моихъ досадъ,
Творческая сила сердца
Твоихъ пѣсней волшелный звукъ,
Воспой поетъ! моли Творца,
Чтобъ избавилъ меня отъ мукъ.
Воспой, воспой дражайшій братъ
Русской груди любви звукомъ,
За благодать братскихъ отрядъ
Воздамъ свой долгъ слезнымъ окомъ.
Благодарной груди звукамъ
Я воспою пѣсню мою,
Чтобъ ты ее предалъ внукамъ,
Съ моимъ чувствомъ и слêзою.
Чувствую и въ душѣ моей
Сласть высшаго вдохновеня
Да лишаюсь всѣхъ печалей —
Вѣра несетъ мнѣ спасеня!

*

Подъ бременемъ бѣдъ я воздыхалъ
Къ Тебѣ неба земли Творецъ,
И Ты отраду мнѣ подалъ —
Благодарю Тебѣ Отецъ!

* *

Скажи лирушенька моя:
Куда стремитъ душа твоя?
Неплачитесь плоти вижды —
Душа видитъ лучь належды,
Да вѣры пречудесный цвѣтъ
Во мнѣ печаль утолитъ
Вѣра согрѣетъ въ сердцу кровь,
Проженетъ призракъ земныхъ сновъ,
И вѣра поведетъ меня,
Гдѣ вѣчный покой найду я.

Не буду грустится пропавшимъ
Тлѣннымъ моимъ имуществомъ,
Стану утѣшаться оставшимъ
Въ храмѣ сердца любви чувствомъ
Буду наслаждаться любови
Божественнымъ сердца токомъ,
И воспою пѣснь Богови
Всѣхъ душевныхъ силъ звукомъ,
Пусть истекаетъ живой струей
Изъ источника сердца
Рѣка любви для всѣхъ людей —
Буду прославлять Творца!

*
* *

Воставъ отъ сна, размышлялъ утромъ,
Что надо будетъ нынѣ дѣлать?
Посовѣщался съ гусѣмъ перомъ —
И мы стали думки писать.
    И такъ уже мнѣ не уныло,
    Друзя утѣшаютъ меня:
    Бумага, перо, чернило —
    Моя вѣрная дружина.
Кромѣ мертвыхъ бумагъ, чернилъ и перъ
Есть у меня живыхъ друзьей.
Нѣтъ замка у сероца моего дверь:
Люблю всѣхъ добрыхъ людей.
    Да! всякій человѣкъ мнѣ пріятель,
    Я люблю и грѣшныхъ людей,
    Смагаюсь омыти ихъ пятенъ
    Жидкостію души моей.
Люблю живущихъ въ моемъ дому,
Помочниковъ вѣрныхъ слуговъ
И по возможности кождому
Оказываю любовь.
    Горесть жизни охоложаю
    Честнымъ да полезнымъ трудомъ,
    Сѣю — земный плодъ собираю
    Хлѣбомъ снабжаю я мой домъ.

По человѣчей возможности
Смагаюсь долгъ мой я сплатить
Святой церкви и народности
Плодъ моей жизни приносить.
И такъ переходитъ день за днемъ,
Въ бездну плынетъ жизни рѣка
Прійдетъ пора, скажемъ: пойдемъ!
Глаза запретъ чія рука?
Сопруги, дѣтей у меня нѣтъ*)
Чтобъ поласкали, польстили,
Чтобъ на могилу понесли цвѣтъ
Тамъ сердечно помолились.
Здѣсь немножко умолкла лѣра —
Пусть сердце — глаза говорятъ:
Воздухомъ слезой. Сейчасъ вѣра
Меня токмо стала утѣшать:
Хотя супруги и дѣтей нѣтъ,
Непечались стихотворецъ,
На твоемъ гробѣ неувянетъ
Безсмертныхъ твоихъ чувствъ вѣнецъ.
Нѣтъ съ плотію непойдетъ во гробъ
Вѣнецъ который ты увилъ,
Ты бо отъ осѣхъ твоихъ утробъ
Въ твоихъ ближнихъ Бога любилъ.
Да я крѣпко увѣренъ въ этомъ,
Что благородныя сердца
Прослезятся и воздохомъ
Будутъ о мнѣ молить Творца.

*) Павловичъ былъ неженатый — холостякъ.

ВОТЪ Я СОСТАРѢЛСЯ.

Когда меня прозвали батькомъ,
Думалъ себѣ я: вотъ шутятъ.
Но призадумался потомъ:
Прадву-ли люди говорятъ?

Правда! да я уже не молодъ;
На моемъ челѣ сморщина,
Въ тѣлѣ чувствую нѣкій холодъ,
Горбится жизни храмина.

Вздохнулъ — долго прискорбно думалъ
Да у меня волосъ сѣрой —
Махнумъ рукой, головой кивалъ . . .
Слушай Александръ! ты старой!

Изчезло полъ-ста твоихъ лѣтъ!
Въ мореморей, въ бездну вѣковъ,
Румянцовъ на лицѣ уже нѣтъ,
Да ужъ холоднетъ въ жилахъ кровь.

И серьезно сталъ я думать,
Думанную думу думалъ,
Помнулъ покойныхъ: отца, мать,
Отъ котрыхъ жизнь земну взялъ.

Кто далъ души моей начало?
Почто родился я на свѣтъ?
Зачѣмъ солнце любви сверкало?
Кто далъ мнѣ жизни моей цвѣтъ.

Скажи небесный учитель мой!
Что надо далiе дѣлать?
Осенiю жизни, — чтобъ я зимой
Не принуждался скорбѣть, плакать.

Вотъ грядетъ ужъ осень жизни,
Мнѣ надо плоды собирать,
Пора! житель земной отчизны,
О вѣчной жизни подумать.

Мужайся ты Александръ старой,
Но всегда ты буди готовъ;
Когда придетъ исполинъ герой,
Чтобъ онъ похвалилъ твою кровь.

Ступай по стремнинамъ Бескидовъ,
Совершай назначенный путь.
И вѣрѣ, языку прадѣдовъ
Непоколебимъ, вѣренъ будь!

*

Люблю васъ Бескиды милы,
Источники живыхъ водъ;
Люблю прадѣдны могилы,
Люблю тебе мой народъ!

ИСТИННА.

Ободренный души чувствами
Вооружаюсь молитвой
Стремлюсь чертить любвы краски —
Икону истины святой.
Она живетъ въ блески и тѣни
Въ вѣнцахъ царей въ цѣпахъ рабовъ
Въ гулѣ палатъ, въ сельской хижинѣ
Въ шумѣ жизни, въ мирѣ гробовъ.
Она повсюду присуствуетъ
Видимая души глазомъ,
Улыбается бесѣдуетъ
Ртомъ ребенка громовъ ревамъ.
И тамъ даліе за звѣздами
Истины огонь непогасъ,
Мы молимъ Бога со злезами,
Чтобы ей свѣтомъ просвѣщалъ насъ.

Насъ ослѣпленныхъ призраками
Жестокихъ людей невѣрныхъ
Неплѣняющихся звуками
Божественныхъ струнъ ефирныхъ.

Когда истинну ощущаемъ
Нашего сердца чувствами,
Невидимую любызаемъ
Души нашея устами.

Истинны чувствомъ пронизаясь,
Отецъ будущаго сына
Истинымъ чувствомъ поздравляя
Почувствовалъ: что истина.

Почувствовалъ не чувствомъ плоти,
Но чувствомъ души и сердца, —
Не чувствомъ мерзкой похоти,
Но истинымъ чувствомъ Отца.

Вотъ истинну невидимую
Въ зародошѣ сына видитъ
Обнявъ супругу любимую —
Будущую онъ мать любитъ.

Вотъ истину обнаружаютъ
Истинные: мать да отецъ,
Твердо вѣрятъ да уповаютъ,
Благослови ихъ Ты Творецъ!

Истиною согрѣтая мать
Вереда въ утробѣ своей,
Истинный дрогоцѣннѣйшій кладь
Обимаетъ всего душей.

Истина приближается къ намъ
Грядетъ ходомъ скороточномъ,
И мы узрѣмъ ее тамъ, тамъ, тамъ
Тамъ въ пространствѣ безконечномъ.

Питаясь сластію надежды
Стремись пари за истинной,
Броси съ себя плоти одежды
Пари къ Богу духъ безсмертный.

Истинѣ пѣсю приноша
Молитесь истины Отцу,
Молись сердце, молись душа,
Молитеся Богу Творцу.
Создатель міра Ты укрѣпляй
Истинну любящій духъ, мой,
Истинны меня назидай
Чтобъ всегда дышалъ истинной.
Вѣрю что истинна побѣдитъ
Неистинныхъ земныхъ боговъ,
Да Вѣчная правда поглотитъ
Богохулныхъ философовъ.
Быть можетъ призраковъ пріятель
Упрекнетъ истинны пѣвца,
Что онъ сновидецъ да мечтатель —
Пустъ просвѣтитъ Господь слѣпца.

ОТЕЧЕСТВЕННА ЛЮБОВЬ ПОДКАРПАТСКИХЪ РУСИНОВЪ.

Господи! благословляй
Нашъ Карпатскій милый край,
Его горы, равнины,
Всѣ племена, родины.
Боже! дай, бы, якъ рай
Счастливъ былъ карпатскій край.

Отче міра! изливай
Благодать на милый край.
Помози честно жити,
Отечество хранити.
Господи! защищай.
Нашъ родимый милый край.

Въ ущеліяхъ Карпатовъ
Русскій родъ жилъ отъ вѣковъ,
Ту будемъ и мы жити,
Отечество хранити,
Святый обрятъ, вѣру,
И народность намъ милу.

ДУМКИ.

(Во время прекращенія панщины.)

Рабства оковы сокрушенны,
Счезла панщина, нашъ ворогъ!
Молитесь вы дѣти блаженны,
Насъ защищаетъ Господь Богъ!
Радуйся подбескидска земле
Прадѣдовъ могила свята;
Лучше нынѣ, якъ было древле
Счастливы ужъ твои чада.
Свята Подкарпатска земля!
Кладбище нашихъ прадѣдовъ;
Любитъ тебе наше племя
Любитъ сердцемъ вѣрныхъ сыновъ.
Молимся надъ могилами
Сладчайшихъ всѣхъ своихъ батьковъ
Засвѣдчившихъ и дѣлами
Къ свободѣ пламенну любовь.
Радуйся же отчизна мати!
Цѣлуй и привитай сыновъ!
Свободно ты! народъ спасати
Спѣши! свободы дай плодовъ.
Любви росою орошати
Ты будешь наши дубравы,
Народа облагородняти
Рабствомъ испорченны нравы.

(1848.)

*

Минувшему во вѣчности
Да будетъ вѣчный покой!
А настоящій часъ спящій
Изъ сна буди ты Духъ мой!
Что минуло, загинуло
Въ тьмѣ вѣчной, тамъ да спитъ;
Но что живетъ и чувствуетъ
Да приноситъ жизни цвѣтъ.
Тѣло мое унылое
Теплая кровь розгрѣвай!
И веселымъ — сердце мое!
Чувства звукомъ заиграй!

*

Я сынъ Бескидовъ
Думки прадѣдовъ
Думаю;
Тебѣ родино
Мила дружино
Спѣваю.
На Маковицѣ
Братя, сестрицы!
Вамъ пою
Духъ народности
Со мною.
Думки прадѣдовъ
Пѣсни Бескидовъ
Спѣваетъ.
Вѣчно зеленый
Цвѣтъ нашъ надеждный
Сбираетъ.
Живый барвѣнокъ
На руській вѣнокъ
Полаетъ.
Что я гадаю

Чего желаю
То пою.
Русска родино
Пой! Пой! Дружино
Съ мною!
(1862.)

ПѢСНЬ НАРОДНАЯ.

Вотъ Карпатской земли дѣти
Патріарха*) окружаютъ
Желаютъ обнаружити:
Что вѣрятъ, да уповаютъ.
„Прадѣдная вѣра наша
Вѣщаетъ, что будетъ жити,
Поминетъ горести чаша
Солодкій медъ будетъ пити“.
„Возлюбить другъ друга братя!
Обымемъ народъ несчастный!
Сойдетъ съ небесъ правда свѣта
Возсіяетъ день прекрасный:
Возсіетъ день свободы!
Мы вѣримъ, да уповаемъ
О люди, братья, народы!
Лишь правды отъ васъ желаемъ.
„О люде братья, народы!
Равноправности требуемъ;
Отворите храмъ свободы
Да совокупно ликуемъ.
Возсіяетъ день свободы,
Мы вѣримъ, да уповаемъ
Обоймутъ насъ всѣ народы,
Ибо мы всѣхъ почитаемъ.

---

*) Іосифъ Гаганецъ бывшій епископъ пряшевскій.

Насъ народный вождъ: Владыка
Къ подвигамъ одушевляетъ,
Мы лобызаемъ старика,
Святитель благословляетъ:
Ура! сыны подвизайтесь,
Намь святая цѣль народна!
Ура! храбро подвизайтесь
Спѣшитъ будучность свободна,
Ура! подвизайтесь дѣти
За народную свободу!
Свободно мы должны жити,
Слава русскому народу!
Слава, слава, слава Тебѣ,
Старикъ, мужественный Отецъ!
Славу на земли, на небѣ
Дасть намъ вселенныя Творецъ.

(1866.)

СВОБОДА.

Витай миленька свободо,
Ты жизнь дающа ягодо,
Зъ твоей преблагой уроды
Удѣль про русски народы.
Что еси? Кто ся свѣдуетъ,
Вѣторъ дасть отвѣтъ, коль дуетъ,
И нѣма рыбка во водѣ,
Плавающа по свободѣ.
Что значитъ жити въ свободѣ,
Тамъ на голузцѣ при водѣ
Птичка весело спѣваетъ;
Бо о неволѣ не знаетъ.
Птиченьки поютъ лишь въ лѣтѣ;
Замолчатъ, якъ ихъ до клѣтки

Посадятъ хлопцы свавольны, —
Смутятся, бо суть невольны.
Парка голубковъ на стрѣсѣ,
А дикихъ тыжъ пара въ лѣсѣ
Дзьобокъ до дзьобка подаютъ,
Вольности опытъ намъ даютъ;
И той вольности уроды
Досягли русски народы,
Радостно руки си дадутъ,
Ужь до неволѣ не впадутъ,

РАДОСТЬ О СВОБДѢ.

Якъ летитъ пчелка,
Коль солнце свѣтаетъ,
Сладость по лукахъ
И лѣсахъ зберати;
Летяще цвѣтки,
Пахнячки витаетъ,
Которы дала
Ей природа мати:

Такъ якъ въ Бескидѣ
Якъ въ улію сидѣлъ,
Въ ночной темности
Ничого не видѣлъ;
Ажъ теперь наразъ
Прерадостна заря
Въ лицѣ младаго
Свѣтаетъ ми Царя.

Я въ клесной зарѣ
Лечу на долины,
Где пребываютъ
Русиновъ родины;

Бо ужь ихъ враги
И злобы не смутятъ
Радость спѣваютъ,
Жалостно не нутятъ.

Ой повеселься
Свободный Русине,
Ужь твоихъ враговъ
Злобна сила гине:
Новый вѣкъ даетъ
Каждому народу,
Ставай и витай
Святую Свободу!

Якъ равноправность
Народамъ свѣтаетъ,
Ужъ доразъ Бескидъ
Европа познаетъ;
Бо дѣтемъ его
Отворяется рай,
Ставай Русине,
Плясай, спѣвай, и грай!

Споеннымъ сердцемъ
Едногласно нынѣ
Всѣ до народной
Спѣшайме святынѣ,
Изъ сердецъ цвѣтовъ
Уплетемъ вѣночки
Народной Мамѣ,
Славянской державѣ
Блаженны дѣточки.

ВОСПОМИНОВАНІЕ.

— 1848 —

Тысящь годовъ: якъ ся стала
Для Русиновъ нощь окрутна,
Легла мати и не встала,
Мертвожива лежитъ смутна:
Странный народъ напалъ на насъ,
И затачилъ нашу Маму,
Не внимающь на страстный гласъ,
Бросилъ насъ во темну яму;
Благородны дѣти Славы
Избилъ, изгналъ въ темны горы,
Изъ луговъ въ пусты дубравы,
И оставилъ безъ подпоры.
Такъ племенникъ чужеселцемъ
Отступилъ свой прекрасный край,
Давъ поношенье пришелцемъ,
На Бескидѣ устроилъ рай!,
Въ горахъ, скалахъ храмъ будовалъ,
Славяй промысль Створителя,
Долгимъ временемъ бѣдовалъ
Чающе Избавителя;
И се Господь далъ му духа,
Слетѣлъ ему Ангелъ зъ неба,
И влада не была глуха,
Дала что му было треба;
Царъ Францъ му той вредъ загоилъ,
Избавилъ отъ ига сего,
Оскорбленный той родъ споилъ,
Чтобы онъ былъ народъ Его.
Ужь слава Богу свѣтаетъ,
Солнце и намъ загрѣваетъ,
И Бескидъ жизнь осѣняетъ,
Радостнымъ гласомъ спѣваетъ;
Братя себе познаваютъ,
Что до теперь ся не знали,
Руки собѣ подаваютъ.

До родины ся признали.
Теперь хоть ненависть грозитъ,
Она ужь насъ не устрашитъ,
Бо силный духъ не угрозитъ
Никто, и не переважитъ.

ПѢСНЬ РУССКОСЛАВЯНСКАЯ.

Славянски роды, дѣти свободы,
Цѣлому міру свободы желаютъ,
Но горды люде, жестоки, роды,
Общей свободы духа убиваютъ.
О люде братя! міра народы
Отворите храмъ общей свободы!

Десятую часть земнаго міра
Дѣти матушки Славы занимаютъ,
Плачевно гремитъ славянска лира:
Враги свободы Славянъ оскорбляютъ.
О люде братя! честны народы
Соединитесь въ храмѣ свободы!

О люде братя міра народы
Вамъ братску руку славянство подаетъ
Духомъ всеобщей святой свободы
Васъ поздравляя, щиро обимаетъ.
Пропало рабство, свобода жіетъ,
Вѣнецъ свободы славянство віетъ.

Пропадетъ гордыхъ подвладѣніе,
Равноправности цвѣтутъ нѣжны цвѣты,
Воплощается уже мнѣніе:
Долженъ человѣкъ, человѣкомъ быти!
Побѣдную пѣснь поютъ народы
Да славословлятъ Бога свободы!

ПѢСНЬ КАРПАТОРУССКАЯ.

Святымъ звукомъ русска земля
Свои чадца поздравляетъ,
Святымъ чувствомъ свое племя
Обимая лобызаетъ,
　　Гремлятъ гробы прадѣдовъ,
　　Святымъ громомъ русскихъ словъ,
　　Въ мнѣ кипитъ русска кровь.

Русская кровь согрѣваетъ
Весь моей жизни составъ,
Русская совѣсть вѣщаетъ:
Помни, что ты русскій Славъ.
　　Почитаю русску кровь
　　Моихъ честныхъ прадѣдовъ,
　　Имъ посвящаю любовь.

Русскій мой прадѣдъ, прамати,
Отъ вѣкъ-вѣковъ я Русинъ
Русь матушку обимати
Долженъ благодарный сынъ.
　　Кому законъ любви святъ,
　　Тотъ Русь любитъ, тотъ мой братъ,
　　Каждый измѣнникъ проклятъ!

Кто свой народъ опускаетъ,
Грѣшитъ противъ природы,
Не найдетъ чего искаетъ,
Останетъ безъ свободы.
　　Онъ отъ всѣхъ будетъ проклятъ,
　　Гнусный людемъ яко гадъ,
　　Каждый измѣнникъ*) проклятъ.

---

*) Изминникъ тотъ, кто народности, або вѣры прадѣдной отрекся — ренегатъ.

Дѣти, русскаго народа!
Вседержитель хранитъ насъ,
Намъ возсіяетъ свобода,
Господь дасть намъ благій часъ.
Слава Богу еще въ насъ
Огонь вѣры непогасъ;
Сила вѣры спасетъ насъ.

Вѣра тверда наше племя
Отъ пагубы сохранила,
Создателю русска земля
Жертвы любви приносила.
Вседержитель хранитъ насъ,
Онъ услышитъ любви гласъ,
Помилуетъ народъ нашъ.

ДОБРА РУСИНОВЪ.*)

Кажутъ, что Русины добра не имѣютъ,
А русиновъ Добра тамъ въ Budинѣ жіютъ;
Во главномъ городѣ — въ царской загородѣ
Моцно шанцуваны, сильно засѣяны.
Не можно продати, ни въ аренду дати,
Не можъ ни видѣти — бы могъ закупити,
Плоды приношаютъ и Русь прославляютъ.

Кажутъ что Русь въ краю до худобства**) зашла,
А Русь теперь скарбы въ Будинѣ вынашла,
Уже тамъ копаютъ, Рубинъ добываютъ,
Каменикъ маленькій, але дорогенькій,
Не можъ го цѣнити, ани преплатити.
Баню не продаме, бо лемъ една маме,
Хосенъ приношаетъ и Русь сбогачаетъ.

*) Изъ временъ: Добрянскаго, Рубія, Духновича.
**) Худобство=бѣдность, убожество, szegénység.

Кажутъ что Русь наша духа не имѣеть,
Русскій Духъ видимый — тамъ въ Пряшевѣ жіетъ,
Онь шепче до уха, — а рука, пазуха
Горѣ ся двигаетъ, народно дыхаетъ,
Духъ Русь воскрешаетъ, живу укрѣпляетъ,
Онъ насъ сбогачаетъ, много даровъ даетъ,
Родъ свой прославляетъ — облагородняетъ.

Кажутъ что Русь наша велика слѣпота,
Не дасть завестися она до болота,
Ужъ она прозрѣла собѣ умѣнила —
— Почто ся шпотати, очи выдивати —
Не треба ей вести, видитъ и въ темнотѣ,
Быстры очи мае, сдалека взирае, —
Видитъ и свечера, не треба штефера.

СТАРОДАВНАЯ ПѢСНЬ МАКОВИЦИ.

Ужъ емъ скусилъ много краю,
Всѣ стороны при Дунаю,
Всѣмъ превозношу столицу,
То веселу Маковицу.
 Въ Маковици, въ горномъ краю
 Черствы вѣтры подуваютъ,
 Лѣсы, горы, здравы воды
 Укрѣпляютъ людски уды.
Много время бы стратити,
Кто бы желалъ выявити
То, что извѣстно каждому
Непотребно хвалити ю.
 Смѣло можу повѣдати,
 Же весело въ ней бывати,
 Что пробувалъ князь Раковци
 Въ утѣшиню Маковици.

Замки маетъ съ каждой страны,
Такъ и мѣста муруваны;
Къ тому славну квасну воду
Ажъ на цѣлу Еуропу.

Ту наразъ можешь видѣти,
Яки суть люде во свѣтѣ,
Понеже ся ту снайдуютъ,
Маковицу нащивуютъ.

Ходятъ Москале съ Турками,
Нѣмецъ, Прусакъ съ Муринами —
И инны міра народы
Узрѣшь коло квасной воды.

Желаючи — что скусити,
Не треба му далей идти,
Лемъ най глянетъ въ горну страну,
Узритъ веселость не малу.

Кто бы ся смѣлъ споважити
Маковицу спотупити,
Тотъ незнае розважити,
Что здравлю можетъ служити.

Такъ, яко ранна зорница,
Превесела Маковица,
Лежащая отъ сѣвера
Въ округлости яко перла.

Красны горы, такъ и лѣсы
Суть отъ вшиткого весѣлши,
Еще и вода двояка —
То веселость человѣка.

Правда, же вина не мае, —
Але на збытъ паленки е,
Прото въ себѣ нема хибы,
Бо въ ней люде, яко рыбы.

Нынѣ себѣ заспѣваю,
Ту въ прекрасномъ нашомъ краю,
Же 'мъ ся вселилъ въ той столици,
Пиля горы Маковици.

Где жили наши предкове,
Князи, графы и принцове,
Якъ можно отступити
Отечество зохабити!
Та птахъ слободной въ лѣтаню —
Прецѣ невылетитъ съ краю,
Лемъ все прягне, где ся влягне,
Бо его тамъ сердце тягне.
Такъ я смутный, хоть сирота,
Не шествую гетъ до свѣта,
Лемъ собѣ тадый гуляю,
Отечество охраняю.
Краспа рѣчь есть то творити:
Въ дѣдицтвѣ ся оженити,
Най ся множитъ фамилія,
Что кажетъ Богъ, хощу и я!

ВЪ ЧУЖИНѢ.

Я несчастный въ чужомъ краю —
Якъ сирота жію я,
Всегда о тебѣ думаю —
Родная земле моя
Тамъ, где Бескиды, Карпаты —
Тамъ, тамъ моя отчина,
Тамъ жіе мой отецъ, мати,
Сестры, братя — родина.
Они за мной ся стараютъ:
Якъ я жію въ чужинѣ?
Я за ними воздыхаю
И посторазъ въ годинѣ.
О родная земле мила! —
Размышляю о тебѣ,
Твоя магнетова сила
Мене тягатъ ко себѣ.

Не тѣшать мя чужи краи,
Ихъ роскôши, выгоды,
Ми на мысли наши гаи,
Въ студенкахъ свѣжи воды.
Милы ми милы Бескиды,
Где жіе мое племя,
Где жили мои прадѣды,
Тамъ жити жадамъ и я.
Боже дай скоро узрѣти
Село, святый храмъ церковь!
Тамъ Богу ся помолити
За души моихъ предковъ.

ПѢСНЬ ПОДКАРПАТСКОГО РУСИНА.

О Русь Подкарпатска земля для всѣхъ братска!
Ты мене выкормила,
Мене воспитала,
Сердцу вѣру дала, —
Здравствуй мати моя мила!

Грудь твоя природна — хоть кормомъ неплодна
Но чувствомъ любови
Богама обильна,
Въ вѣрѣ предковъ мильна,
Крѣпка дѣломъ, не лишь словы!

Не напоемъ сласти, роскошнои страсти —
Но ты свого сына
Поила слезами,
Наполняла снами
Сумными, якъ смерти днина.

И отъ лѣтъ дѣтинныхъ — я въ горахъ родинныхъ
На твой край несчастный
Смотрю слезнымъ окомъ,
И въ жалю глубокомъ
Розсылаю рапотъ страстный.

Твое слово родно тутъ людямъ холодно;
Не хотятъ тя знати,
Хулятъ да ругаютъ,
Твой родъ оскорбляютъ, —
Чимъ же согрѣшила ты имъ мати?!

То чейже забыли они про могилы,
Где ихъ предки славны
Что скарбъ своей жизни
Несли для отчизны
И до бою были вправны!

Мало насъ ту мало послѣ тихъ остало
Вѣрныхъ рускихъ братій;
Но и тѣ немноги,
Хоть нищи, убоги, —
Знаютъ родъ свой охранити!

Во имя Господне племя благородне
Укрѣпится въ силы;
Ему Богъ поможетъ,
Гордыхъ переможетъ,
И прославитъ край намъ милый!

А тогда звучнѣйшу пѣсню, веселѣйшу
Стану я спѣвати;
И помолюсь Богу
За милость премногу
И за тебе, руска моя мати!

ПѢСНЬ.

Ци то неба воля или такій воздухъ?
Русинъ восталъ отъ сна, воскресъ народный духъ.
Снесе руганіе — враговъ гоненіе,
Долженъ жити его добрый народный духъ.

Небесная воля уже немогла снести,
Хотѣла Русина съ неволѣ вывести.
Народы презрѣли Русина квилили —
Ахъ сирота не малъ мѣста ани чести.

Коли на Русина солнце засвѣтило,
Между народами громко загрѣмѣло:
Русь мертва прочь встала? клопомъ намъ дѣла!
Мовчте добры люде, ужъ инакше буде.

Вы ровноправность намъ настали выдали,
Изъ той въ сердцахъ вашихъ вы насъ вымазали,
Даремны прелести, Русь не дастся звести,
Русины познали, что вы ихъ прелщали,

Таблици на грудяхъ вы собѣ вѣшали,
А всѣмъ однакову любовь обѣщали;
Хоць право еднаке но сердце двояке,
Мы уже попахали, якъ вы насъ кламали.

Русь на васъ не хоче клятву положити,
Что про васъ мусѣла народность таити;
Русь, что была тайна, уже міру явила,
Не дасть ся прелстити — да Русь должна жити!

РУССКА МАМА.

Ахъ! хоць гнѣвъ, хоць ласка, не судить Русь сама
Судъ ей подасть свѣту наша русска мама:
Что мене болѣло, перси поранило,
Немогламь плекати, дѣти годовати
Несчастны внуки Адама.

Ахъ хоць гнѣвъ, хоць ласка, мушу выявити,
Несносною болѣзнь немогу терпѣти:
Съ краю мня выгнали, въ Карпаты загнали
Хотѣли мня уморити — что маю таити!?

Ахъ! хоць гнѣвъ, хоць ласка, не могу таити!
Преокрутный мой жаль мушу выявити:
Дѣти ми выгнали и на нихъ ся мстили,
Хотяй воспитано, но службы неданно
Якже минулость хвалити!

Ахъ! хоць гнѣвъ, хоць ласка, трудно замолчати,
Бо немогу жалю мѣсто въ сердцу найти:
Правомъ заказали, народность не дали,
Мачеху славено — мене потупено
Болесно о томъ думати.

Ахъ! хоць гнѣвъ, хоць ласка, якъ маю молчати,
Кедь сердца, болѣзни неможъ рады дати,
По лѣсахъ, по горахъ — по темныхъ дубравахъ
Дѣти розпуджено, помощи не данно
Ой плакала русска мати.

Ахъ! хоць гнѣвъ, хоць ласка, что маю дѣлати!
Такій жаль, якъ есть мой, трудно и поняти:
Дѣти сглядувати, ихъ приголубяти,
Ахъ! персь присушена — давно недосна
Ей откручати, тягати.

Ахъ! хоць гнѣвъ, хоць ласка, трудно затаити!
Подамъ свѣту кривды, онъ буде судити,
Декретъ подписали, мнѣ въ руки отдали,
Мене оправдано: вѣкъ — вѣчный кидано
Пресмутно я должна жити.

НАРОДНАЯ ПѢСНЬ.

Арія: Яворовы колки...
или:
„Po ňižej Braňiska
Čeče voda bistra...
Chlapci še v ňej kupaju".

Родимцы дороги
Окрутны вороги
Громы на насъ пускаютъ,
Мы ся крѣпко спойме
Враговъ ся небойме —
Неба насъ защищаютъ.

Перуны поминутъ,
Славяне не згинутъ
Хоць ихъ враги поранятъ,
Бо кто вѣру маетъ,
Богъ му силу даетъ —
Отъ смерти го сохранятъ,

КЪ ВОЖДАМЪ НАРОДА.

I.

Панове не ганьте Маковицу,
Ту бывать честный людъ подъ границовъ.
По горахъ барзъ тяжко ту працуе,
Порцію податки отплачуе.

Тотъ бѣдный русскій людъ робитъ на васъ,
Што му розкажете — кончитъ доразъ,
За его роботу, тяженкій трудъ,
Учтійте, милуйте тотъ бѣдный людъ.

Хоць дома и доловъ*) онъ працуе,
А при томъ барзъ часто голодуе.
Но прото онъ любитъ милый край нашъ,
За него молится свой Отче нашъ.

А тотъ вашъ молодшій неукій братъ,
Онъ чекатъ на добрый отъ васъ прикладъ.
Дайте му приклады побожности:
Во вѣри, надѣи и милости.

За вашимъ прикладомъ иде тотъ людъ,
А подлы приклады ведутъ го въ блудъ.
Тотъ бѣдный неукій людъ проситъ васъ:
„Вы мудры панове научте насъ!“

„Жебы'сме статочно, мудро жили,
Розпустовъ, піянства ся хранили.
Кедь мудро водити будете насъ,
Будеме якъ дѣти любити васъ.“

II.

Якъ малыя дѣти, днесь Русины стоятъ
Безъ вождовъ народныхъ крачатися боятъ
Просятъ священниковъ, бы ихъ провадили
Ко цѣли, для котрой на свѣтъ ся родили.

---

*) Доловъ = долный край, Alföld.

Ноже-но до дѣла Отцы священницы!
Народныи врачи, вожды, начальницы!
Провадьте русскую дружиноньку милу
На путь святой правды, Господь дасть вамъ силу.

Слава угро-руссовъ есть цѣль а и мати,
И вы должны для ней лачто жертвувати.
Съ Русинами и вы прійдете до славы
Вѣнець отъ народа пріймуть ваши главы.

Ноле вѣрны дѣти русскаго народа!
Котрымъ есть милая народна свобода,
Спойте братски сердца, спойте русски руки!
Станьте другъ при другу, якъ бескѣдски буки.

Съ Богомъ до народной вступуйте святынѣ,
Дасть Богъ лѣпше будетъ завтра, якь есть нынѣ.
По-минется смутокъ, а настанетъ радость
А ваша святая исполнится жадость.

Уже является зорница потѣхи
А тая освѣтитъ темны ваши стрѣхи.
Тая васъ поведетъ до народной славы,
Вѣнцемъ пріоздобитъ ваши русски главы.

Смѣло къ народному дѣлу родомилы,
Богомъ вамъ данныя употребте силы!
Заслужилъ родъ трудъ вашъ, бо онъ васъ питаетъ,
Выживность, одежду — не онь — ли вамь даетъ?

Слава для народа, и вашею буде!
Съ потупою рода, вась потупять люде.
А прото глядайте славу для народа,
Най васъ не острашать несчастя, пригода.

Отъ неразумнаго отродилца брата,
Хотяй есть невдячность для васъ днесь заплата,
На то невнимайте, такъ было, есть, буде,
Своимъ доброчинцамъ невдячны суть люде.

Люде доброчинцамъ — до коли ихъ маютъ —
Вдячность заслуженну мало коли даютъ.
Ажъ якъ ся поминуть ихъ добродѣтеле,
Много ихъ жалуютъ, а суть ихъ чтителе.

На могилахъ предковъ зберають барвѣнокъ,
Вiютъ доброчинцамъ благодарный вѣнокъ
Вѣнокъ, котрый народъ своимъ предкомъ даетъ,
Вдячности зеленость — во вѣкъ не увянетъ.

Слезами вдячнности гробы предковъ росятъ.
Господню благодать на нихъ 'зъ неба просятъ.
Докля народъ жiетъ, потомцы ихъ тямятъ,
И жалостно пѣютъ: „Вѣчная имъ память.“

НАШЪ НАРОДЪ.

Въ святилищѣ народа горитъ
Огонь вѣры, пламень языка.
Духъ народа чудеса творитъ
Силою вѣры и языка.
Могущественный народа рухъ,
Его держава превелика,
И дѣйствiя безпредѣльный кругъ . . .
Онъ самодержецъ, царь владыка,
Ему повинуется земля,
Ему служатъ моря и воздухъ.
Предъ тобою благоговѣю я
Благiй русскаго народа духъ.
Народъ властелинъ великъ,
Большiй отъ царей и владыкъ.
Его завѣтъ: вѣра, языкъ.
Тѣми онъ себе управляетъ,
Господствуетъ, повелѣваетъ,
И державы основываетъ.

Владыкъ и царей вѣнчаетъ,
На свой престолъ поставляетъ,
Имъ свою власть повѣряетъ
Право правящихъ обожаетъ,
Недостойныхъ низвергаетъ.
И въ могилу полагаетъ.
Мы вѣру, языкъ соблюдаемъ:
Любимъ Бога, да братьевъ людей,
Въ Бозѣ надежду полагаемъ,
Отъ него ждемъ и лучшихъ дней.
Карпаты въ жилище Богъ далъ намъ,
Мы любимъ ущелья, горы, скалы;
Карпаты нашъ народный храмъ
Его всегда защищали
Наши предки, дѣды, прадѣды,
Люблю васъ, люблю Бескиды,
Васъ сердцемъ, душой обнимаю,
Вамъ свою жизнъ, посвящаю,
Молю родину русску, милу,
Чтобъ поставила крестъ на могилу
И желала мнѣ вѣчный покой,
Здравствуй, прощай русскій родъ мой.

(1892.)

ГЛАСЪ РУСИНОВЪ.

Бескиде, могило на Русиновъ гробѣ,
Скажи нашимъ отцемъ во твоей утробѣ,
Что мы еще жіемъ, есме Русинами,
Но любви ни згоды не е между нами,
Бы они, кедь можно, изъ мертвыхъ повстали,
А кедъ нѣтъ 'бы духовъ своихъ къ намъ зослали,
Бо мы ихъ сынове омлѣты и слабы,
Различныхъ похотей своихъ мы 'сме рабы.
Буряйся Бескиде, скалы ся пукайте!
Духовъ нашихъ отцевъ дайте-же намъ дайте!
Бы падшую нашу подвигли побожность,
Отняту вернули своимъ сынамъ годность.

Въ тысящрочныхъ гробахъ праотцы Русины,
Почувше, что помощь молятъ отъ нихъ сыны,
Мохомъ оброснуты поддвигли каменѣ,
Бы 'з ихъ сердецъ любви палили пламенѣ.
Блискало, гримѣло, тряслися Бескиды,
Лемъ разъ отворили гробы свои дѣды,
Изъ тыхъ вылетѣли голубоньки сивы,
А за гуркотали: О вы несчастливы!
О вы несчастливы чада наши милы!
Гдеж' вамъ ся подѣли старорусски силы?
Кто васъ изъ природной вашей невинности,
Выблеколъ, позбавилъ русской народности?
Кто же васъ позбавилъ невиннаго цвѣта,
Кто васъ припроводилъ во блудъ сего свѣта,
Гдеж' вамъ тая вѣра, котру вамъ Богъ зъявилъ,
Ахъ ктоже васъ того вшиткого позбавилъ?*)
Прійдутъ на васъ кары, вы злобивы враги,
Что сте спотупили дѣти наши драги
Что сте имъ отняли вшитку силу красу
Что ихъ зневажате отъ давного часу.
Премѣнитъ Господь Богъ бескидски яскинѣ
Во свой храмъ на земли, во своя святынѣ;
Прйдетъ, уже идетъ благодарне время,
Въ которомъ Богъ потѣшитъ засмущене племя.

*

Но вы всѣ сынове русскаго имена,
Вамъ ся уже явитъ днесь весна зелена,
А вы ся встыдате народнаго слова,
Милша вамъ есть чужа, якъ отцовска мова,
О вы вашихъ предковъ потомцы неходны,
Ни теплы, ни зимны, ани не холодны,
Вы-что свой родъ благій нищите губите,
А чужину только витате, любите,
То не для васъ идетъ радостная весна,

---

*) Гласитъ тымъ бывшимъ русинамъ, которы подъ гнетомъ оставили русскій обрядъ или вѣру своихъ прадѣдовъ.

Въ котрой скропитъ Бескидъ нашъ роса небесна,
Когда про Русиновъ придетъ ярь и жнива
На васъ придутъ громы и плюта огнива.
Вы русскую, нравно, народну особу
Мучите, біете, кладете до гробу;
Вы зрадцы, тымъ грознымъ самобойства скуткомъ
Цѣлый русскій народъ прикрывате смуткомъ.
Мы только въ надеждѣ въ гробъ склонили главы
Безъ ожидаемой покинули славы;
То, что мы желали, за чимъ сме тужили,
Вы невдячны зрадцы того ся дожили,

Про вѣру, народность насъ били мучили,
Бы сме ся къ племенамъ чужимъ прилучили.
Мы при томъ всѣмъ были вѣрны, постояны
Вѣра и народность гоили намъ раны.
Русинъ народную пѣснь заспѣвалъ себѣ
При свадбѣ, крестинахъ, такъ и при погребѣ,
Онъ въ смутку потѣху — а мѣру въ радости
Глядалъ въ источнику своей народности.
Старшихъ въ почтенію все Русины мали,
Ихъ мудру пораду за святу держали,
Въ Бескидахъ панувалъ: покой, любовь, згода —
Тогда процвѣтала еднота народа.

Днесь але о жалю! о смутку великій!
Бо не еденъ Русинъ звѣронравный дикій.
Бій-забій на брата, котрый родъ свой любитъ,
Де можетъ 'му вредитъ, его працы губитъ.
Днесь, когда свободу въ народности досталъ,
Отродилецъ Русинъ рода зрадцемъ осталъ;
Свою ганитъ, тупитъ рускую народность,
А въ чужой глядаетъ честь, славу и годность.
Онъ вшиткое злое днесь въ Русинахъ видитъ,
Нравность, же есть руска, прото ся ей встыдитъ.
Для него суть вшитки цноты, невинности —

Прото что суть русски-грѣхи, фалчь а злости.
Мовомъ отцевъ своихъ ганьбится встыдаетъ,
Къ знищеню Русиновъ врагамъ руку даетъ;
Хощетъ, бы сгинуло Русиново имя,
Съ именемъ цѣлое славне русске племя.
Онъ ся съ тымъ побратилъ, что нашъ родъ мордовалъ
Что, коль Русинъ плакалъ, тогда ся радувалъ,
Котрый и днесь хощетъ всѣхъ Славяновъ стерти,
Свое житя глядатъ во Славянской смерти.
Несчастилва наша народная нива
Стоитъ опущена, такъ якъ скала сива;
Такъ якъ скала сива стоитъ русска нива
Доле Русинова, доле несчастлива!
Пусты русски поля, пусты русски луки,
Русски дѣти плачутъ, заломуютъ руки!
Въ смутокъ ся одѣла Русинова доля.
Хотя уже згибла старая неволя;
Смутно задуманый русскій народъ стоитъ,
Предъ свѣтъ выступити онъ ся еще боитъ
Стоитъ задуманый, опертый при буку,
Якбы ждалъ, бы дакто подалъ ему руку.
Якъ малое дѣтя, что почнетъ ходити,
Смѣлости не маетъ, кажетъ ся водити.
Такъ, якъ тотъ, что встанулъ изъ долгой хворости,
Въ котрой его тѣло ослабло и кости,
Хотяй ужъ о своей власной силѣ встаетъ,
Но ко ходу смѣлость не скоро достаетъ.
Русинъ єсть розважный, о томъ добрѣ знаетъ,
Же кто ся понаглятъ, часто упадаетъ.
Давно онъ-предавно на Бескидѣ сидѣлъ
А многихъ бѣжащихъ упадати видѣлъ.
Русинъ въ Бога вѣритъ, котрый былъ отъ вѣка,
Себе за слабого держитъ чоловѣка;
Онъ въ Богу, не въ себѣ, вшитко покладаетъ.
Богу, а не свѣту, честь и славу даетъ.

КОЛОМЕЙКА.

Хоть Руснаки голы, босы, но хлопы, якъ буки,
У нихъ есть здоровый розумъ, сильны, крѣпки руки,
Будутъ орати, сѣяти, обрабляти поле:
А не буде наше пломя голодне и голе.
Будутъ орати сіяти, прилѣжно робити
Будутъ наши милы дѣти сыты, пріодѣты,
Будетъ орати, сѣяти, ниву обрабляти,
Будетъ школы будовати, дѣти просвѣщати
Дасть Богъ будутъ посвѣщены Бескидски стороны
Перестанутъ намъ хулити кавки и вороны
Живутъ предковъ благородны сынове и доньки.
Ужъ на нашихъ родныхъ лугахъ зацвѣли цвѣтоньки
Уже зацвѣло подоля, зацвѣли Бескиды
Цвѣтутъ въ молодыхъ племенахъ, родны чувства [святы,
Ликуй, ликуй веселися мила родна мати,
Мы пооремъ, мы посѣемъ внуки будутъ жати.

ОТДОХНОВЕНІЕ ВОЗЛѢ КЛЮЧЕВОЙ ВОДЫ.

Грудь утомленная твердою работою
Среди знойнаго дня пожелала отдохнуть,
Озираясь-вотъ замѣтилъ я подъ скалою
Ключевую воду да въ тѣни милой пріютъ.
Тамъ, тамъ-восторжно возопѣла жажда моя,
Къ неистощимой сокровѣщници природы,
Тамъ жадность усталости потащила меня.
И приспѣвъ къ источнику ключевой воды.
Мою унылую плоть я на землю бросилъ
И родникъ трикратно познаменая крестомъ,
Насосомъ легкихъ моихъ воду жадно пилъ
Мѣрялъ ее утробѣ податливымъ ротомъ.

О добрая природа рачительная мать!
Великодушная праведная твоя грудь,
Я работамъ, ты бо велила работать
Щедро возмездила меня за сыновный трудъ,
Твой сынъ утомленъ работою сего дня
Получилъ отъ тебя укрѣпленіе,
Создатель природы! Тебѣ душа свободна
Приноситъ свои чувства въ благодаренье!

КАЧКА.

Прилетѣла качка до нашого краю,
Она муситъ быти ажъ тамъ отъ Дунаю.
Маковица мила ей ся полюбила,
На Однаву сѣла, тамъ ся всалашила
Качка отъ Дунаю,
Эй гетъ отъ Дунаю.
Дуная и Тисы воды коломутны,
Тамошнѣ жители тѣжъ суть дуже смутны.
Маковицкой воды вкусны рыбны плоды,
Меренки плываютъ, слижики имаютъ
Эй то качка мудра,
Эй гей качка мудра.
Ужъ Дунайски воды для качки не милы,
Ей ся Маковицки барже полюбили,
Дробеньки рыбоньки, ости ихъ мягоньки,
Легко ихъ имати, ости можъ глтати,
Эй рыбки съ Ондавы
Добры, вкусны, здравы.

ДУМА КАРПАТОБОРЦА.

О родительна мила
Святая Русь мати
Учи меня твоей души
Думушки думати.
Моли міровъ создателя
Чтобъ я вдохновлялся,
Истиною того Духа,
Коимъ міръ создался.
Чтобъ вѣщая Руси лира
Вѣрою дышала,
Звуками святой истинны
Сердца проницала.
Чтобъ Руси вѣрныи чада
Изъ сна пробудились
Вѣры, любви, да надежды
Чувствами молились.
О Русь мати помолися
Съ твоими сынами,
Чтобъ мы истинну вѣщали
Сердцемъ да устали.
Пусть услышать Руси звуки
Всѣ честны народы
Пусть сіяетъ для всѣхъ племенъ
Свѣтъ святой свободы.
И согрѣетъ теплотою
Всѣ на земли роды,
Чтобъ принесли создателю
Своей жизни плоды.
О Господи благослови
Струны нашей лиры,
Чтобъ понялъ западъ истину
Православной вѣры.

* * *

Слушай русскій человѣче!
Духъ народа тебе кличе.
Смотри быстро, спрости тѣло,
Рушай, ступай, крачай смѣло!
　　Ступай впередъ русскій брате,
　　Предъ тобою дѣло святе,
　　Тебе зоветъ духъ народный,
　　Ты долженъ быти свободный.
Духъ свободы въ горахъ жіетъ,
Ему народъ вѣнецъ віетъ.
Русскій народъ богобойный,
Ненавидитъ звѣрской войны.

III.

ИСТОРИЧЕСКИ.

НАЧАЛО ИСТОРІИ УГОРЩИНЫ.

Люде слухайте ле'! якъ то давно было,
Во свѣтѣ што, коли, якто ся водило.
Где, яки народы коли пребывали,
Якихъ воеводовъ, царей, пановъ мали.
Што, якъ дѣялося на томъ божомъ свѣтѣ —
О томъ во школѣ мы учимеся дѣти.
Якъ то люде жили, а што где дѣлали,
То писемны люде позаписували,
Тото описаня дѣепись, назвали.
Зовеся дѣепись або історія,
Съ той то исторіи дашто знаю и я.
Добры люде рачто мене послухати,
Буду о Угорскомъ краю росправяти.

*

Нашъ край предъ вѣками Пановіевъ звали,
Ту тогда различны племена бывали.
Жили ту Волохи, Славяне, Болгаре,
Потому зась Гуны, Аваре, Мадяре.
Гуны и Авары край поохабляли,
Мадяре Паннонскій край завоевали.
Якъ съ Азіи вышли предъ 1000 роками,
Ишли шторазъ дале горами, лѣсами.
Тогда якъ Мадяре край завоевали,
Они славныхъ штирехъ воеводовъ мали:
Арпадъ, Золтанъ, Такшонъ, Гейза вожды были,
А тоты по войнахъ мадяровъ водили.
Якъ ужъ Паннонію Арпадъ до власти взялъ,
Новый край Угорсковъ краиновъ онъ назвалъ.

*

Мадяре поганску вѣру вызнавали,
Но ту въ новомъ краю креститися дали.
Гейзового сына Вайкомъ называли,
Якъ го окрестили, Стефанъ имя дали.
Пакъ Стефана того — ужь покрещенного,
Угры выволили за царя своего.
Первый Угорскiй царь Стефанъ чловекъ святый,
Порадилъ Мадярамъ святый кресть прiяти.
Христiанску вѣру и самъ проповѣдалъ, —
Стефанъ для краины мудры права выдалъ.
Онъ свои народы милувалъ якъ дѣти,
А сердечно жадалъ всѣхъ ущастливити.
Малъ лемъ единкого сына: Эмерика,
Въ сердци его радость была превелика.
Смерть немилосердно засмутила отца,
Взала до вѣчности премилого хлопца.
Розжаленый вздыхалъ царь Стефанъ старенькiй:
„Сыну мой предрагiй! Сыну премиленькiй.

Я тебе за царя хотѣлъ выховати,
А ты въ темномъ гробѣ муситъ ночивати;
Ахъ смутны пресмутны мои дни и ночи,
Всегда купаются въ слезахъ мои очи.“
По сыновой смерти Стефанъ сталъ думати:
Кого теперь builtграмъ за царя вручати?
Стефанова сестра сына — Петра мала,
Жебы тотъ былъ царемъ — Стефана благала.
Единостай просила царя — брата свого:
„Ноле Уграмъ порадь Петра сына мого!“
Угры Стефанову пораду прiяли,
Такъ Петрови царскiй престолъ обѣцяли.
Тридцетосемъ роковъ царь Стефанъ царювалъ,
А по его смерти Петро наступувалъ.

По первомъ царьови
Святомъ Стефанови,
Угра раду мали,
А Петра выбрали.

МАКОВИЦА.

(Историческій очеркъ.)

Най намъ повѣсть кто знатъ въ Шарошской столици:
Откаль-же походитъ имя Маковици?
На тотъ вопросъ хибаль то отповѣдаютъ,
Же вера певного о томъ ничь незнаютъ.

О томъ именѣ ся люде догадуютъ,
А для Маковици, мена выдумуютъ.
Я сынъ Маковицы, ей народъ милую,
О ей минулости писати спробую.

Дванадцтого вѣку а и въ половѣци (1241.)
Ужъ főispán Tegus зналъ о Маковици.
Бардіовски мнихи цареви скаржили,
Же пряшевски нѣмцы пакость имъ чинили.

Же отберають имъ лѣси и паствиска —
Недобры сосѣди Саксонцы нѣмчиска.
Tegus былъ высланный порядокъ зробити,
Онъ по горахъ-лѣсахъ мусѣлъ проходити.

Споминатъ онъ воды: Таплю, Лукавицу,
А и едну гору-меномъ Маковицу.
Чому тому гору люде такъ назвали?
Намъ о томъ предкове ничь ненаписали.

Думамъ же отъ маку
Назвиско достала,
Бо такъ, якъ макова
Главка высмотряла.

*

Болше замковъ было въ шарошской столици
А между тыми былъ и градъ Маковици.
Кто далъ го ставити! дармо ся звѣдаме,
О томъ никто незнатъ, ани мы незнаме.

Люде, котры тогди при замку робили,
Та ихъ небожата мучили, трапили.
А о томъ трапеню едну пѣсень маютъ,
Стары бабки тоту жалостно спѣваютъ:

„Коли муровали бѣлу Маковицу,
Гонили на панске убогу вдовицу.
Едну недѣленьку сына на свѣтъ дала,
Другу недѣленьку мужа поховала.
Третю недѣленьку на панске ей гнали,
На панске ей гнали, покоя не дали.
На панске ся брала, горенько плакала,
А въ своихъ слезонькахъ сыночка купала.
На едной ручeньки сыночка тримала,
А съ друговъ рученьковъ каминя давала.
Каменя давала, озера глядала,
Въ котромъ бы навѣки сына окупала.
Плывай сыну плывай въ глубокомъ озери.
Незазналъ есь отца, незазнай матери.
Отца есь незазналъ, бо ти го Господь взялъ,
Матерь тя втопила, та и ей незазнашь".

*

Въ угорской краинѣ, въ Шарошской столици
Жили славны люде ту на Маковици.
Надъ Зборововъ замка смутны розвалины —
Въ тымъ замку бывали вождове краины.

Якъ Zudar, Seredy, потому Rákóczy, —
Замокъ якъ погорѣлъ, они во Зборовѣ
Каштелѣ для себе муровати дали,
Коло тыхъ сто липовъ садити казали.

Кебы тоты липы проговарити знали,
Раковцову славу бы намъ выглашали.
Якъ ужъ поминулся славный князь Раковци,
Потомъ графъ Asprеmont бывалъ во Зборови.

Онъ ко доньки пріялъ зятя Erdődy-его,
Позднѣйше другого графа Szirmay-его.
Тоты Маковицу дѣлили, торгали,
Одышли геть отъ насъ, а мы ту остали.

Они урядниковъ нѣмцовъ ту тримали,
Тоты понѣмецки народъ муштрували.
Но тисящосемсто штрадцятьосмой яри,
На діетѣ были знесны урбари.

Престала панщина, престало подданство,
А край вынаградилъ оречите панство,
А што потому ся въ краинѣ водило, —
Непооминамъ, бо бы раны розярило.

ДУМКА НАДЪ МАКОВИЦОГРАДОМЪ.

(Бѣловежа 1859.)

Славный въ Панноніи былъ градъ Маковици,
Въ томъ князи бывали тойто околици.
Уничтожителновъ силовъ розбуреный —
Надъ Зборововъ стоитъ замокъ спустошеный.
На розвалины ся люде оглядаютъ.
О нихъ розмаиты мысли повѣдаютъ.
На Маковицоградъ духъ мой позирае —
Русинъ на словенксихъ гуслахъ выгравае.*)
Слухайте славики! Слухайте горлици!
Вѣрный Русинъ спѣвать матки Маковици.

*

Розбурены муры Маковицограда!
Где же ваша краса, роскоши, парада?

*) Поэтъ этотъ стихъ — но кроми сего и больше стиховъ — на шаришско-словацкомъ нарѣчіи написалъ.

Где славны князи что васъ ставити дали? —
Где бѣдны людкове что васъ збудували? —
Молчачи говорятъ града муры нѣмы:
„Минулося вшитко поминемъ и мы:
Сничтожила вшитко, временъ грозна сила,
А въ знакъ минулости насъ ту оставила."
Ахъ дармо предармо съ часомъ ся смагаме,
Силны наши стѣны часъ буритъ а ламе.
Часъ створенны рѣчи заничь себѣ цѣнить,
Ахъ вшитко ся вшитко на свѣтѣ премѣнитъ.
Что вовѣкъ остане? что не премѣнится? —
Лемъ вѣра, надежда, любовь есть всевѣчна.
Где суть твои князи о Маковицоградъ! —
Ахъ мало-кто о нихъ, мало что памятать!

ДУМКИ

надъ могилою подъ Бардіевомъ на 1849. г.

I.

Зъ надъ синего Дону
Козакъ выизжаетъ,
Свой родимый край козацкій
Думкою prащаетъ:
„О, Донская земле,
Козацкая мати,
Пращай нынѣ, — бо я долженъ
Въ чужину ступати."
Пращай отче, мене
И сестры миленьки,
И ты Доне, синій Доне
Батьку нашъ старенькій!
„Царь велитъ, — я долженъ
Нынѣ васъ кидати;
Гдежь я буду, синій Доне,
Коня напавати?"

Козакъ попращавшись,
Коня затинаетъ;
Конь заржалъ, и пріуныло
Съ козакомъ ступаетъ.

II.

Козакъ степомъ*) мчится,**) —
Земля загремѣла:
„Ой, вернись, вернись козаче,
Тамъ твоя могила!“
— „Не страшна могила
Менѣ на родинѣ:
Только жаль мнѣ, хоть бы славно
Умерти въ чужинѣ!“

III.

Минулъ козакъ степы,
Конь подъ нимъ поткнулся:
Чей, козаче, жаль про тебе,
Что ты не вернулся!
Идутъ въ чужи горы,
Конь жалобно ржаетъ:
Чей, козаче, вразъ съ тобою
Про Донъ вспоминаетъ!

IV.

Подъ Бескидомъ хмары
Чорныя сбирались;
Ой, не хмары то, — а хищны
Вороны слѣтались.
Подъ Бескидомъ громы
Силно роздаются,
Ой, не громы то, — а войска
Сопротивны бются.

*) Степь = puszta, sivatag
**) Мчится = siet, rohan, száguld.

V.

Кругомъ козаченька
Летятъ стрѣлы градомъ,
Но онъ скачетъ и рубаетъ
Все козацкимъ складомъ.
Тысячная куля
Козака минала,
И не куля, — а мадярска
Сабля его стяла.

VI.

Конь заржалъ жалобно,
И упалъ надъ ровомъ, —
Ой, вырыто козакови
Гробъ подъ Бардіевомъ.
Родны Донски братя
Его хоронили,
На могилѣ православный
Крестъ свой устремили.

VII.

Козацка родина
Надъ Дономъ пируетъ:
Изъ далека — отъ Бескидовъ
Тихій вѣтеръ дуетъ.
Не вѣтеръ то дуетъ
Легкокрылый, тихій, —
То несется рухъ козачій, —
До родинной стрѣхи.
„Не страхайтесь братья,
Други мои милы!
Се я, вашъ козакъ — товаришь
Зъ Бардьевской могилы!“
„Тяжко руши Донской
Въ чужомъ краю спати,
Ой, слетѣлъ я съ вѣтромъ роднымъ
Васъ хоть повидати!“

А вы же мою просьбу
Братья выслушайте:
Якъ зачнете думку пѣти,
На мене згадайте!
„Я на кажду згадку
Сейчасъ тутъ явлюся, —
Хоть на хвильку синимъ Дономъ,
Вами утѣшуся!“

VIII.

Козака родина
Плачетъ тамъ надъ Дономъ,
А я тутъ, Бескидскій Русинъ
Томлюсь жалкимъ стономъ.
Извини козацка
Мати многослынна,*)
Что чужій я нынѣ плачу
Про твоего сына.
Вѣдай, у могилы
Сына — одна мати
Можетъ съ правдою священны
Слезы проливати!

ФРАНЦУ ДЕАКУ.

1872.

Пештъ строго говорилъ съ нами,
Нашъ народный духъ молчалъ,
Деаковыми словами
Тронутъ, онъ вѣщать началъ.
Русской народности лира
Благодарностью звенитъ,
Наше сердце, наша вѣра
Звукомъ любви говоритъ.

*) Многослезна.

Вотъ получили мы на дняхъ
Весьма радостный телеграмъ,
Что въ пештскаго сейма сердцахъ
Любовь обнаружилась къ намъ.
Что батюшка Деакъ мудрецъ,
Проникнувшій правды чувствомъ
Громко вѣщаль миротворецъ
Чувствомъ любви, правды громомъ.

Пусть защититъ крыломъ любви
Братьевъ людей разныхъ племенъ,
Кроткихъ горлицъ да голубовъ
Совѣсть велитъ сказать: Аминь.
О всякомъ горѣ нынѣ забывая
Веселыми ногами грядемъ мы
Отъ Карпатскихъ горъ къ берегу Дуная,
Гдѣ рѣшаются народовъ судьбы.

Отецъ небесный услышалъ гласъ молитвъ,
Да ниспослалъ сынамъ свою любовь,
Державный Деакъ приноситъ мира вѣтвъ
Покой! Свобода! нѣтъ ужъ нѣтъ оковъ!
Да исчезаютъ всѣ призраки злобы
Пусть просвѣтимся истины свѣтомъ!
Всѣ мы желаемъ отъ всея утробы,
Чтобъ любовь сталась для насъ завѣтомъ.

Всепочтеннѣйшій отечества мудрецъ,
Человѣчества благородный другъ
Великій Деакъ, твой славы вѣнецъ
Благословляетъ народностей духъ.
Мы изъ крѣпостей Карпатовъ
Съ поздравленіемъ спѣшимъ,
Отъ угорско-русскихъ братовъ
„Боже заплать“ приносимъ.

Здравствуй денница прекрасна
Отъ твоихъ чистыхъ лучей
Палата сеймова ясна
Несетъ цѣлебный олей.

Мужъ отъ пристрастей свободный
Законъ правды защищалъ,
Усмиряя споръ народный
Оборотъ къ добру подалъ.

„Миръ всѣмъ!“ сказалъ вождь державной,
Пусть сіяетъ правды свѣтъ,
И доказалъ Деакъ славный
Какъ отечество любитъ.

Здравствуй! здравствуй храбрый борецъ
Правдой вѣнчаный старикъ!
Здравствуй Деакъ миротворецъ
Честный совѣтникъ владыкъ!

Прими Вожатой маститой
Въ Карпатахъ прозябшій цвѣтъ
Кой Угорской Руси дѣтей
Благодарность приноситъ.

Мужайся старикъ пречестный
Подавай мира вѣтвы
Храни въ души даръ небесный
Всеобъемлющей любви.

ЗА ПАНЩИНЫ — А ДНЕСЬ.

(1888.)

Ахъ тяжше ту жити было
Предъ шт'радцеть роками,
Коли панске ся робило
Ужъ мало кто тямитъ.

Панщину робили дармо —
Орали, косили,
Потомъ зерно повозили
И вымолотили.

Свого, зерна десятый снопъ
Панамъ отдавали,
И отъ доедного пеца
Три златыхъ давали.
Мусили рубати дрыва
И съ лѣса возити,
А пакъ до сягъ покладати
До пеца топити.
Што оречный панъ розказалъ,
Панщаре робили,
Писарь, гайдукъ ся збыткувалъ,
Бѣдный людъ трапили.
Отъ тыхъ, котры невладали
Панске отробити,
Отняли отъ нихъ ореки
Мусѣли пречь идти.
Тяженько панске робили
Бѣднятка дѣдове,
Але они такъ не пили,
Якъ теперь газдове.
Ореки вамъ дотримали,
Панске неробите,
Вы ся дали до напою,
Ореки марните.
Ужъ бы теперь была бѣда,
Псота превелика,
Кебы вамъ не помогла
Тота Америка.

ДАВНО А ДНЕСЬ.

Давно польски панове
Церкви замыкали,
Русскихъ святыни жидамъ
Въ аренду давали.*)
Давно аренду панамъ
Попове платили,
Въ подертыхъ реверендахъ
До церкви ходили.**)
Давно русскихъ духовныхъ
Панотцами звали,
Ихъ жены — панѣ матки —
Прясти, ткати знали.
Ихъ дѣвушки — панѣчки —
Съ маменьками пряли,
Якъ пряжу основали,
За кросна сѣдали.
Но днесь ужъ русскихъ поповъ
Не зовутъ Отцами,
Можно, что они того
Не требуютъ сами.

При сему стиху покойный авторъ еще слѣдующее примѣчаніе написалъ:

*) Удивительно, что у простаго людина въ пословицахъ и пѣсняхъ передается отъ рода — въ родъ память о событіяхъ прешлыхъ временъ. Я большеразъ весною прислухивался, когда малютки — вышовъ изъ хижины — посѣдали подъ дома, гдѣ лучи солнца ихъ огрѣвали, многоразъ нѣбы пѣли

„Не есть попа дома,
Пошолъ до кракова,
Ключи купувати,
Церковь отмыкати“

**) Послѣ бракосочетанія „вѣнчанія“ свадебныя свашки, дружки вышедши изъ церкви поютъ:

„Свидницкій панотецъ
Неплатитъ аренду,
Та може купити
Нову реверенду.“

Днесь русски попадьонки
Не прядутъ, не ткають.
Берутъ книжку nadsád-ы,
Романы читаютъ.

*

Давно люде не такъ жили,
Якъ днесь люде жіютъ,
Давно люде такъ не пили,
Якъ днесь люде піютъ.

Давно панщину робили
Отъ земли панови,
Днесь газдове за палѣнку
Сробятъ все жидови.

За палѣнку орютъ, косятъ,
Зерно вымолотятъ,
Съ лѣса дерева навозятъ,
До пеца волочатъ.

За палѣнку яйца, курки,
Качки, гуски даютъ,
Сами постятъ, жиды шабесь
Гайно отправляютъ.

Теперь жиды пребогаты,
Ста, тысяща маютъ,
Лихву отъ сто, два на мѣсяць
Златы пожадаютъ.

А то до рока уробитъ
Двадцеть штири златы,
Для того народъ бѣднѣе,
Лихварь-жидъ богатый.

*

Давно дѣвки на вечуркахъ
Настоячи пряли,
А теперь ги стары бабы
Себѣ посѣдали.

Давно дѣвки вчасъ ставали,
Гладко причесали'
Въ хижи хустки па головы
Николи не брали.
Прото хустки на головахъ
Не носили дѣвки,
Бо дакто былъ тото думалъ,
Же они копылки.
Теперь не можъ розознати:
Ци баба, ци дѣвка?
На головѣ все матъ хустку,
Якъ стара жидивка.
Дѣвка хустковъ позавиватъ
Голову и уха,
Прото часто не дочуе
Якъ бы была глуха.
Конечно ихъ отъ того бы
Треба отучити,
Бо на хустки отецъ, мати
Неможутъ старчити.
До рока и десятъ хустокъ
Дѣвки подрутъ, сносятъ,
Каждый ярмакъ отъ родичей
На хусточки просятъ.
Хотяй якъ будутъ просити,
Не треба имъ дати,
Вчастнѣйше станутъ, а будутъ
Дѣвки ся чесати.
Теперь рано наши дѣвки
Не ради ставаютъ,
Пелехаты головиска
Въ хустки обвиваютъ.

ДАВНЫЙ СВИДНИКЪ И ЖИТЕЛИ ЕГО.

(По народному.)

Въ Шарышской столицы мы
Два Свидники маме,
Еденъ вышнѣмъ, а другій
Нижнѣмъ называме.

Нижнѣй Свидникъ и старымъ
Звыкли называти,
Бо тамъ въ нижнемъ Свиднику
Была церковь мати.

Где панска загорода
Тамъ стояла фара,
Недалеко отъ фары
Была церковь стара.

Забаглося Сирмаимъ
Каштель мурувати,
Розказали оттале
Фару геть прятати.

И газдомъ розказали
Хижи розваляти,
А зачали грофове
Каштель мурувати

Зачалися грофове
Въ Свиднику ширити,
А розказали стару
Церковь разбурити.

Деревяну церковцу
Спрятати казали,
На странѣ мурувати
Нову помагали.

Свидницке цѣле панство
Грофове продали,
Пречь одышли, а люде
Въ Свиднику остали.

*

При Свидникахъ сходятся
Ярки и потоки,
По дождяхъ тоты рѣки
Широки, глубоки.
Высше Свидниковъ тече
Вода съ Капишовы,
А съ товъ сходится друга
Изъ Ладомировы.
Теперь ужъ разомъ плынутъ
По межи Свидники,
Ту робятъ многоразы
Шкоды превелики.
Теперь рѣка, свидницкій
Хотарь розлучуе,
Старый*) якъ-такъ, молодый
Бодай якъ газдуе.
Понижей двохъ Свидниковъ
Тамъ Ондава плыне,
А въ той свидницкой воды
Назвиско ужъ гине.
Ужъ ей Ондавовъ вшитки
Люде называютъ,
Рыбарѣ въ ней многоразъ
Рыбовъ наимаютъ.

*

Русски люде въ обидвохъ
Свидникахъ бываютъ,
Природнымъ русскимъ словомъ
Бога прославляютъ.
На свидницкихъ хотаряхъ
Мало росне травы,
Немаютъ Свидничане
Сѣна ни отавы.
Въ лѣтѣ не есть што пасти,
Въ зимѣ съ чимъ кормити,
Со слабымъ статкомъ тяжко
Хотарь обробити.

*) Старый Свидникъ.

Ахъ не можъ у Свидникахъ
Теля приховати,
Не есть, не есть отъ кале
Крайцарь на соль взяти.
Ахъ нѣтъ молока, масла,
Сыра ни жентицы,
Псота намъ бѣднымъ жити
Ту на Маковици.

*

Вышній Свидникъ варошомъ
Люде называютъ,
Въ Свиднику пять ярмаки
До рока бываютъ.
Ярмаки Свидничанамъ
Псоты задаваютъ,
Презъ ярмакъ ничь не робятъ,
Ходятъ, попиваютъ.
Кебы свидницки жены
Хлѣбъ печи хотѣли,
На ярмаку они бы
Дашто заробили.
Кебы мясо напекли,
Каши наварили,
Вдячно бы имъ фурмане
За то заплатили.
За роботу они бы
Страву осолили,
И галушки може бы
Собѣ помастили.
Строиковляне въ Свиднику
Гроши зарobляютъ.
А Свидничане собѣ
Ничь не огадаютъ.
Лиха на нихъ одежда,
О дѣти не дбаютъ,
Бо во Свиднику люде,
Лемъ козы тримаютъ.

Кебы овцы тримали,
Лѣпше бы робили,
Бо бы ся съ овчовъ волновь
Красно пріодѣли.
А мали бы отъ овецъ
Бриндзы и жентицы,
А съ вовны теплы чуги,
Гунѣ, рукавицы.
Овчій гной барзъ поправятъ
По горахъ хотарѣ,
Прото панове всягды
Ставляютъ кошары.
Прото всягды уроды
Они красны маютъ,
А за дороги гроши
Вольну продаваютъ.
Бѣдны люде тримають,
Лемъ тоты козиска,
Бо не маютъ про овцы,
Своего паствиска.

*

Вышньосвидницкихъ газдовъ
Буду рахувати,
Отъ першого нумера
Я мушу зачати.
Тамъ подъ першимъ нумеромъ
Есть мурованица,
Мурувати ей дала
Шарышска столица.
Въ той мурованой хижи
Честный газда сидитъ,
А во вшиткомъ порядокъ,
Чистоту радъ видитъ.
Цѣле обыстя красне,
Таке якъ курія,
Мы за то похвалити
Мусиме Андрея.

Съ першовъ женовъ тотъ газда
Не малъ жадны дѣти,
А якъ жена померла,
Мусѣлся женити.
Умерла стара жена,
Взялъ себѣ молодшу;
Андрей вздыхать, споминатъ
Женичку усопшу.
Шкода небоженьки, шкода,
Превелика шкода,
Якоси ся не подабать
Старому молода.
Передъ тымъ жилъ терезбо,
Теперь зачалъ пити,
А зато Андрея мы
Мусили ганити.
Онъ честнымъ человѣкомъ былъ
И честнымъ остане,
Кедь збыточно палѣнку
Пити перестане.
Ноле, ноле Андрею
Собѣ роздумайте!
Вамъ барзъ шкодитъ палѣнка,
Та ей покой дайте.

———

А подъ другимъ нумеромъ
Жіютъ небожатка,
Ваньо съ Марьовъ тѣшатся
Бѣдны сиротятка.
Тамъ подъ третѣмъ нумеромъ
Газда 'зъ Капишовы,
Най Господь Богъ поможе
Мамѣ и нянови.
Барзъ тяжко имъ приходитъ,
Дѣточки ховати,
О Господи Боже рачь
Ему помагати.

Въ его обысты отчимъ
Добрѣ знатъ ковати,
Але мабыти не знатъ

Гроши откладати.
Подъ четевтымъ нумеромъ
Двое небожатка,
Працуютъ, такъ якъ можутъ,
Ховаютъ телятка.
Нестарайся Яцуро
Же машъ дробны дѣти,
Господь Богъ допоже
Дѣти выховати.

Пятый нумеръ той хижи,
Что стоитъ на рогу,
Я жалую газдову
Женичку небогу.
Она бѣдна, хорлява,
Тяжко ей робити.
Но ужъ ся дочекали
Працовитхъ дѣти.
Осифъ до газдовства матъ
Дось своего розума,
Онъ не проситъ порады
Отъ своего кума.
Же онъ дось розума матъ
Илюде признали,
Бо за рыхтаря его
Въ Свиднику выбрали.
Осифови рыхтарство
Небарзъ послужило,
Онъ якъ рыхтарь напился,
Газдовство халѣло.
А пакъ Осифъ неборакъ
Мусилъ бирошити,
Несчастливо бирошилъ,
Мусилъ охабити.

Уженіякъ Осифъ собѣ
Не могъ рады дати,
Та пошолъ на долнѣй край
Гроши зарабляти.

А хоць заробилъ доловъ
Може и сто златы,
Якъ ихъ вынѣсъ, та мусилъ
Доразъ ихъ выдати.
Тяжко претяжко было
Осифови жити,
Голодували его
Небожатка дѣти.

Осифъ въ зуфалливости
Ужъ барзъ началъ пити,
А во своемъ піянстви
Вшеліякъ робити.
Сестра и швогоръ ему
Помочи хотѣли,
Про Осифа бычата,
Съ выховку купили.

Про Осифа заробку
Того было мало,
Бо гарлиско барзъ дуже
Напою жадало.
Осифъ опамятался,
И престалъ пити
А съ волми барзъ щастливо
Онъ зачалъ купчити.

Людямъ гроши повертал
Теперь честно жіе,
Цалкомъ перемѣнился
Отъ коли не піе.

ДРУГИ НАРОДЫ — А МЫ.

(Отрывокъ „изъ Пѣснь дьяка“).

Разумъ допомагатъ
Нашей людской силѣ,
Маме прикладъ въ книгахъ,
Плуоахъ, косахъ, пилѣ.
Съ клиномъ и найтвердше
Дерево стѣпаме,
Тверду землю съ плугомъ
Легко борыкаме.

Коса коситъ зерно,
Голитъ траву съ луки,
Пила перерѣже
И найтвердши суки.
Ужъ разумъ вынашолъ
Чудесны машины,
Сутъ паровы возы,
Кораблѣ и млины

Французы и таки
Ужъ приправы знаютъ,
Же съ едной краины
До другой лѣтаютъ.
Справятъ легку хижку,
До ней посѣдаютъ,
Въ той хижки въ повѣтрю,
Якъ птаги лѣтаютъ.

Просвѣщенный разумъ
Барзъ далеко сягатъ:
Огонъ, вода, пара
По сто возовъ тягатъ.
Барзъ чудесны рѣчи
Люде вымудруютъ,
На сто миль по дротахъ
Съ собовъ бесѣдуютъ.

Мудры люде себѣ
Облегчают праци,
Мы про глупость нашу
Простаци, жебраци.

*

А мы добры люде!
Что мы вымысляемъ?
Кедь есть дакій крайцаръ,
Якъ пропити маемъ.
Якъ едны на другихъ
Маемъ подводити,
А жебы ся при томъ,
Палѣнки напити.

Где ся гнешъ чловече,
Всягды давай пити,
Несчастна палѣнка
Всягды должна быти.
При спросинахъ, свадьбахъ,
Крестинахъ, при погребѣ,
Паленка единѣ
Намъ есть на потребѣ.

Родиче барзъ спросты,
Что научать дѣти?
Бы знали, якъ они,
Палюночку пити.
Они суть неуки,
Дѣти не научать,
А прото ся люде
Непрестанно мучать.

И будутся всегда
Трапити, мучити,
Докля свои дѣти
Не дадуть учити.

*

Декотры родиче
Звыкли повѣдати,
Же до школы дѣти
Не будутъ давати.
Кедь няньо неукій,
Най ся сынъ неучитъ,
Най остане спростый,
Най ся трапитъ, мучитъ.

Якъ бы ся научилъ
Читати, писати,
Та бы ужъ не хотѣлъ
Тяжко працувати.
Хотѣлъ бы выгодно
Все на свѣтѣ жити
Читати, писати —
А ничь не робити.

Съ читаня, писаня,
Якій хосенъ буде?
Кедь на хлѣбъ робити
Перестанутъ люде.
А кедь не будеме
Орати, сѣяти
Учене мудерство
Должно перестати.

Паперь, перо тинта,
Хлѣба намъ не дадутъ,
Безъ плуга, безъ косы
Народы пропадутъ.
Земля наша книга,
Вшиткихъ людей мати,
Съ плугами по земли
Должны мы писати.

А пакъ тое письмо
Зерномъ посыпати,
Съ косою косити
А въ снопы вязати.
Луки покосити
И запрячи волы,
А возити зерно,
Пашу до стодолы.

А пакъ взяти ципы
Зерно молотити,
А съ того мудерства
Будутъ люде жити.
Выживность намъ вшиткимъ
Даватъ земля мати,
А учмеся землю
Маму познавати.

*

Каждый мудрый чловекъ
За правду узнаватъ,
Же вшиткимъ выжывность
Земля намъ подаватъ.
Но при земскихъ працахъ
Кто матъ свѣтлы очи,
Все лѣпше, якъ спростый,
Знатъ собѣ помочи.

Орудія мудры
Люде вымысляютъ
Працы земледѣлцевъ
Тыми облегчаютъ.
Съ добрымъ плугомъ землю
Легко поорати,
Съ добрымъ серпомъ легко
Траву, зерно жати.

Добру косу добрѣ
Треба выклепати,
Та буде легонько
Траву, зерно брати.
Кто ся вшеліякихъ
Способовъ научитъ,
Доразъ легше робитъ,
А меньше ся мучитъ.

Тамъ где ужъ розвитый
Люде разумъ маютъ,
При каждой роботѣ
Себѣ помагаютъ.
Легше собѣ жіютъ,
Безъ труда, безъ працы,
А мы ся трапиме
Спростаци, бортаци.

Мудры вшеліяки
Чачка выдумаютъ,
Бортакамъ за драги
Гроши продаваютъ.
Позерайме всягды.
Где нѣмцы бываютъ:
Якъ они съ разума
Хосенъ взяти знаютъ.

Якихъ маютъ майстровъ,
Яки красны статки,
Велики богатства,
Во вшиткомъ достатки.
Нѣмцы ся о розумъ,
О школы стараютъ,
Читати, писати,
Рахувати знаютъ.

Свои дѣти дають
Во школахъ учити,
Прото не мусятся
Такъ якъ мы мучити.

Мають статокъ, гроши,
Домы якъ палаты,
Хлѣба до сытости,
Чисты красны шматы.

*

Ноле ужъ ся люде
Разъ опамятайме,
Милы наши дѣти
До школы давайме.

Наши дѣти мають
Чудесны схопности,
Лемъ же суть нахильны
Капку къ лѣнивости.

Але кебы разумъ
Во школѣ розвили,
Геть бы прилѣжнѣйши
Наши дѣти были.

Други выдумують
Вшеліяки дива,
Пуста, перелогомъ
Лежитъ наша нива.

Ахъ кебы мы нашу
Ниву обрабляли,
Мы бы ужиточны
Свѣту плоды дали.

Но мы оставаме
Въ слѣпотѣ спростости,
Якъ бы вымерли въ насъ
Природны схопности.

Жіеме, якъ кебы
Небо осудило,
А бы намъ мудрости
Солнце несвѣтило.
Единѣ про нашу
Недбалость, слѣпоту,
Скушуеме всягды
Бѣду, нужду, псоту.

Докля не зачнеме
Розумъ розвивати,
Такъ мы непрестанно
Будеме капати.

IV.

ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ НАШЕГО РУСИНА.

ВЕСЕННАЯ ЖУРА.

Ужъ ярь пришла, люде вышли орати,
Орють, маютъ свое зерно сіяти.
О Боже мой! ахъ я немамъ ничего!
Ани плуга, ани зерна своего.

Свои землѣ люде будутъ орати,
Мои смушки будутъ пусто стояти. —
Мамъ я кума, чловека барзъ доброго,
Пойду красно попросити я его.

„Змилуйтеся, прошу я васъ кумичку!
Ахъ зъорьте мѣ хоць лемъ едну земличку.“
Знамъ же прійде кумъ землѣчку зъорати,
О зеренце мушу ся постарати.

Кумцо зъоре, -- што же буду сіяти?
Отъ кого же зеренця бы достати?
Эй буду я пана отца благати,
Они звыкли помощь бѣднымъ давати.

Вецей бѣдныхъ, якъ богатыхъ на свѣтѣ,
Хоць якъ тяжко намъ бѣднымъ людямъ жити
Але прото не маме мы зъуфати,
Просьме Бога, Богъ насъ рачитъ жегнати.

ДВОЕ НИЧЬ.

Кедь ты машъ ничь,
И я мамъ ничь, —
Та двое ничь маме,
Спаруйме ихъ,
Та ихъ въ пари
Мы скорше продаме.
Якъ гварили,
Такъ зробили:
Доразъ спарували,
На другій день
Тыхъ двое ничь
До Стропковъ загнали.
На ярмарку
Чрезъ цѣлый день
Дарьмо купца ждали,
Предъ вечеромъ
Тыхъ двое ничь
Назадъ домовъ гнали.
О домашу
Тамъ не было
Имъ ся хтѣло пити, —
Та мусѣли
На Выдумѣ*)
До корчмы вступити.
А тамъ собѣ
По три деци
Дати розказали,
Якъ выпили,
Та они ся
Домовъ поберали.
Корчмарь скричалъ:
„Не можете
Отъ тале гетъ идти!

*) „Выдумою" называли давную корчму при дорозѣ между В. Орлихомъ и Н. Мирошовомъ на Маковицы, розвалины той еще и днесь стоятъ.

Вы мусѣте
За палѣнку
Доразъ заплатити".
„Качмаричку
Полагодьте!
Мы ничь непродали,
Находили
Сме ся дармо,
Ничь не згандлювали".
„Я васъ незнамъ
Отъ кале вы,
Не буду васъ ждати.
А мусѣли
Зо ся гунѣ
За палѣнку дати.
Та ажъ теперь
Ужъ узнали
Же ничразъ не мали,
А отъ жида
Пришла бѣда,
Тоту домовъ взяли.

ЕДНА БѢДНА МАТИ.

Една бѣдна мати доньку выдавала,
А той она едно яйце понукала,
Отъ матери дѣвка яйце не пріяла.
Мамонька съ тѣмъ яйцамъ мудро газдовала
Счастливо, премудро газдовала мати:
Она пріобрѣла съ яйца 500 златы.

*

— Возми тотъ дарь щиро, дае тобѣ мати,
А Богъ тобѣ буде благодать давати.
Дармо нагваряла дѣвку бѣдна мати,
Оне не хотѣла яечко пріяти.

— Дармо кедь не хочешь, — взяла яйце мати,
А почала съ яйцомъ такто газдовати.
Курка правѣ тогды почала квокати,
Подъ ню посадила тото яйце мати.
Мати тото яйци добрѣ позначила,
Съ того яйца квока куря высидѣла.
Тото куря мати добрѣ позначила,
Выросла курочка, мати ся тѣшила.
Якъ ужъ вынеслася, квокати почала,
Мати 20 яецъ подъ курочку дала.
Изъ всѣхъ 20 яецъ вылѣзли курчатка,
Бѣгали за квоковъ якъ перепелчатка.
Курятка подросли, мати ихъ продала,
А въ Стропковахъ за нихъ 6 ззлаты достала,
И такой тамъ сей часъ пацятко купила,
Съ того великого вепря выкормила.
Все бурянъ сберала, посѣкла, парила.
Посыпала мукой, часомъ посолила,
Въ лѣтѣ поросятко купала, чесала,
Съ него прекрасного вепря выховала
Въ Свиднику 100 златыхъ за вепря достала,
Съ тѣми пѣняжками мудро газдовала
Купила телятка тота мудра мати,
Дала между люди телятка ховати.
Людкове телята добрѣ дозерали,
А съ нихъ дуже красный статокъ выховали.
Выросли яловки, быки и коровы,
Загнали на ярмаркъ они до Зборовы.
Гадайте што взяла за тотъ статокъ мати?
Вѣрьте „Богме Боже" взяла 500 златы.
Такто мудро мати съ яйцемъ газдовала,
Съ того яйца она 500 златыхъ мала.
— Яйце не хотѣла ты вѣвонько взяти,
Ту машъ съ того яйца дзяйстру 500 златы
Такто кто съ розумомъ знае газдовати
Газдуй же дѣвонько такъ, якъ твоя мати.

Тѣмъ 500 золотамъ зять барзъ ся срадовалъ
Неодолга гроши смарнилъ, розгойновалъ.
Тота честна мати ужъ давно не жіе,
А зять за ей працу роскошуе, піе;
— Я маю дость грошей, могу гойновати
Мыслитъ, же Богъ знае, якій онъ богатый.
Жена смутилася, перестала жити,
А по ней остали сиротами дѣти.
Пѣнязи поволи пречь ся роскапали,
А цѣлый маетозъ качмари забрали,
Зять думалъ, что буде до смерти богатый.
Онъ —якъ все промарнилъ, та мусить жебрати.

(Свидникъ, 1882.)

АМЕРИКА НОВЫЙ СВѢТЪ.

(1882.)

Америка новый свѣтъ,
Тамъ задармо хлѣба нѣтъ,
За честную працу
Люди получатъ плацу.

Когда въ корабляхъ на морю плыли
Люди, смутно позирали,
Тамъ кромѣ воды ничь не видѣли,
Горенько себѣ вздыхали.

Кто вѣсть сесь корабль ци ли приплынетъ
Тамъ къ берегамъ Америки?
Если утопетъ, то все загинетъ,
Мы всѣ пропадемъ во вѣки!

Насъ всѣхъ поглотитъ моря глубина,
Мы тамъ будемъ погребены.
Ахъ насъ не узритъ мила родина,
Жена, дѣти возлюбены.

Идутъ, отходятъ идутъ прочь люде,
За моремъ счастья глядати,
О Боже, Боже, что съ ними буде,
Не будутъ-ли тамъ плакати?

Бѣда, пребѣда въ чужинѣ жити,
Нѣтъ тамъ друга, нѣтъ родины,
Отца, мамки, жены, дѣтей,
Нѣтъ своей теплой хижины!

Тамъ людъ богатый, тамъ доста всего,
Люде людей почитаютъ,
На чужинца хоть и честнаго
Кривымъ окомъ позираютъ.

Упавши въ хворость, что тогда буде?
Будетъ-ли кто дозирати?
Ахъ! о чужинца недбаютъ люде!
Придетъ мнѣ тамъ погибати!

Буду лежати, раздумывати,
Какъ тамъ дома жена, дѣти?!
Буду плакати, буду вздыхати:
Буду-ли я ихъ видѣти?!

Боже помози же мнѣ востати;
Подай благую годину!
Сейчасъ къ домови буду сбиратись,
Чтобъ я потѣшилъ родину.

Буду молитись Богу на морѣ,
Дабы я узрѣлъ Бескиды,
Боже помози узрѣти горы,
Гдѣ жили мои прадѣды!

Въ Карпатскихъ горяхъ наши предкове
Лѣсы — хащи истребляли,
Тамъ богобойни дѣды — отцове
Богу храмы — созидали.

Трилцать четыри года минули,
Когда Богъ послалъ свободу.
Предъ свободою много гинуло
Бѣдныхъ подданныхъ съ голоду.

Теперь ужъ легше жити на свѣтѣ,
Вотъ, уже можъ заробити,
Отца, маменьку, жену и дѣти
Пропитати, пріодѣти.

Людково теперь легше выжіютъ,
Бодайде ужъ зарабляютъ.
Если не марнятъ а не пропіютъ,
Свой скотъ, ба и гроши маютъ.

И тутъ, кто честно живетъ, працуетъ,
Можетъ ко маетку прійти.
Но тотъ, кто піетъ, марнитъ гойнуетъ,
Долженъ въ нуждѣ псотно жити.

Піякъ про свои грѣшны роскоши
Не можетъ ничего мати,
Хоть съ Америки якъ много грошей
Ему будутъ посылати.

Ноже людкове разъ надумайтесь,
А почнити честно жити,
О люде братья уже покойтесь,
Перестаньте ужъ разъ пити!

А почислите что пропивате,
Что отъ васъ берутъ качмаре?
А вы признате то слово святе:
Корчма грѣшныхъ людей каре.

БѢДСТВО МАКОВИЦЫ.

Бѣдна, бѣдна Маковица,
Зо сѣротами вдовица,
Несчастлива вдова мати,
Трудно дѣточки ховати
Бо што дѣти зарабляють,
Опекуны розхватають...
Ахъ бѣда, бѣда ту жити.
Тыхъ опекуновъ кормити.
Ужъ ани сами незнаме
Колько опекуновъ маме,
Бо што — день приходятъ новы —
Завертаютъ намъ головы.
Каждый росказы выдае —
Теремтетатъ, грѣшитъ, лае —
Што — разъ вецей вымагаютъ.
Новы дачки накладаютъ.
Земля мало — што выдаватъ —
Хлѣба каждый рокъ не ставатъ —
Треба намъ хлѣбъ купувати,
А гроши нѣтъ откаль взяти.
На податки превелики
Ишли гроши 'зъ Америки,
Але ужъ переставаютъ —
Людкове барзъ ся старатютъ.
Докля въ селѣ гроши были,
Едны другимъ пожичили.
Та и хлѣба докупили
И податки выплатили.
Но што же теперь чинити...
Нѣтъ где гроши пожичити,
Маковица опущена,
Плаче, вздыхатъ розжалена —
Дѣточки ей охабляютъ,
Пречь за море утѣкаютъ.

*

Опекуновъ дуже маме —
Якъ же мы ихъ вытримаме?
Каждый хоче гойно жити.
А парадно ся о дѣти —
Прото муситъ мудрувати
Якбы-где гроши вырвати.
Што ся водитъ, мы видиме,
Но повѣдати несмѣме —
Бо бы насъ до права дали,
А мы бы истно програли —
Жандаре бы насъ карали.

СВИДНИЦКИ ШКОЛЯРЫ.

(1890.)

Русначкове Маковицы,
Мы Свидницки ученицы
Васъ велкоможныхъ витаме,
До ласки ся поручаме.
Кедь рачите послухати,
Мы будеме вамъ спѣвати:
Якъ жіютъ бѣдны Руснаци,
Рыютъ землю, якъ хробаци.
Ту настали смутны часы,
Ахъ нѣтъ хлѣба, ани паши,
Марнятъ по ничому статки
На вшеліяки податки.
Барзъ засмущены людкове.
Вы велкоможны панове
Представте славной столици
Тотъ смутный ставъ Маковици.
Дѣти бѣдны, напол голы
Лѣзутъ бѣднятка до школы;

Рахуютъ, пишутъ, читаютъ
Часто красно поспѣваютъ.
Кедь рачите послухати,
Мы будеме вамъ спѣвати;
Вдячно мы вамъ заспѣваме,
И мадярски пѣсни знаме:*)

ДУМКА СЫНА МАКОВИЦЫ, ТАМЪ ЗА МОРЕМЪ ВЪ АМЕРИЦѢ.

Мой отецъ и мати горенько плакали,
Коли въ Америку мене выправляли.
— Чтоже стары люде мы теперь почнеме,
Кедь нашого сына за море пошлеме?
Буде на насъ бѣда, бѣда превелика,
А чей намъ помочь дастъ тота Америка
Что маме чинити, лемъ тя выправити!
Мы мусѣме дагде гроши пожичити.
Треба буде лихву велику давати,
Бо жидъ отъ 100 златыхъ, буде 30 брати.
И кумъ бы намъ може гроши пожичили,
Кебы мы кумовы луку заставили.
Но кумъ схотятъ сѣно и отаву взяти,
Та якже будеме худобу ховати?

Вшелiякъ родиче тогда размышляли,
Якъ до Америки мене выправляли,
Гроши пожичили, мене выправили,
Теплыми слезами поблагословили.

Родичи бѣдуютъ ту на Маковицѣ,
Блудный сынъ гойнуе тамъ по Америцѣ

*) И въ русскихъ школахъ обязательно было мадярски пѣсни учити.

Засмученый отецъ, розжалена мати
Не можутъ отъ сына письма ся дождати
Сынови сумлѣня починатъ шептати:
Человѣче малъ бы сь Бога въ сердцу мати
Эй покайся, покай грѣшный человѣче!
Отъ тебе помочи чекаютъ родиче.

*

Я русскій сынъ Маковицы
Роскошую въ Америцѣ,
Что чрезъ тыждень запрацую,
Та въ недѣлю прогайную.
　　Я паробокъ не женатый,
　　Не треба ми ся старати,
　　Най тамъ тоты ся стараютъ,
　　Котры жены, дѣти маютъ.
Мнѣ не треба ся старати,
Най старатся отецъ, мати,
Жебы доньки отдавали,
А ми орекъ дотримали.
　　Ту други центы складаютъ,
　　Свой заробокъ откладаютъ,
　　О родичахъ памятаютъ,
　　Имъ что могутъ, посылаютъ.
Но и я малъ бы думати,
Же стареньки отецъ, мати
Ужъ не старчатъ працовати,
Я долженъ имъ помагати.
　　Но най газдуютъ, якъ знаютъ,
　　Корову, бычата маютъ,
　　Можутъ худобу продати,
　　А податки отплачати.
Не могу имъ посылати,
Бо ми треба куповати:
Калапъ, камашли и шаты,
Годинку и ланцокъ златый,
　　Я ту жію безъ старости,
　　Уживамъ грѣшны радости,

Съ пайташами посѣдаме,
Попиваме, карты граме,

Такъ то мы ту газдуеме,
Весело собѣ жіеме,
Карты граме, попиваме,
А еденъ-другого кламе.

И такъ идутъ дни за днями,
Мѣсяцы за мѣсяцами,
Тяжко зароблены гроши,
Мы марниме на роскоши.

И такъ зароблены гроши
Идутъ на грѣшны роскоши,
Кебы здравя намъ служило,
Ту бы намъ ся добрѣ жило.

Стигне чловекъ похворѣти,
И не буде могъ робити,
Та тогда чтоже почати?
Приде съ голоду скапати,

Можно до калѣцтва прійти,
Руку, ногу утратити;
А то все може ся стати,
О томъ бы мнѣ подумати.

*

Эй! ужъ бы ми розумъ мати,
Часъ ужъ ми ся покаяти,
Кедь такъ блудно буду жити,
На псю ганьбу мушу прійти.

Започну розумно жити,
Не буду гроши марнити,
Буду ся усиловати,
Центы ко центамъ складати.

Ахъ тамъ бѣдны отецъ, мати
Ждутъ, не можутъ ся дождати,
О нихъ я вцалѣ забывамъ,
Не пишу имъ, не посыламъ.

Тяженько мене ховали,
Помоги ся надѣяли,
Теперь бѣднята въ старости,
Безъ помочи, безъ радости.
Родители любы, милы,
Про мене ся задолжили,
Псотуютъ на Маковицѣ,
Я гойную въ Америцѣ.
Напишу мамѣ няньови,
Жемъ обернулся къ Богови,
Буду красно ихъ просити,
Най рачатъ ми пребачити.
Коли мя ту выправили,
200 златыхъ пожичили,
Бѣдны, не могутъ вертати,
А жидъ не буде ихъ ждати.
Стигне жидъ орекъ продати,
Проплачутъ мя отецъ мати,
До смерти будутъ плакати,
Тому буду виноватый.
Буду ся усиловати
Во дни и ночи працувати,
А пошлю гроши нянцови,
Жебы вернули жидови.

* *

Наши люде пришли съ краю,
Ту намъ тото повѣдаютъ,
Же тамъ у Вышнемъ Свиднику
Шмайда дзядъ про Америку
Такъ сталося во Свиднику,
Же про тоту Америку
Орекъ отъ Шмайды отняли,
А Рѣфъ Мошкови продали.
Землѣ и хижу продали,
Ваня Шмайду пречь выгнали,
Теперь Ева мужа свого
Водитъ жебрака слѣпого.

Ходятъ, плачутъ, нарѣкаютъ,
Дѣвку Марю проклинаютъ,
Бо пожичны гроши взяала
А вернути обѣцала.
О Марѣ ничь не слыхати,
Про ню плаче отецъ, мати:
Ваньо слѣпый, Ева хрома,
Нѣтъ орека, ани дома.
Такъ про тоту Америку,
Терпятъ нужду превелику,
Ужъ никто имъ не споможе,
Змилуйся надъ ними Боже!

* * *

Ахъ, страхъ о томъ подумати,
Же про доньку отецъ, мати
На старость мусятъ жебрати,
По людскихъ домахъ клопкати.
Я хочу ся покаяти!
Боже рачь помилувати!
Отворь моей души очи,
Боже будь ми на помочи!
Дай ми правду познавати,
Твою волю выполняти:
Честно богобойно жити,
Родителей утѣшити.

(Свидникъ, 1892.)

СИРОТКА СЛУЖНИЦА.

I.

Старамъ я ся старамъ
Такъ во дни, якъ въ ночи,
Слезы обливаютъ
Сиротински очи.

Няничку, няничку!
Мамичко, мамичко!
Подте повтерати
Отъ слезъ мое личко!
Придте повтерати,
Къ сердцу притулити,
Мене засмученну
Придте потѣшити.
Отъ маленька мушу
Едностай служити,
А не можу ніякъ
Газдомъ выгодити.
Хоць якъ вѣрно буду
Служити, робити,
Все причину найдутъ
Мене поганити.
Газдове, газдынѣ
Не робте ми кривду!
Вы мате дѣточки —
Богъ знатъ на што выйдутъ.
Може ся такъ стати,
Же и ваши дѣти.
Такъ якъ я сирота
Тѣжъ будутъ служити.
Газдыньо, газдыньо!
Ци вы ужъ забыли,
Якъ вы ся трапили,
Коли 'сте служили?
Хоць вы якъ-найлѣпше
Газдомъ выгаждали,
Васъ неразъ газдыня
Може побухали.
Припомнійте собѣ,
Якъ вамъ тогды было, —
Ахъ кривду терпѣти,
Никому не мило!

II.

СВАДЬБА ЕИ.

Ужъ два тыжднѣ — дѣвки
Весело ладкаютъ,
Своей товаришки
Имя споминаютъ.
Такъ дома, якъ въ полю
Спѣваютъ весело,
И такъ о свадьби ся
Дознатъ цѣле село.
Отецъ честный газда
Женитъ свого сына,
Ужъ съ млодымъ староста
Иде и дружина.
Василь собѣ возме
За жену дѣвочку,
Не даку богату,
Але сироточку.
Она отъ маленька
По службахъ ходила,
Газдомъ и газдынямъ
Все вѣрно служила.
Всядый где служила,
Хвалили сироту,
Же знала доедну
Газдовску роботу.

ПѢСНЬ СИРОТЫ.

Прежалосно спѣвамъ
Слезами ся вмывамъ,
Псотный, бѣдный хлопецъ,
Не жіе мой отецъ.

Бѣдна, псотна мати
Мусится старати,
Тяжко працувати.
Сироты ховати.

Ахъ мамъ я причину
Горенько плакати.
Мои прегоренки
Слезы розливати.

Плачь надомновъ поле!
Плачте лѣсы, горы!
Бо не мамъ нянична,
Любезной подпоры.

Обыстя пустѣе...
Кто же го прикрые? —
Ужъ съ насъ летятъ шматкы...
Ктожъ насъ пріодѣе?

Кто же намъ пооре,
Посіе, покоситъ?
Ахъ кто намъ на зиму
Домой дровь навозитъ?

Всягды отъ насъ просятъ,
Откале же взяти? —
Хибаль ужъ остатню
Корову продати.

Боже отче съ неба,
Рачь на насъ позрѣти!
На бѣдну вдовицу
И на трое дѣти.

Ахъ змилуйся Боже,
Змилуйся надъ нами!
Помагай ховати
Три сироты мамѣ!

Люде — братя, сестры
Милосердя майте,
Погинути бѣднымъ
Сиротамъ не дайте.

Бо и вы смертелны,
Можете померти,
А можуть остати
Сироты по смерти.

*

Не плачте мамонько,
Же насъ дѣти мате,
Ачей ся радости
Вы съ насъ дочекате.
Читати, писати,
Рахувати знаме,
Мы собѣ во свѣтѣ
Дакой рады даме.
Будеме статочно
Жити, працувати,
А васъ люба мамко
На старость ховати.
Маме здравый розумъ,
А кедь подроснеме,
Даколи съ розума
Ужитокъ возмеме.
Что — кольвекъ не маме,
Може намъ Богъ дати,
И другимъ можеме
Ищи помагати.

ДУМКИ НАДЪ КОЛЫСКОЮ.

Ой колышся колышъ
Колысочко сама,
Тебе колысати
Я ужъ зуновала.

Ахъ! тяженько бѣдна мати ховатъ дробны дѣти,
Свои дѣти непрестанно должна сокотити:
Не лишь во дни, но и ночю всегда дозирати, —
Окупати, повивати, дати имъ грудь ссати.

Не лемъ дома, но и въ поли о нихъ ся старати,
Бо идучи въ поле должна дѣти съ собовъ брати.
Дробеняву при обыстю нельзя охабити,
Бо могли бы бодай яке диво выстроити.
Мати въ поле больше дитя веде за рученьку,
Меньше несе на хирбетѣ, на рукахъ маценьку.
Для малютки колысоньку она мусить взяти,
И мотыку, бо бандурки треба окопати.
Чтириножну колыску ржъ до землѣ запяла,
Дѣтиноньку поплекала плачевно спѣвала:
„Ахъ бѣдна я бѣдна! ахъ пребѣдна мати!
О Боже поможь ми дѣти годовати!
Люляй сыня люляй! съ Богомъ ту спочивай,
А своей душеньки красоту розвивай
Я тя поплекала, та ужъ можешь спати,
Я мушу одыйти на хлѣбъ працувати.“
А якъ отъ колыски мати отходила,
Вздыхла къ Богу дитя триразъ прекрестила:
„О Господи поможъ дѣтоньки ховати!
А отъ нихъ радости, помоги дождатись.
Жебы дѣти мене смерти доховали,
А честно погребсти мертве тѣло дали.
Моя душа за нихъ будеся молити,
Богъ имъ допоможе благо долго жити.“

*

Такто добры, честны мамы дѣлаютъ, думаютъ,
Сердцемъ и душею свои дѣти обимаютъ.
А вы дѣти кедь жадате благо, долго жити,
Вы повинны своихъ Отцевъ и мамы учтити.
Они на свѣтъ родили васъ, живятъ одѣваютъ,
Любви, чести и помоги отъ васъ пожадаютъ.

БЫЛА ДАВНО БѢДА.

Была давно бѣда, но днесь векша бѣда:
Хлопъ робилъ на пана, днесь муситъ на жида...
Бароне, графове въ каштеляхъ бывали
Теперь до каштелевъ жиды ся вопхали.

Панове хотари помѣряти дали,
Планше людемъ дали, лѣпше собѣ взяли
Всѣ маетности ужъ сами не тримаютъ:
Едны арендуютъ, други продаваютъ.

Пански маетности на жидовъ преходятъ,
За лѣсъ, за паствиска люде жидомъ роблять.
„Sic vos, non vobís"*) хотари мѣряли
Ваши маетки жиди забрали.

УЧСЯ МОЕ ДИТЯ.

Дѣточки такъ, якъ цвѣточки —
Роснутъ, розквитаютъ,
А во школѣ все поволи
Розумъ розвиваютъ.
Вы дѣточки, якъ пчолочки,
Школу, нащивляйте;
Пчолы меду — вы мудрости
Во школѣ глядайте.
Пчолы усбираютъ меду,
Маютъ съ чого жити, —
Во школѣ мудрости чести
Научатся дѣти.

*) Такъ вы, не себѣ.

Тамъ во школѣ розумови
Отворятся очи,
Мудрый человѣкъ во свѣтѣ
Знать себѣ помочи.
Мудрого чловека всягды
Въ учтивости маютъ,
А глупого, неукого
Всягды высмѣваютъ.
Каждый человѣкъ во свѣтѣ
Муситъ ся учити:
Еденъ орати, сѣяти,
Другій шматы шити.
Еденъ правитъ плуги, возы,
Другій серпы, косы, —
Учены ходятъ обуты,
А неуки босы.
Каждый чловекъ отъ дѣтинства
Долженъ ся учити:
Працувати, честно жити,
Злого ся хранити.

МИЛУЙ БОГА ТВОГО, ЗО СЕРДЦА ЦѢЛОГО.

Сыну милый! Аще хочешь
Все счастливымъ быти,
Не машъ нигда въ житю твоимъ
На Бога забыти.
Богъ тя створилъ милостивый
Къ свому подобенству,
Прото сердце необертай
Къ свѣтскому шаленству.
Милуй Бога справедливо,
Нось го въ сердцу твоимъ,
Въ смутку, въ бѣдѣ собѣ вздыхній:
Богъ заступцомъ моимъ!

Богъ далъ животъ, вшитко што машъ
И небо хце дати,
Кедь отъ Отца по сыновски
Будешъ го жадати.

Прославляй го, якъ лемъ можешь,
Годный онъ всей славы,
Его славитъ небо, земля —
Славятъ морски валы.

Покорнымъ а чистымъ сердцемъ
Просъ, чего ти треба,
Гойне свое пожегнаня
Дастъ ти Господь съ неба.

РОДИТЕЛЕЙ МАШЪ УЧТИТИ, КЕДЬ ХОЧЕШЬ СЧАСТЛИВЫЙ БЫТИ.

I.

Першу по Богу родичомъ
Маешъ ласку дати,
На вшитко, што отъ нихъ пріялъ,
Машъ все памятати.

Што ся съ тобовъ натрапили —
За твого маленька,
Колькоразъ тя повивала
Мамйчка миленька.

Ласка ласку отплачуе,
Будь же вдячный и ты,
Все тя буде жегналъ Господь
Кади будешь идти.

Неопущай ихъ въ зармутку,
Выслугуй въ немощи
А въ якой кольвекъ потребѣ —
Будь имъ на помочи.

Кедь сыночку къ родителямъ
Будешъ любовь мати:
За честнаго человѣка
Будутъ тя тримати.
Будешъ мати честь у людей,
Добрый хиръ о себѣ
Ту на земли, а отплату
Будешь мати — въ небѣ.

II.

Дѣти! кедь хочете пожегнанны быти,
Должны вы родичей учтити, любити.
Вы повинны всегда нато памятати,
Же по Богу перши суть Отецъ и Мати.
Они непрестанно на васъ ся стараютъ,
Тяженько хованотъ и пріодѣваютъ.
Подумайте о томъ, же мамичка мила,
Колько за маленька съ вами ся трапила.
Якъ васъ повивала, якъ васъ колысала,
Якъ васъ своихъ грудей молокомъ плекала.
Якъ водни, такъ въ ночи все васъ дозирала,
А въ поле идучи, со собовъ васъ брала.
Надъ колысковъ не разъ горенько плакала,
Горенько плакала, ко Богу вздыхала.
Мамичка сердечно Богу ся молила,
Съ неба благодати про дѣти просила.
Теперь вы подросли, а ужъ розумъ мате —
Цы вы ся родичомъ своимъ отвдячате ?
Ци вы ихъ учтите, ци вы ихъ слухате ?
Ци вы имъ по силѣ вашой помогате ?
Вы должны читати або розправляти,
Што вы ся учили проуказовати.
Кедь будете красно, мудро повѣдати,
Родиче радостно будутъ васъ слухати.

ЧТИ ПРІЯТЕЛЕЙ ТВОИХЪ!

Кедь пріятелей шануешь,
Заистнѣ не побануешь.

Должна рѣчь есть пріятелей
Мати въ поважности,
Хоць и не суть возвышенны
Въ даякой годности.
Люде прото другимъ людямъ
Честь давати звыкли,
А бы тоты тыжъ къ даваню
Чести ихъ прийыкли.
Хранься, абы 'сь пріятелей
Твоихъ необразилъ,
Або въ прязности жіющихъ
Съ гнѣвомъ не заразилъ.

УМѢНІЕ, РАЗУМНОСТЬ.

Діогенесъ Синопенскій
Гварилъ, же умѣня:
Есть найвекше для каждого
Въ свѣтѣ оздобѣня.
Оно молодыхъ побуждатъ
Ко стриманливости,
А тымъ бывать потѣшиня,
Котры суть въ старости.
Наука худобнымъ людямъ
Богатства подаватъ,
А богатымъ ко годности
Оздобу додаватъ.

Крегку младость оттягуе
Отъ разпустливости,
Старымъ дават потѣшиня
Въ бѣдѣ и узкости.

Богатымъ бывать богатство,
Бѣднымъ выживлиня,
Где есть богатый — ктокольвекъ,
Матъ добре умѣня.

Кедь хочешь и ты младенче
Умѣня достати,
Нескоро машъ вечеръ лячи,
А вчасъ рано встати.

СВѢТЪ ЛЮБИТЪ КЛОПОТЫ, ВСЕ ИДЕ ДО ПСОТЫ.

Минулися златы роки,
И срѣберны сполу,
Такъ тыжъ и мѣдяны часы
Упали до долу.

Теперь желѣзны пануютъ
Облѣпены съ глиновъ,
О кебы ся могли стати
Лемъ едновъ годиновъ!

Не смѣшатся до едности
Со желѣзомъ глина,
Единъ другаго не терпитъ,
Бо каждый подлина.

Не есть любви у народовъ,
Каждый иде — бочитъ,
Видно же ся цѣлый свѣтъ тотъ,
До загубы точитъ.

Самохтятъ чловекъ чловека
Приводитъ во псоту,
Въ краю, въ мѣстѣ, въ сели въ домѣ,
Не найдешъ едноту.
Въ цѣломъ свѣтъ неправости
Лемъ суть въ облюблѣню,
Грѣшный есть свѣтъ, въ неправости
Летитъ къ загублиню.

БЛУДЪ, НЕЧИСТОТА.

Черство яблоко отъ сгнилыхъ
Гнилость надобыватъ,
Честный у зломъ товариствѣ
О чести забыватъ.
Кедь есь мудрый, съ блудновъ женовъ
Немай знамость згола,
Нечистота женска липне
На люди якъ смола.
Незавѣрюй собѣ въ сили,
Ани во святости,
Абы'сь жену премудрувалъ —
Не машъ той мудрости.
Адама лемъ Ева звела
Же Бога образилъ,
А такъ первороднымъ грѣхомъ
Насъ вшиткихъ заразилъ.
Соломонъ мудрость утратилъ,
Давидъ свою святость,
Самсонъ силу, очи, животъ —
Же малъ въ женахъ жадость.
Сисара и Голофернесъ
'Зъ женской зрадливости
Загинули, а прото ся
Май все въ позорности.

Кто-кольвекъ ся любодѣйнымъ
На томъ свѣтѣ стане,
Тотъ до тѣла гнилость, червовъ
За жива достане.
Кедь ся склонность въ любодѣйство
Безстыдно отдае,
Статочности ани чести
Никто му не дае.
Злымъ прикладомъ любодѣйца
Много инныхъ губитъ,
Ни душу, ни тѣло, ни честь
Таковый не любитъ,
Онъ о небо, Бога, душу
Ани кусъ не стоитъ
Кедь матъ роскошъ ту на земли,
Пекла ся не боитъ.
Каждый любодѣйца въ свѣтѣ
Иде къ ничемности,
Ту е слѣпый, и по смерти
Пойде до темности.

ЛѢНЬ.

„Лѣнь добрѣ не дѣлаетъ,
Безъ соли обѣдаетъ.“

Кто лѣнивость облюбуе,
Въ недостатку быватъ,
Такій ани тварь на рано
Съ водовъ неумыватъ.
Кедь руки не хтятъ робити,
Желудокъ есть псотный,
„Въ брюху коваль“ прото „куетъ,“
Же е нероботный.

Лѣнивость глуха къ роботѣ,
Лѣнивого кламе:
Гваритъ, же найменьша праца
Крижи му поламе.
Лѣнивый ся доедному
Обрыднути мусѣтъ,
Про лѣнивость отъ каждого
Дуже ганьбы скуситъ.
Высмѣвуютъ, потупуютъ,
Хотятъ ся го збыти:
„Ганьба“ — гварятъ „ты машъ силу,
А нехцешъ робити.“
„Шкода тебѣ здравя, силы,
Твоей молодости,
Бо лемъ лѣнивость причина
Твоей худобности.“
„Марно гине твоя сила,
Здоровья, молодость,
Кедь бы ’сь робилъ усиловно,
Малъ бы ’сь вшиткого дость.“

ВЪ ЧИМЪ ОСТАНЕТЪ ПАМЯТЬ ТВОЯ!

Не о дѣти, але цности
Старайся въ пилности.

Діогенесъ ’зъ любви къ дѣтямъ
Нехтѣлъ ся женити,
’Бы сплоджены дѣти въ псотѣ
Не мусилъ видѣти.
Кедь хцешъ дѣти прото мати,
’Бы ’съ малъ въ свѣтѣ мено,
Розважъ, же и добре не матъ
Зростъ часомъ сѣмено.

Мнози про памятку ради —
Хотять дѣти мати,
А пакъ про ихъ злость, предъ свѣтомъ
Мусятся внимати.
На нихъ гине поколиня,
Што выросло въ цности,
Про ихъ неправедный животъ
Иде къ ничемности.
Ты кедь хочешь добру память
Мати мена твого,
То ти въ свѣтѣ позостане
Зъ живота честного.
А хоць бы и твои дѣти
Жили въ непорядку,
Ты все про твой добрый животъ
Будешь малъ памятку.

ТРИМАЙСЯ ЩЕДРОСТИ А ХРАНЬСЯ СКУПОСТИ.

Маешь быти щедрый къ другимъ
Въ якомъ 'сь кольвекъ стави,
Кедь хочешь вѣнецъ честности
Носити на глави.
Щедрость добру вѣсть о тобѣ
У людей рознесе,
А по смерти неомылно
Къ царству тя приведе.
Скупый: глупый, бо самъ себе
Все сгрошами зводитъ,
Старость, зависть, неспокойность
Домой собѣ водитъ
Лемъ съ окламствомъ и циганствомъ
Скупяга все иде,
Драгу собѣ къ пеклу стелитъ,
Заиствѣ тамъ прійде.

Въ якомкольвекъ будешь стави —
Якъ щедрость утратишь,
Твою годность, добре мено
Въ ничемность обратишь.
Не прото май, абы лемъ малъ, —
Але абысь и далъ
Най неслужитъ ко скупости,
Что ти Господь Богъ далъ.
Мусишь сице быти щедрымъ,
Але при скромности,
Кажда добродѣтель хоче
Быти въ посредности.
А кедь щедрость 'зъ блазнивости
Ко збытку выходитъ,
Зовеся: марнотратностьовъ,
Отъ цности одходитъ.
Бывай щедрымъ не зо жридла,
Лемъ 'зъ поточка его,
Можешь дати, что ти звышитъ
Зъ выживленя твого.
Бо кедь бы 'сь жридло высушилъ,
И потокъ высушишъ,
Зубы потомъ въ недостатку
Вказувати мусишъ.
Кто зо строма овощь торгатъ,
Стромови не шкодитъ,
Кедь выторгнетъ стромъ съ кореньомъ,
Ужъ вецей неродитъ.
Такъ тыжъ и ты бывай щедрымъ,
Але ведля ставу,
На посредность къ збытчивости
Не выдвигуй главу.

СТАРЫЙ ЗО СТАРОСТИ, НЕ ПРІЙДЕ КЪ МЛАДОСТИ.

Біонъ Бористенскій такто
гварилъ о старости;
Же она есть бѣдныхъ людей
берегомъ ускости,
Кто есть во высокомъ вѣку,
скоро вмерти жадатъ,
Тогди на рамена смерти
свою нужду складатъ.

Не навернеся къ младости,
якъ Лазарь къ животу,
Раднѣ хоче ужъ умерти,
якъ зношати псоту.
Коротша смерть отъ живота,
въ смерти нѣтъ ничъ злого,
Але долгій животъ въ свѣтѣ,
матъ ускости много.

Докалькольвекъ чловекъ жіе,
та по мори плыне,
Ажъ при смерти небезпечность
ужъ цѣлкомъ загине.
Прото радуйся ты старче,
же 'сь 'зъ моря выплынулъ,
Иди къ Богу, подякуй му,
же 'сь въ немъ незагинулъ.

ЛЖЕПРОСВѢЩЕННЫМЪ.

Не гордись братецъ ученный
Безплодною наукою —
Ты бо лишь пузырь надменный
Воздушною пустотою.
И скажимъ общенародно:
Ты живешь для насъ безплодно.

Горделивецъ невоспитанный
Будь онъ много читалъ, видѣлъ;
Онъ для насъ необразованый,
Никого онъ не просвѣтилъ. —
Его лишь мечты надмеваютъ
Знанія предметовъ пустыхъ,
Люди его непонимаютъ
А онъ не хочетъ понять ихъ.

Мы у него незамѣчаемъ
Человѣческой красоты,
На все и на всѣхъ онъ ругаетъ, —
А мы на его пустоты.
Пузырь надменный пустотою
Черепъ безъ мозговъ, сердца нѣтъ
Въ грудѣ, онъ мудрости мечтою
Гордосливость свою кормитъ.

Превозноситъ свои знанія:
Но мы судимъ лишь по дѣламъ
И гдѣ нѣтъ благодѣянія,
Мудрости не можетъ быть тамъ,
Не гордись брать недоученный,
Блестящимъ вѣнцемъ науки,
Твой умъ еще неозаренный,
Ибо безъ дѣлъ твои руки.

Составъ твоего тѣла покрытъ
Пышнымъ, роскошнымъ костюмомъ —
Шесть грайцаровый цигарь горитъ. . . .
И ты гордый его дымомъ.

И что полезнаго здѣлалъ ты
Для братьевъ простолюдовъ?
Полезны-ли имъ твои мечты?
Безъ чувствъ, безъ любви звуки словъ.

Ты хлѣбодавцевъ презирашь,
Ненавидишь ихъ простый нравъ;
Для нихъ ничего не дѣлашъ —
Ты ученый? — Ты пустоглавъ!
Не гордись жизнью бесплодно
Цигара клубящимъ дымомъ,
Новомодною одеждою
Не гордись безумнымъ умомъ.

Не презирай тебя кормящихъ
Трудолюбивыхъ людей
Молящихся, работающихъ
Рукою, сердцемъ и душей.
Братецъ! Когда ты просвѣщался,
Тебя кормили ихъ руки,
Ихъ трудомъ потомъ ты питался,
Ты не принесъ плодъ науки.

Мы работали и работаемъ
Мы кормимъ тебя работаю,
Вотъ! законно сказать дерзаемъ:
Просвѣщай насъ наукою!
Пусть плодоносная наука
Меньшихъ братьевъ просвѣщаетъ,
Которыхъ прилежная рука
Хлѣбъ изъ землѣ добываетъ.

Не гордись ты лжепросвѣщенный,
Но прилагай къ дѣлу руки,
Оплодородняй умъ вѣтренный
Плодомъ полезной науки.

Когда станутъ дѣлать руки,
Не будетъ у тебя скуки.

О СМЕРТИ.

(По народному).

Убогій чловече подумай о смерти,
Бо каждый рожденный разъ мусить умерти.
Што за хосенъ въ свѣтѣ, въ марности плывати,
Котру не можеме вѣчно уживати.

Не есть ничь сталого, вшитко съ часомъ мине,
Што ту найвдячнѣйше, и тото загине.
Разъ чловекъ умератъ, нигда ся невертатъ,
На сей конецъ праца наша ся обертатъ.

Есть установенно разъ вшиткимъ умерти,
Прото будь готовый, а все чекай смерти.
Незавѣрюй собѣ ни въ здравю, ни въ сили,
Бо смерть по тя прійде, незнашь въ котрой хвилѣ.

Абы 'мъ правду повѣлъ: смерть носишь за пасомъ,
Незнашь якъ упадешь, где-а котрымъ часомъ,
Щастлива смерть тому, кто побожно жіе,
Страшна, кто неправость каждоденно дѣе.

Найперв' Богъ о смерти гварилъ Адамови,
И мы маме быти все къ смерти готовы.
Кедь неприготовленныхъ смерть у грѣху насъ зверне.
Богъ свою тварь отъ насъ на вѣки отверне.

Мы земны черваки — лемъ попелъ а блато,
Душа дорогша въ насъ, якъ сребро а злато.
Што 'съ былъ предъ сто рок'ми тымъ истнимъ [останешь:
Противо сгнилости нигда неповстанешъ.

Съ пресганьомъ дзвониня при твоимъ погроби,
У людей памятка загине о тобѣ.
Князи и царіе мнози поминули,
Преславны моцнари мизерно згинули.

Якъ съ дерева листя, тачъ люде падаютъ,
О нашомъ спаднутю науку намъ даютъ:
Ту твоя трапезы, ту усиловности,
Червы тѣло сѣдятъ, спопелiютъ кости.

Тѣло во гробъ пойде, а духъ до вѣчности,
Служъ Богу, не свѣту а его марности.
Бо благой вѣчности въ смерти есть зачатокъ,
Вѣчного несчастя грѣхъ быватъ початокъ.

Прiйде разъ година, едно окамжиня,
Коль ся стане души съ тѣломъ розлучиня.
Мусишъ вшитки часны рѣчи опустити,
Хочешь — ци не хочешъ — до вѣчности идти.

Кебы дакто моголъ продолжити житя,
Далъ бы есь му цѣле твое надобытя.
Збавитъ тя вшиткого послѣдня година,
При дѣльби ся буде вадити родина.

Утратишь богатство, силу, твою красу —
Словомъ: вшитко што'сь малъ ажъ до того часу.
О томъ мало думашь днесь чловече бѣдный,
Бо незнашь коль прiйде день тебѣ послѣдный.

Часъ твого живота такъ якъ вода плыне,
Жiй Богу, не свѣту, бо ти душа згине.
Чловекъ жаденъ въ свѣтѣ descargas nematъ стаемности.
Ко смерти понаглятъ все отъ молодости.

Днесь есь человѣче старшiй ужъ якъ вчера.
Не знашь ци дожiешь днешняго вечера,
Бо наремно можешь во хвороту впасти,
Завтра ужъ червъ може ся на тобѣ пасти.

Дали бы царьове цѣлы свои царства,
Кебы противъ смерти достали лѣкарства.
Еднако нищитъ смерть-у доедномъ краю,
Бо отецъ народовъ Адамъ с'грѣшилъ въ раю.

Теперь собѣ думай, што ся стане съ тобовъ,
Кедь будешь конати съ цѣловъ тво'въ особовъ.
Нось ся ти закончитъ, краса въ твари звядне,
Очи ти ся змѣнятъ, сила въ удахъ впадне.

Языкъ ко бесѣдѣ не буде способный,
Въ твари не зостанешъ чловеку подобный.
Превеликій страхъ, жаль будешь мавъ а смутокъ,
Кедь буде сумлиня робити рахунокъ.

Дяволъ незапозднитъ припомнути злости,
Абы тя приводилъ до зуфанливости.
Страху въ сердци твоимъ буде прибывати,
Кедь тя смерть ко суду буде отдавати.

Буде въ обрыдности вшиткимъ твое тѣло,
До гробу го спрячуть, абы не смердѣло.
Покайся чловече, якъ бы 'сь днесь малъ вмерти,
Бо часу небуде при барзъ наглой смерти.

Скаменѣле сердце мусѣтъ въ того быти,
Кто о смерти мыслитъ, а зло хце робити.
Твое мал'е сердце про птаха е недость,
Прото му недоволь непотребну жадость.

Кедь сердцу учинишь кажду свѣтску марность,
Хоць му цѣлый свѣтъ дашъ, небуде му надость,
Мизерный чловече, въ пепель ся обратишь,
Штожъ роскошъ поможе, кедь душу утратишь?

Пренещесна марность! якъ людъ заслѣпуешь!
До царства вѣчного врата заступуешь.
Блазенъ превеликій, кто тя облюбуе,
Безъ весла по морю плавати пробуе.

Тамъ домъ будувати, гдѣ нѣтъ стаемности,
Наистно найвекшій знакъ есть блазнивости.
Отворь ужъ разъ очи, ты божій чловече,
Увидишь же марность къ твоей згубы тече.

Найлѣпше похопишь ничемность марности,
Кедь будешь думати о смерть въ самотности.
Розвага о смерти зробитъ тя мудрого,
Сохранитъ отъ злого, веде до доброго.

ПОСЛУХАЙТЕ БРАТЯ.

Послухайте братя милы,
Якъ наши предкове жили,
Хоть ихъ панщина трапила,
Было хлѣба, грошей сила.
Мой отецъ честно газдовалъ,
Терезбо жилъ, не гойновалъ
Всегда малъ полны стодолы,
Малъ коровы, конѣ, волы.
Были овцы и ягнята,
Стадо свиней поросята,
Было съ чего грошей взяти
А податки отплачати.
Нянько и пчелы тримали
По тридцять уліевъ мали,
Было воску, было меду,
Въ мѣшкахъ таляровъ якъ леду.
Было надость хлѣба, паши
Масла и меду до каши,
Не хибовало ничого —
Кремъ молока пашачого.
Мама честно працовали,
Полотно и поставъ ткали,
Пріодѣвали челядку —
Обыстя было въ порядку.
Отецъ, мати о насъ дбали
До працы насъ нагинали,
Мы якъ мурянки робили
А на купу все носили.

Мы на пчелы позирали,
Такъ якъ они працовали —
Медъ до уліевъ носили,
Мы въ поли жали, косили.
Такъ якъ мурянки, якъ пчолы,
Працовали дома, въ поли,
На хлѣбъ насущный робили,
Жили скромно — не марнили.
Родиче прикладъ давали
Не пили, не гойновали,
Выховали добры дѣти,
Богобойны працовиты.
Дѣти всегда были сыты,
Чисто красно пріодѣты,
Родителямъ честь давали,
Усиловно працовали.
Было зачь соли купити
И страву чимъ омастити,
Было въ домѣ задость всього,
И крайцара готового.
Честны, добры люде стары
Мали дукаты, таляры,
Бо мудро ощадно жили,
Не марнили, не пропили.

*

Эй! не такъ мы газдуеме,
Напою ся радуеме,
Мы марниме часъ ай гроши
На пренесчастны роскоши.
А кедь такъ на дале буде,
До ничего прійдутъ люде,
Корчма буде пановати,
Газдомъ прійде погибати.
Отъ насъ корчмы берутъ гроши
За напитки, за роскоши,
Пустѣе цѣла краина —
А кто же тому причина!?

Такъ учены, якъ неуки
Отъ працъ оттѣгаютъ руки,
Всѣ на легко хотятъ жити:
Ѣсти, пити и курити.
Люде розумъ пропиваютъ,
Працу до дыму пущаютъ,
Кто же може выстарчити
На дармоѣдовъ робити.
Людъ шалѣе, людъ дуріе,
Блудно жіе, марнитъ піе,
Кедь ся не покаютъ люде —
Тому смутный конецъ буде.

РОДИТЕЛЯМЪ НЕРАДИВЫМЪ О ДѢТЯХЪ.

Людкове рачте слухати,
Мы будеме вамъ спѣвати:
Яки милы ваши дѣти,
Кедь суть чисто пріодѣты.
Лѣтомъ, осенью мы въ полѣ
Пасли коровы и волы,
Раненько мы вчасъ ставали
Статокъ въ поле заганяли.
Тамъ было весело, мило,
Птаство насъ развеселило
И мы съ птичками спѣвали,
На пищалочкахъ пискали.
И теперь рано ставаме,
Мыемеся, одѣваме,
Богу честь славу даваме,
А до школы ся сбираме.
Маменька ѣстаньки даютъ,
Загартаютъ, погласкаютъ,
Кожде свои рѣчи взяло,
Во школу ся понагляло.

Идутъ во школу дѣточки,
Чисты, любы якъ попочки,
А доедному здравкаютъ,
Кого въ дорозѣ встрѣчаютъ.

Якъ горлички, голубочки,
Едны съ другими дѣточки
За рученьки ся пояли,
Меньши съ болшими дыбали.
Любы премилены дѣти,
Мило на нихъ посмотрѣти,
Чисты были якь гусочки
Хлопенята и дѣвочки.

Дуже бы насъ то тѣшило,
Кедь бы таке кажде было,
Чисто, умыте, прибрате,
Не сбабране, пелехате.
Але поедны дѣтоньки,
Такъ якъ тоты сиротоньки,
Не чесаны, не омыты,
Не опраты, не ошиты.

Сваляны, брудны сорочки,
Нѣтъ чужки, ани гуньочки,
Мазураты заваляны,
Пелехаты, забабраны.
Брытки лахи, забабраны,
И по три тыжднѣ не праны,
Рядаво, лихо одѣты,
Якъ тоты цигански дѣти.

Ци тому вины дѣточки,
Же брудны на нихъ сорочки?
Ци суть винуваты дѣти,
Же скарѣдно суть одѣты ?
Нѣтъ, дѣти не винуваты,
Винуваты отецъ — мати.
А мали бы ся ганьбити,
Же такъ незадбали дѣти.

Же сорочки не выпраты,
Дѣти мусятся шкрабкати,
Бо чтоси гдеси тамъ маютъ,
Прото часто ся шкрабаютъ.

Прото бѣдны, блѣды дѣти,
Бо нѣтъ ихъ кто очистити,
И быдля кедь гидъ присяде,
Та халѣе и пропаде.

Бѣдны дѣти мазураты,
Неошиты, не опраты,
Бо поедна грѣшна мати
Не матъ коли лахи прати,

Една непорядна мати
Почалася выгваряти:
— Я прото лахи непрала:
Циганка прайникъ украла.

Другій нѣтъ кто ми справити —
Якъ же опирати дѣти?
А пожичати прайника
Была бы ганьба велика.

Друга кума повѣдала:
— Я пять тыждней ужъ не прала,
Еще три не буду прати,
Бо въ праню губятся шматы.

Третя кума повѣдала:
— Я про то лахи не прала,
Бо пригода ми ся стала
Въ столцѣ нога ся сламала.

А четверта ся скаржила:
— Коли я на свадьби была,
Попелъ розсыпали дѣти,
Та лугъ нѣтъ съ чего справити.

Пята кума повѣдала:
— Я была лахи сваряла,
Но всѣ горчиска побиты,
Други нѣтъ за что купити.

Шеста лѣнюха сказала:
— Я кумо стольца не мала,
Неможъ стольца пожичити,
Газда не хоче справити.

Сема, осма и девята
Что сказали не памятамъ,
Прочто лахи не выпрали,
Якъ они ся выгваряли.

На выгварки ничь не даме,
Но всѣмъ мамамъ поручаме,
Абы о дѣтоньки дбали,
Ихъ ошили и опрали.

Коль обдерты, брудны дѣти,
Люде будутъ васъ судити,
Мати должна шити, прати.
А отецъ пріодѣвати.

Бѣднятка мерзнутъ дѣточки,
Лихи на нихъ загорточки,
Дѣравы бочкоры маютъ,
Пальцы, пяты вызираютъ.

Керпцы нѣтъ зашто купити,
Най тамъ босо ходятъ дѣти,
Няньо не хоче платати,
Напилися, легли спати.

Нѣтъ кожушка, ни гуньочки,
Нѣтъ чужкинѣ губаньочки,
Нѣтъ ничразъ что загорнути,
Дѣтятка мусятъ мерзнути.

Ани отецъ, ани мати
О дѣти не хотятъ дбати,
Якъ о свои дѣти дбаютъ,
Таку съ дѣтей радость маютъ.

Дѣти хоць якъ подумаютъ,
Кедь о нихъ ничразъ не дбаютъ
Грѣшный отецъ, грѣшна мати.
Починаютъ будь што брати.

Съ дому хоть што порываютъ,
А жидискамъ продаваютъ,
Яйца, куры берутъ съ дому,
Ктоже виноватый тому?

Родители што думате,
Про што о дѣти не дбате?
Небожатка ваши дѣти
Якъ жебрачата одѣты!

Чужи дѣти радше мате,
Качмарски пріодѣвате,
Они ходятъ якъ панчата,
А ваши якъ циганчата!

Качмарски дѣти миленьки
Маютъ топанки, скореньки.
Они о дѣточки збаютъ,
Дѣтямъ бухеровъ тримаютъ.

Но вы о дѣтей не дбате,
Во школу не посылате,
Ихъ не учатъ отецъ, мати —
Якъ же, что же могутъ знати?
Вы дармо ся выгваряте,
Же вы бѣдны, ничь не мате,
Бѣда, нужда, псота, смутокъ,
Но на напой есть грошъ, дудокъ.

Если бы вы откладали,
Что чрезъ рокъ за напой дали,
Было бы за что купити
Гуньку — чужку надобыти,

Ноле станьте рахувати:
Колько то до рока златы
Вы за паленку выдали,
И колько приборговали?

Качмарь бѣдныхъ помилуе,
Кедь нѣтъ грошей — приборгуе,
Пакъ кто платити не може,
Тому секвестарь споможе.

Нотаріушъ, урядовы
Къ секвестрованю готовы.
Кедь панъ качмарь ихъ закличе:
Ты пилъ — заплать человѣче!

— Кумо! вы ся не гнѣвайте,
Съ чепца дутки вынимайте,
А кедь вы не заплатите,
На осмыхъ дняхъ увидите!

— Мы прійдеме продавати,
Качмаръ муситъ гроши мати,
Долженъ аренду платити
И сына буде женити.

— Ты попивалъ, плать небоже,
Тобѣ никто не споможе,
Можешь лати, проклинати,
Мы будеме продавати.

Возьмутъ зерно изъ стодолы,
Телята, коровы, волы,
Пакъ имутся и орека,
Съ хижи выженутъ чловека.

А прошто же ся то стало?
Бо ся пило, борговало,
Качмаръ ся дому радувалъ
А въ свой лейстеръ приписувалъ.

Иване берь жену, дѣти,
Можешь ужъ где хочешь идти,
Качмарь матъ орекъ и волы,
А ты осталъ босый, голый.

ЗАМЕРЗШАЯ СИРОТА.

1882.

Босе, наге голодне дитятко
По хижахъ гевъ-тамъ ходило,
У добрыхъ людей съ плачемъ бѣднятко
Хлѣба, одежды просило.

Ему людкове ѣсти давали,
Не хотѣли ночевати,
Далей сиротѣ идти казали
На ночь себе припрошати.

Что же дѣлати, лемъ далей идти,
Дыбатъ, киватся сынятко:
„Бозѣчку поможъ завидна прійти.“
Вздыхатъ, плачетъ небожатко.

Лѣзе — тай лѣзе въ широкомъ полѣ,
Нигде невидно человѣка,
„Боже мой Боже! ахъ колижъ коли
Я долѣзу до Свидника!“

Вѣторъ со снѣгомъ дуе до очей,
Лѣзе, киватся бѣднятко,
Кличе: ратуйте! ахъ нѣтъ помочи,
Гине въ снѣзѣ сиротятко.

О Боже! Боже что ужъ почати,
Где же ужъ ся повернути,
Ци далей идти? ци ся вертати?
Приходитъ ту загинути!

Солненько зашло, барзъ ся затмило
Стеженьку снѣгомъ задуло.
Дитятко въ снѣгу долго блудило,
Страпилося и уснуло.

Тамъ на снѣговой, мягкой перинѣ
Сиротонька буде спати.
А зарань дадуть знати родинѣ,
Вороны будутъ кравчати.

Якъ въ колысонцѣ спитъ не мовлятко,
Ему вѣтры пѣснь спѣваютъ.
Ахъ ужъ сномъ смерти спитъ сиротятко!
Такъ сироты погибаютъ.

Не буде людямъ болше вновати,
Ужъ не мать болше старости,
Якъ живитися? где ночевати?
Духъ сироты во вѣчности.

Вороны рано стали кракати,
Сирота уже не жіе.
Людкове идить, идте глядати,
Бо снѣгъ сироту прикрые.

Люде съ дороги тамъ посмотрѣли,
Где ворониска крявчали,
Чтоси лежати въ снѣгу сбачили,
Пришли-сироту познали.

Въ снѣгу безъ души лежитъ дитятко,
Оченятка зажмурены,
Невине, миле якъ ангелятко
Ручки на грудяхъ сложены.

Якъ ужъ не могло съ мѣсца ся гнути,
Небощенятко плакало,
На личкахъ слезы ужъ замерзнуты,
Тамъ остатній разъ плакало.

Усточка якъ бы речи жадали;
Богъ вамъ заплатитъ добры люде,
Вы сиротоньку не опущали,
Вамъ заплата съ неба буде.

От днесь я буду отпочивати,
Мене ангелы призвали,
Больше не буду я вамъ вновати,
Мамка мене къ собѣ взяли.

Надъ сиротою люди вздыхали;
Ахъ пребѣдне сиротъ житя!
Труночку сбили, гробокъ выбрали,
А погребсти дали дитя.

* * *

При томъ погребѣ панотецъ старый*)
Казаня смутно казали,
Лялися слезы по каждой твари,
Всѣ прежалосно вздыхали.

Въ горестномъ смутку сирота жила,
Не мала притулку въ ночи,
Съ хижи до хижи, гевъ тамъ ходила,
Пакъ въ снѣгѣ заперла очи.

Яке горестне есть сиротъ житя
Вы слышали и видѣли,
О мольте Бота любезны дѣти,
Бы вамъ родители жали.

Учтите отца и матерь свою
И въ смутку ихъ утѣшайте,
Съ вѣрой, надеждой, да любовію
Ваши души украшайте.

Святая должность ваша родиче
Дѣточки честно ховати,
Бо якъ васъ Господь къ себѣ прикличе,
Вы должна рахунокъ дати.

---

*) Самъ авторъ.

Если вы дѣти на свѣтъ сплодили,
Должны о нихъ старость мати,
Бы пріодѣты и сыты были.
А ихъ духа просвѣщати.

Наука много платитъ во свѣтѣ
Треба дѣти просвѣщати,
О посылайте во школу дѣти
Силы ума розвивати.

Ученый человѣкъ знаетъ во свѣтѣ
Гдѣ тамъ якъ себѣ помочи;
А безъ науки суть слѣпы дѣти,
Хоть Богъ далъ имъ здравы очи.

Вы люде братя, русское племя
Любовно обимайте,
Наше честное русское имя,
Словомъ дѣломъ прославляйте.

СИРОТКА.

Сиротонька бѣдна опущенна,
Горѣ-доловъ ходитъ засмученна;
Хоцъ якъ буде горенько плакати,
Не потѣшатъ ей отецъ ни мати.

Воздыханя, плачь ей непоможе,
Сиротоньку ахъ помилуй Боже;
Допомагай между людьми жити,
Працовати, хлѣба заробити.

Добры люде вы дѣтоньки мате,
Что статися може — вы не знате,
Можутъ даколи и ваши дѣти
Несчастными сиротами быти.

Честны люде сиротку пріяли,
Ей якъ власну дѣтину тримали,
Они честну дѣвку выховали,
До доброго газдовства выдали.

Теперь она барзъ честно газдуе,
Она мужа — а мужъ сй милуе,
Бога въ помочь они призываютъ,
Жегнатъ ихъ Богъ, вшиткого достьмаютъ.

И вы сиротоньки не зуфайте,
Но на помочь Бога призывайте,
Поминутся сиротски старости,
Богъ подасть вамъ по смуткахъ радости.

ДУМКА.

Что минуло, загинуло нельзя воскресити
Прошедшія времена мы не станемъ хвалити.
У насъ всегда бѣда была, но и теперь бѣда:
Прежде людъ робилъ на пана; днесь робитъ на жида,
Панове бывшимъ подданнымъ панске даровали
Но господскую власть свою жидомъ передали.
Нѣкіе изъ тыхъ паночковъ все порасточали,
Въ ихъ прадѣдные каштели жиди ся напхала.
Прежде жиды кланялися до землѣ панови:
Теперь не одинъ паночокъ кланятся жидови
Вотъ, лжецивилизація пановъ разорила,
Ихъ богатымъ имуществомъ жидовъ одарила.
Якимъ же посредствомъ жиды стались богачами
Хотя знаемъ, но не смѣемъ явно высказати
Жиды всѣ соединились и насъ окружили:
Талмудомъ родъ христіанскій они побѣдили.
Кричатъ: вѣкъ девятнадцатый вѣкъ общей свободы;
Лишъ для жидовъ, — ихъ рабами прочіе народы.

Вѣкъ нашъ сдѣлалъ хорошіе въ наукахъ успѣхи
Въ настоящемъ вѣку гаснетъ пламень любви, вѣры:
Нынѣ люди жесточайши, якъ хищные звѣри
Воры крадутъ, разбойники казны разбиваютъ,
Вѣшаются, стрюляются, ядомъ отровляютъ
И вотъ вамъ доказательства мнимыя мудрости:
Эта мудрость приведетъ насъ въ пропасть без-
[божности!

ПѢСНЬ ДЬЯКА.

(Давно!)

— По шарошскому Маковицкому нарѣчію. —

Ахъ спѣвамъ я спѣвамъ, докля горла ставатъ;
Мой спѣвъ каждый слухатъ, никто ничъ де даватъ
Дость я ся наспѣвалъ, двадцять годовъ дячу,
Теперь ми смутному приходитъ до плачу.
Тяжко мнѣ приходятъ господарски труды,
Я ужъ устарѣлся слабнутъ тѣла уды;
Волосы сивѣютъ, поморщене чело,
Хотѣлбымъ, но не можъ спѣвати весело.
Въ нуждѣ и потребѣ грызуся и гнѣвамъ,
Хотяй гарло слабне, я спѣвамъ, а спѣвамъ.
Спѣвамъ я при каждой церковной потребѣ,
При утрени, службѣ, вечерни, погребѣ,
Ежедневно Богу щиро я ся молю,
Бы насъ благословилъ, въ обистю и въ полю,
Якъ найлѣпше можу, хочу вамъ служити,
Но я, верабоже! немамъ съ чого жити.
Орю, сію, кошу, не марню, не пію,
А преци я въ нуждѣ, въ недостатку жію.
Ніякъ неможу ся съ долговъ вымотати
Вы ми цѣлкомъ ничь разъ нехочете дати.
Ноле добры люде, вы ся полѣпшайте,
А ми яку-таку роковину дайте!

Бымъ съ вами на далей моголъ обставати,
Съ вами молитися Господу, спѣвати
Хотѣлъ бымъ и ваши дѣточки учити,
Абы могли честно, богобойно жити.
Лютераны, жиди якъ ся добрѣ мають;
Бо свои дѣточки учити давають.

Дѣти за молоду розумъ розвивають,
А мудрѣйше, якъ мы въ свѣтѣ жити знають.
Тамъ где не есть школы ани учителя,
Дѣти возрастають, якъ ягня и теля.
Где неукій отецъ, неучена мати,
Науку не можуть своимъ дѣтямъ дати.

Якъ дики звѣрята вадятся и біють,
Въ блудѣ, грѣху тоты нещастливо жіють.
Піють непрестанно, такъ въ корчми якъ дома
Грѣшатъ, якъ колис- то Гомора, Содома.
Мертве море стоитъ, где тоты стояли,
Таку кару Божу безбожны достали.

Огень падалъ съ неба, а такъ вшитко стлѣло
Тото мѣстце мертве такь море прикрыло
Спростость, глупость и злостъ ведетъ васъ до блуду
Ахъ бойтеся люде вы страшного суду!
Зачнійте мудрійше ужъ разъ розмышляти,
Дайте вашихъ дѣтей розумъ просвѣщати.
Мы единѣ прото въ нуждѣ, бѣдѣ, псотѣ,
Же ся неучиме, жіеме въ слѣпотѣ.

Мы нашъ ставъ можеме братя поправити,
Но нашъ здравый розумъ мусиме розвити.
Якъ себѣ стелите, такъ будете спати,
А что посѣете — будете сбирати.
Правда, же въ неплодныхъ мы краяхъ бываме,
Хлѣба до сытости николи не маме.

Но при томъ могли бы мы лучше стояти
При нашомъ розумѣ, при доброй памяти.
Но мы на толоку розумъ запустили,
Память въ паленчаномъ мори затопили.

Мы ся щастливыми тогда почитаемъ,
Когда. — про палюнку — о свѣтѣ не знаемь.
Еще въ неплоднѣйшихъ люде краяхъ жіютъ,
Лѣпше якъ мы ѣдятъ; але меньше піютъ.
Мы про піятыку вшитко утрачаме,
Себѣ порадити мы въ ничемъ незнаме.
Въ насъ на селахъ майстра нигде недостане
Подлы орудія куютъ намъ цигане.
А хотяй мы братья! убоги, худобны,
Але дѣти маме къ наукамъ способны.
Дѣтей нашихъ розумъ треба розвивати
Дати научити читати, писати.
Кебы нашихъ дѣтей розумъ мы розвили,
Что то русинъ може? люде бы видѣли.

НЕ РОБЪ ШКОДУ.

Богатому Иванови
Здохли наразъ три коровы.
Прочто же го такъ Богъ побилъ?
Бо все людемъ шкоду робилъ.

Бѣдна вдова барзъ плакала
А Ивана проклинала,
Онъ шкоду не нагородилъ,
Та прото го Панъ Богъ побилъ.

ЖИДЪ НИКОГДА НЕ НА ПОКОЮ.

Жидъ не на покою, все по драчахъ ходитъ,
Христіане робятъ, жидъ нигде не робитъ.
Христіане претяженько на поли працуютъ,
Але жидамъ поле смердитъ, та го океруютъ..

Ажъ якъ газда съ поля зерно свозитъ, вымолотитъ
Тогда жидиско по зерно съ мѣхами приходитъ
Пять долгихъ широкихъ мѣховъ каже наполнити
Газда вздыхнулъ ахъ! чимъ буду дѣтоньки кормити
А жидъ смурчалъ: та ци ми чортъ тамъ до твоихъ
[дѣтей!
Можешь ихъ повыправляти по жидохъ служити
О дерево не треба ся жидискамъ старати,
Имъ Христіане навозятъ и будутъ рубати.
Жидиска отъ Христіановъ что лемъ пожадаютъ,
Имъ за палѣнку безумны люде достарчаютъ.
Съ людской працы сбогатились жиди днесь пануютъ
Працующихъ Христіановъ дѣти голодуютъ.
Коли ужъ разъ тото панство жидовске престане?
Ажъ якъ небудешь паленку пити ты Иване.
Малъ бы я до смерти, якъ рабъ жидискамъ служити:
Верабоже заречуся, ужъ не буду пити:
Люде, братя Христіане! Христа мы кланяйме
А святаго Креста враговъ не обогачайме!
Они злато, сребро, гроши отъ насъ выдираютъ
Христіановъ за погановъ они узнавауть,
Напротивъ насъ въ цѣломъ свѣтѣ ся соединяютъ
И мы братья христіане ся соединяйме,
Святымъ Крестомъ нашей вѣры враговъ поражайме!

КОРЧМАРСКІЙ БОРГЪ.

Иванъ піе, не рахуе
Лайзеръ пише-приписуе.
Не пій, кедь не можъ платити
Не буде тя жидъ мучити.

Кто въ корчмѣ напой боргуе,
Каждый подло выгаздуе.
Якъ прійдеся рахувати,
Та барзъ буде ся шкребкати.

Жидъ буде съ лейстру читати:
„Ты долженъ мѣ 40 златы“.
— Жиде! дѣдко бы тя трапилъ,
Коли же я только попилъ?

— Крестинъ, свадебъ я неробилъ —
Бодай тя. Егова побилъ . . . !
„Можешь лати, проклинати,
40 златы мусишь дати.

„Стоитъ въ лейстру написано,
Же ты пилъ вечеръ и рано,
Ничь не платилъ, лемъ боргувалъ,
А я всегда приписувалъ.

„Всегда лемъ ся боргувало,
Такъ красно ся назбирало,
Ты николи не рахувалъ,
А я писалъ-приписувалъ.

— Ты, якъ самъ хотѣлъ, рахувалъ,
Бабралъ въ лейстру, приписувалъ,
Ужъ ты мня выферцигувалъ —
Злый духъ бы тя опанувалъ!

— Та ужъ я теперь скараный,
Буду вцалѣ розсыпатый!
Корову мушу продати . . .
40 златы! 40 златы! . . .

— Жиде! буду тя скаржити,
Я не могъ только напити! —
„Не дбамъ! можешъ мня скаржити
Право каже долгъ платити.

„Не буду тя далей ждати,
Заранъ дамъ секвестровати;
Направлю тобѣ келчику,
Ко тому ганьбу велику.

„Кедь тя дамъ секвестровати,
Цѣле село буде знати,
Же ты напилъ 40 златы —
Жена буде нарѣкати.

— Жиде! маю дробны дѣти,
Можешь дачто мѣ пустити! —
„Ци мѣ чортъ до твоихъ дѣти!
Я мамъ аренду платити,
Завтра гроши должны быти!

Якъ завтра гроши не будуть,
То я ѻтдамъ тя до суду. —
— Май-ле, май ласку пождати!
Пойду гроши пожичати.

„Не ходь инде пожичати,
Я можу тебе пождати.
Но я дамъ контракъ писати,
Же ты долженъ 40 златы.
А ты будешь лихвовати,
Каждый мѣсяцъ дашъ два златы.

— Чтоже чинити? — пристати.
Не можъ иншой рады дати . . .
Мушу ужъ тотъ крижикъ*) дати,
Малъ бы мня секвестровати.

Душкомъ контракъ написали,
Двоми жиди — якъ тамъ знали —
Свои мена подписали,
Но контракъ не прочитали.

Жидъ може хлопа скаржити,
Кедь не схоче заплатити.
Жиди будуть присѣгати,
Хлопъ долженъ право програти.
Не было крижикъ тягати!

*) Крижикъ — въ мѣсто подписа.

ПЯНСТВО.

(По народному.)

Всяка бѣда
Лемъ отъ жида, —
Хрань ся жида —
Мине бѣда.

I.

Люде братя радъ васъ маю,
А сердечно поздравляю:
Послухайте раду мою,
Стримайтеся отъ напою.

Христіане худобнѣютъ,
Жиди всягды богатѣютъ,
Имъ нетреба працувати,
Лемъ паленку шенкувати.

Жидовъ палѣнка збогатитъ,
Выховатъ ихъ и пришатитъ,
Припровадитъ до богатства,
Христіановъ до жебратства.

Нашъ людъ нерозважно жіе,
Што заробитъ та пропіе,
Хлѣба ни гроши не мае,
О свои дѣти недбае.

II.

На людей днесь всягды бѣда;
Люде робятъ лемъ на жида,
Жиди съ людей богатѣютъ,
Христіане худобнѣютъ.

Люде чрезъ рокъ працували —
А гроши позарабляли,
Где тоты гроши подѣли?
Жидамъ дали, жиды скрыли.

Жиды выжіютъ безъ працы,
На нихъ працуютъ Руснаци.
А якъ ся имъ отвдячаютъ?
Шалеными прозываютъ!

Кебы люде о честь дбали,
Прозывати ся не дали,
По корчмахъ бы не ходили,
Жидамъ дармо не робили.

Жидамъ найлѣпше на свѣтѣ,
Съ чужой працы можутъ жити,
Бо что — кольвекъ пожадаютъ,
Христіане достарчаютъ.

Днесь лемъ жиди гроши маютъ,
Отъ нихъ люде пожичаютъ, —
Не лемъ худобны газдове,
Но и вельможны панове.

Панове роскошно жіютъ:
Карты граютъ, вино піютъ;
Кедь гроши попрогараваютъ,
Та отъ жидохъ пожичаютъ.

Жиди гроши назбиваютъ,
Христіанамъ пожичаютъ,
Жидамъ грозны лигвы платятъ,
Такто ся жиды богатятъ.

Жиды людску слабость знаютъ,
Всягды напой продаваютъ:
Вино, пиво, палѣнчиско —
Зъ того богатне жидиско.

Жиди — качмаре богачи,
Гроши маютъ стотисящи, —
Христіане худобнѣютъ,
Бо збыдкомъ напои піютъ.

Жидъ не служитъ крестянови,
А крестянъ всягды жидови,
Въ жида трапится, псотуе, —
А жидъ собѣ роскошуе.

Кебы люде ся згварили,
Нигде въ жидахъ неслужили:
Жиды бы ся працы яли —
Косы, цѣпы до рукъ взяли —
Сами на хлѣбъ працували.

III.

Въ цѣломъ свѣтѣ жиди нигде
ничь тяжко неробятъ,
Не орютъ, не жнутъ, не косятъ
ани не молотять.
На хлѣбъ тяжко непрацують
легко знають жити,
Маютъ гроши — а за гроши
вшитко можъ купити.

За палѣнку орютъ, косятъ,
зерно вымолотятъ
Люде жидамъ, дровъ навозятъ,
рубаютъ, волочать.
Овесъ, ярецъ, яйца, курки,
качки, гуски, дають;
Люде постятъ, жиды сабешъ
гойно отправляютъ.

Давно до орековъ право
лемъ панове мали,
Кедь хотѣли, та 'зъ орека
газду пречь выгнали.
Намъ теперь о дуже лѣпше,
якъ колисѣ было,
Коли паномъ лемъ за дармо-
манске ся робило.

Мы неробиме за дармо,
плацу доставаме,
Тотъ заробокъ мы корчмарамъ
сховати даваме.
Зато насъ барзъ ради видятъ —
наливаютъ склянки,
Они гуски, курки ѣдятъ, —
мы постны варянки.

Они сыты, пріодѣты —
мы голодуеме,
Голы, босы наши дѣти —
бо едностань пьеме.
Майже половина газдовъ
ужъ похудобнѣли
Прото, же мало робили,
а барзъ дуже пили.

Добры люде эй ужъ бы часъ
о томъ подумати:
Ци бы ужъ намъ не инакше
даякъ газдувати.
Бо мы теперь — верабоже —
плано газдуеме,
Высше мѣры на встыдъ пьеме
где ся обернеме.

Мало хлѣба, мало паши —
бѣда на насъ, бѣда,
До Америки пречь идутъ
люде сь подь Бескида.
Въ Америки честны люде
дуже зарабляютъ,
Але піяци, лайдаци
и тамъ ничь не маютъ.
И ту кто ся усилуе —
не марнитъ, не піе,
Ходь не гойно — але честно
между людми жіе.

IV.

Конецъ рока буде, уробме рахунокъ:
Колько мы выдали: за хлѣбь — а за трунокъ?
Было доновинкп, хлѣба намъ нестало,
Та отъ жидовъ муки ся наборгувало.
Теперь ужъ бы треба жидамъ выплатити,
Гроши нѣтъ, — незнаме што прійде чинити.
Чрезъ лѣто мы гарды гроши заробили,
Але тотъ заробокъ мы такой пропили.
По роботѣ въ корчми мы отпочивали,
Литеръ — за литромъ тамъ все намъ наливали.
За хлѣбъ дуже гроши презъ рокъ мы выдаме,
Но о дуже вецей презъ рокъ пропиваме.
Барзъ насъ росыпуе тота палѣнчиско,
Газда худобнѣе — богатне жидиско.
Зъ людской працы всяды жиди богатѣютъ,
Бо Руснаци збыткомъ — лемь піютъ — а піютъ.
Кедь ся непокаютъ, все такъ будутъ пити,
Та газдове мусятъ до ничого прійти.
Змарнятъ свою працу, будутъ жебраками,
А жидиска будутъ надъ ними панами.
Жиди, якъ панове будутъ собѣ жити,
А газдове будутъ все жидамъ служити.
Ноле люде мои Бога въ сердцу майте,
Збыточне пянство разъ — навсе понягайте.
Перестаньте ужъ разъ по корчмахъ ходити,
Зачнійте терезбо, мудро, честно жити.

V.

Съ рока — на рокъ штоеразъ планше намъ ся родитъ,
Ужъ передъ позимовъ хлѣбъ, паша выходитъ.
Бѣда на насъ теперь, на ярь горша буде,
Ахъ якъ поярюютъ небожатка люде!
Но легкомыселны ничъ ся нестараютъ,
Лемъ ходятъ по корчмахъ, піютъ, грѣшатъ, лаютъ

Ходь, суть задолжены по шію, по уха,
Все ихъ штоси тягатъ тамъ до злого духа.
Дома помѣстчиня нигдеразъ не маютъ,
А лемъ гетъ до кормы скоро понагляютъ.
Встыдъ, ганьба, потупа, што ужъ робятъ люде,
Ахъ той піятыки грозный конецъ буде.
Бо кедь и на дале всэ такъ будутъ пити,
До великой нужды люде мусятъ прійти.
Якъ утратятъ здравя, промарнятъ худобу.
Якъ помрутъ — бозъ труны шмарятъ ихъ до гробу.
Піяци отъ дѣтей неможутъ жадати,
Жебы пришли на ихъ гробы поплакати.
Ахъ будутъ плакати, будутъ нарѣкати,
Якъ секвестарь прійде орекъ продавати.
Ахъ будутъ плакати вдовы и сироты,
Будутъ ся тыряти по подъ людски плоты.

VI.

Гнѣвъ Божій грозитъ намъ, покайтеся люде
Страшный, преужасный пянству конецъ буде
Люде самохотно въ пропасть упадаютъ,
Свой маетокъ врагомъ за напой даваютъ.
Нѣтъ вѣры, нѣтъ любви, чести, учтивости,
Злодѣйства множатся, не есть безпечности.
Люде про піянство въ нуждѣ погибаютъ,
О тѣло, о душу, о житя недбаютъ.
Люде со дня на день то барже бѣднѣютъ,
Мало что дѣлаютъ, лемъ піютъ, а піютъ.
Безумны пяницы вадятся и біютъ,
Нечестно, ганебно піячески жіютъ:
Піянство приводитъ до нужды, до псоты,
Голодуютъ бѣдны вдовы и сироты.
Села худобнѣютъ, корчмы богатѣютъ,
Съ христіанскихъ людей евреи ся смѣютъ.
Огидны піяци дурѣютъ, шалѣютъ,
Качмаре гостятся, а газдове псѣютъ.
Нашего несчастя палѣнка причина,
Жидовство богате, убога краина.
Кто краинской нужды найболша причина?

VII.

Кто мало робитъ, а много піе,
Буде жобракомъ, якъ устаріе.
Якъ му не стане ужъ зашто пити,
По селѣ муситъ хлѣба просити.
На старость буде піякъ жебрати,
Ему до очей будутъ лузати:
„Подло пребодло вы газдовали,
Вы лемъ напою ся радовали.
Гдежъ вы худобу, орекъ подѣли,
Што ваши предкове вамъ охабили?
Вшитко на напой вы промарнили, —
Вшитко за напой качмаре взяли.
Піякомъ хлѣба невдячно даме,
Мы хлѣбъ про свои дѣти тримаме.
Бо вы вшитко то, што зажобрате,
Та за палѣнку жидомъ давате.
Якій вы чловекъ — мы васъ познаме,
А піякови ничь разъ не даме.
Боже васъ провадь, не заважайте,
Ночлика собѣ инде глядайте. —"
Піякъ собрался, мусѣлъ геть идти,
Бо піякъ незнался выгварити.
Вздохнулъ горенько — чтоже дѣлати?
Не мамъ на кого вину складати.
Не требало ми пити, марнити,
Теперь за грѣхи мушу терпѣти.
Я пропилъ мою цѣлу худобу,
Мене голого шмарятъ до гробу.
Ахъ! я нехотѣлся покаяти,
Мушу за грѣхи покуповати.

VIII.

Жидъ хоть бы прійшолъ
Просто изъ неба,
Вѣрити ему
Нигда не треба.
(Пословѣца.)

Жиды не прійдутъ съ нами плакати,
Гореньки слезы поутирати,
Кедь ся смутиме, жидъ ся радуе,
Же за палѣнку дуже вторгуе.

Кедь хижа сгоритъ, жидъ ся радуе:
„Продамъ палѣнку, хлопъ ся будуе.“
„Иванъ корову мусѣтъ продати,“
„Я ей барзъ туньо можу достати.“

„Все смѣло можу приписувати,“
„За дармо можу корову взяти.“
„Палѣнку буду я боргувати,“
„Такъ я и волы можу достати.

„Качмарь ратуе бѣдного хлопа,“
„Начь бы онъ слухалъ своего попа.“
„Попъ бы отворилъ очи хлопови,“
„Пакъ бы певѣрилъ Иванъ жидови.

„Хлопъ бы нехотѣлъ до мене прійти,“
„А я бы мусѣлъ на хлѣбъ робити.“
„Теперь я собѣ сижу въ холодѣ,“
„На мене робитъ хлопъ о голодѣ.“

*

Его сынове собѣ звоюютъ,*)
А за нихъ наши дѣти воюютъ.
Каждый жидъ може сына женити
На регрутачку не мусѣтъ идти.

А прото жиды вь каждой столици
Розмножаются, такъ якъ блощици.
Тотъ гидъ насъ присѣлъ, бѣда намъ жити,
Ужъ зауяли цѣлый свѣтъ жиди.

---

*) Роскошують — гойно жіють.

Съ жидами полны села и мѣста,
Ужъ насъ оголятъ жиди дочиста.
Пана и хлопа жиди оголятъ,
И облегатовъ ужъ жиди волятъ.

СЕМЯ ПЯНИЦЫ.

Жаль мнѣ человѣка того,
Котрый не слухатъ никого;
Лемъ темно, до блуду жіе,
Што заробитъ, то пропіе,

Жаль мнѣ — прежаль его дѣти,
Же немаютъ съ чого жити,
Бо отецъ плано газдуе,
День-при дню корчму пильнуе.

Якъ же мнѣ househould

Якъ же мнѣ нематъ жаль быти,
Кедь смотрю на его дѣти?
Таки, ходбы циганчата,
А жидовски, якъ грофчата.

Ахъ мушу я жалувати,
Кедь смотрю, якъ бѣдна мати
Съ плачомъ позиратъ на дѣти,
Голодны — нѣтъ чѣмъ живити.

Дѣти гласкатъ, потѣшуе,
Вздрыхатъ, мыслитъ, роздумуе: . . .
Мольтеся дѣточки милы.
Жебы нянцо ужъ не пили.

Дѣточки поприклѣкали,
Рученята поскладали,
Бога сердечно просили,
Жебы нянцо ужъ не пили.

Отецъ на постели сидѣлъ;
Якъ клячачи дѣти видѣлъ,
Не могъ ся отъ слезъ стримати . . .
Почалъ ихъ къ себѣ кликати.

Дѣти къ отцови бѣжали,
Обѣмали, цѣлували,
Свого пяничка просили,
Жебы палѣнку не пили.

Отецъ почалъ размишляти:
„Ужъ бы мѣ ся покаяти!“
„Уроблю, что просятъ дѣти,“
„Отъ днесь я небуду пити!“

———

Молитвы невинныхъ дѣтей
Ко Богу за родителей —
Вседержитель услышаетъ
И благодатъ посылаетъ.

ПІЯЧКА БАБА.

Піячка ба,
Брытша якь жаба,
Таки, ги жаберины
Ей съ пыска слины.

Каждый чловекъ ся брыдитъ
Той шкаредной огиды,
Ей каждый ся скавородитъ,
На далоко ей обходитъ.

А кого напастуе,
До очей ей наплюе,
Або дрылитъ до млачиска,
Тамъ по ней лазятъ жабиска.

Куму тамъ будутъ витати,
А почнутъ разомъ курчати:
„Витай! витай кумо мила,
Же ты насъ ту нащивила!“

Піячка ся радувала,
Съ бока — на бокъ обертала,
Но ніякъ не могла встати,
Мусѣла въ млацѣ лежати.
Кедь огида не статкуе,
Та най въ млацѣ покутуе.

ПѢСНЬ.

Арія: „Никто ми невиненъ
Сама я, сама я . . .“
Же'мъ полюбила
Гультая, гультая

II.

Сама я ся сама зрадила,
Же я по ярмаркогъ ходила.
Я ся съ кумичками водила,
На ярмарку зайду пропила.

Требало ся домовъ сбирати,
Я почала зайду глядати.
Но я уже о томъ забыла
Же я зайду въ корчми пропила.

Жидиско ся на мя розгнѣвалъ,
Взялъ за плечи съ корчмы выдрылялъ.
Якъ же ми ся дома явити,
Я не несу колачь про дѣти.

Стигне ся мужь о томъ дознати,
Буде мя прегрозно карати.

Я нигде покою не маю,
Все о моихъ грѣхахъ думаю.

Я буду ся Богу молити,
А за свои грѣхи постити.*)

КУМОВА ВЕЧЕРЯ.

(По Маковицкому нарѣчію.)

Людкове отвечеряли,
Молилися полѣгали;
Всягды въ селѣ тихо было,
Ужъ лемъ въ карчми ся свѣтило.

Честны люде полѣгали,
Котры чрезъ день працовали,
Лемъ піяци нелѣгаютъ,
Въ корчми піютъ, гулякаютъ.

Газдове барзъ ся стараютъ.
Же хлѣба, наши немают;
Стараются водне, въ ночи,
Неможутъ прнперти очи.

Піяковъ жены бѣднятка
Поприкрывали дитятка;
Але сами не лѣгаютъ,
Піяковъ мужовъ чекають.

Ужъ коло полночи было,
И лемъ въ корчми ся свѣтило
Качмаре ужъ съуновали,
Піяковъ вонъ выдрыляли.

*) Концу сей пѣсни писано авторомъ: „Ужасъ! Наши люде несмѣрно предалися пянству, пропадутъ въ еврейскихъ кохтяхъ! Наши церкви ничего не дѣлаютъ къ отвращеню Этого порока."

Лѣзутъ мырчачи, дудручи,
Гевъ-тамъ ся затачаючи;
Наразъ брытко зарычали,
Люде со сна ся срывали.

Василь выбѣгъ на улицу,
Малъ въ рукахъ грубу палицу,
А лубъ, лубъ, лубъ по кумови,
Кумъ гнеть пришолъ къ розумови.

„Кумцу! кумцу што думате?!
Мабыти мня непознате!
Я пришолъ вамъ заспѣвати,
Вы такъ вышли мня витати?“

„Вы не кумъ, але потвора,
Рушайтм пречь съ мого двора!
Честны люде спочиваютъ,
Не по ночахъ гулякаютъ!“

„Куме, куме розумъ майте!
Не сердтеся, не гнѣвайте!
Я соогрѣшилъ — перебачте,
Вину отпустити рачте!“

„Но идте съ Богомъ кумичку,
Поздравте свою женичку,
Жебы ся ужъ нестарали.
Бо вы вечерю достали.“

Иванъ одышолъ дудручи,
Василя проклинаючи:
„Не кумъ, но збойца проклятый
Богъ муситъ го покарати.

Далъ онъ ми далъ вечеряти,
Буду долго памнятати,
Палицу на ми поламалъ, —
Бодай дагде кархи зламалъ.

Онъ тогда мусѣлъ ся встечи,
Якъ катувалъ мои плечи . . .
Болесть моя превелика,
Боже скарь того збойника!

Можу женѣ повѣдати,
Якъ кумъ далъ ми вечеряти;
Попамнятамъ долги часы,
Мамъ по хирбетѣ колбасы."

— —

Иванъ такъ ишолъ дудручи,
Пришолъ домой стукаючи.
Жена двери отворяла,
А мужа ся звѣдовала:

„Чомъ такъ стукашъ мужу милый?
Ачей дагде тя побили?
Я до теперь тебе ждала
Вечероньку огадала."

„Дай ми покой, я ужъ сытый,
Ахъ я прегрозно побитый;
Стель, стель скоро мушу лячи
Пообзирай хирбетъ, плечи."

Жена хребетъ обзирала,
Прегоренько заплакала:
„Ахъ газдо! што же ты зробилъ,
Же тебе такъ ктоси побилъ?"

Наскоро рянды мачала,
А на хребетъ прикладала.
Иванъ стукати пересталъ,
Дрималъ, дрималъ — та и заспалъ.

— —

Ужъ газда спитъ, але жена
Вздыхатъ, плаче розжалена.
Ей газда едностай піе,
Прійде пяный, жену біе.

Бѣда на ню, хоть неяка,
Про того газду, піяка,
Но чтоже мае почати —
Лемъ до смерти съ нимъ капати.

Бѣда, пребѣда на свѣтѣ
Съ планикомъ, піякомъ жити,
Его жена трапеница,
Превелика мученица.

УЧЬ НА ДОБРЕ СЫНА, — ТА НЕ БУДЕ ПСИНА.

За молоду кажутъ люде бучка погинати,
Бо якь сгрубне ужъ му тогда неможъ рады дати.
Мы нахильны всѣ до злого на свѣтъ приходиме,
Всягды болше злыхъ, якъ добрыхъ людей находиме.

Отъ родичей дѣточки ся научатъ гварити,
А отъ мачки маченята мнявчати, кварити.
Отъ злостниковъ ся научатъ дѣти гнѣву, злости,
Отъ коровы научится и ей теля бости.

Добрѣ учитъ отъ маленька дитя добра мати,
А отъ суки научится щенятко брехати.
Вшиткого ся дѣти учатъ отъ родичей дома,
Овощь такій вкусъ имѣетъ, съ якого есть строма.

Отъ сгнитого здраве ябко барзъ скоро надгніе,
Тамъ, где отецъ напиватся и сынъ ся розпіе.
Где суть терезбы родичи, тамъ дѣти непіютъ,
Кедбы дѣти ся напили, родиче ихъ біютъ.

А гварятъ такъ: волитъ теперь сгинути, скапати,
Малбысъ сыну нашу бѣдну працу прольокати.
Где родиче за зле дѣтямь не даваютъ кару:
Отца старого сынъ біетъ, дѣвка стару маму.

Безъ погрозу, безъ карности дѣти ся розпіютъ,
Грѣшатъ, лаютъ, клянутъ, крадутъ, якъ быдлята
[жіютъ.
Кедь дѣтина за маленька шило, клапачь краде,
Якъ подросне буде красти штокольвекъ попаде.

Послухайте коротко вамъ буду повѣдати,
За злевыхованя плацу — яку мала мати.

— —

Разъ истого къ шибеници
Збойца провадили,
Тамъ на чудо съ каждой страны
Люде ся сходили.

Збой роззералъ, якъ ужъ его
Мали тамъ вѣшати,
Между людьми узрѣлъ маму
Горечно плакати.

Просилъ судцу, дабы рачилъ
Ему доволити
Съ матерію остатнійразъ
Днесь поговорити.

Судца тому былъ наклонный,
Рачилъ допустити,
Бы могла ся мати съ сыномъ
Своимъ розлучити.

Мати пришла, а зачала
Уха напинати,
Бо думала, же сынъ буде
Ей нечто шептати.

Тогда збойца приправился
Острыми зубами,
А откусилъ едно ухо
Цилкомъ своей мамѣ.

Люде кричать, каждый каже
Злочинца вѣшати,
А онъ кричитъ: „смилуйтеся,
Рачте послухати!“

„Моей смерти, моей ганьбы
Винна моя мати,
А должно бы днесь не мене,
Но маму вѣшати.

Кебыла ми замаленька
По волѣ не дала,
А за кажду малу вину
Мене покарала; —

Кебы было моей мамѣ
То не было мило,
Якъ я укралъ отъ сосѣда
Иглу, дратовъ, шило; —

Якъ я выпасъ вдовой зерно,
Она ся скаржила,
Кебыла мня моя мати
Зато добрѣ била; —

Украджену куру, гуску
Решетомъ прикрыла,
А пакъ въ корчми мати моя
И сомной пропила.

Не карала мене мати
За зле въ молодости,
А прото ся дочекала
Днесь такой радости.

Берте собѣ съ мене прикладъ
Вшитки добры люде,
Увидите якій конецъ
Днеська мнѣ ту буде.

Кедь къ доброму за молоду
Дѣти не нагнете,
Та на старость вы предъ дѣтми
Плакати будете.

За молоду кедь розпустно
Будутъ жити дѣти,
Своихъ власныхъ родителей
Будуть потомъ бити.

Кто за малу другимъ людямъ
Дастъ зерно выпасти,
Тотъ пакъ буде и снопами
Зерно съ поля красти.

Буде красти, рабовати
Коморы, пѣвници,
Житю его конецъ зробитъ
Катъ на шибеници.*)

*) Оригиналъ рукописѣ автора находится у о. А Волошина въ Ужгородѣ.

V.

ЛЮБОВНЫ.

МИЛОГО ЖДАЮЩАЯ ДѢВУШКА.*)

Въ загородѣ при поточцѣ
Русочка сидѣла,
Смутна сердцемъ, бо милого
Сей день не видѣла:
Ахъ я нещастна дѣвчина!
Ачей заняла го ина? —

Але нѣтъ, нѣтъ; больше маетъ
Гордый Русинъ чести,
Якъ бы его годенъ нѣкто
На баламутъ свести;
Онъ мене все щиро любилъ;
А чему бы теперь блудилъ?

Я его тутъ буду ждати
Хотяй до полночи,
Прійде онъ поутирати
Мои слезны очи;
Подасть ми бѣлу рученьку,
И поцѣлуе миленьку.

Ужъ мѣсяцъ высоко вышолъ,
Милый не приходитъ,
Въ сердцѣ милой что разъ болшій
Непокой ся родитъ.
Ахъ! — скричала — подь скоренько,
Потѣши мое серденько.

*) Печатано у „Поздравленіе Русиновъ“ 1851. года.

Уже мѣсяцъ за горами
  Зашолъ, милого нѣтъ;
Уже полночи минуло,
  Погасалъ ясный свѣтъ.
Отчаяна скричала: охъ!
Пустя зъ грудей печальный вздохъ.

Здравствуй мѣсячку темненькій,
  Я не могу ждати,
Бо мнѣ въ часъ рано потребно
  До роботы стати;
Скажи тому невѣрному,
Чтомъ пойшла смутна до дому!

ДУМКИ.

Русскихъ красавицъ.

Наши сестрицы, русски дѣвицы
Что думаютъ?
Такъ якъ горлицы, якъ голубицы
Гуркотаютъ,
Своихъ братиковъ, русскихъ клириковъ
Споминаютъ.
Народа доньки строятъ грядоньки,
Управляютъ,
Сѣютъ цвѣтоньки, вѣютъ вѣноньки,
Украшаютъ,
Народа сыновъ честныхъ Русиновъ
Поздравляютъ.
Братья клирицы, ваши сестрицы
Ждутъ, ждутъ на васъ,
Васъ споминаютъ и ожидаютъ,
Прійдѣть до насъ.

Въ бескидскомъ краю, зеленомъ гаю
Братья о васъ
Думки думаютъ, пѣсни спѣваютъ
О васъ, о васъ.

*

Зимою пряли,
Пѣсни спѣвали —
Братья о васъ.
Пряжу мотали,
Снували-ткали
Для васъ, для васъ.

*

Весна настала, сестра сѣяла.
Цвѣтки для васъ.
Ея цвѣтоньки,
Теплы слезоньки
Орошали.
Съ нею цвѣтоньки,
Ея дѣтоньки
Воздвыхали.
На ей цвѣтъ милый
Мотыль прельстивый
Прилетаетъ, —
„Цвѣтъ не для тебе
„Прочь, прочь!“ отъ себе
Отгоняетъ:
„Тебе дѣвица сынъ гусеницы
Не познаетъ“.
Лелія бѣла пречъ отправила
Прельстителя,
А процвѣтаетъ и ожидаетъ
Пріятеля.
Сидя въ садочку, шіетъ сорочку
Братья для васъ.
„Маю въ садочку гладку лавочку
Придте до насъ,

Тамъ посѣдаме вразъ заспѣваме
Народный гласъ.
Будемъ спѣвати, якъ русска мати
Учла насъ.
Азъ, буки, вѣде якъ братикъ приде,
Заспѣваме,
Отецъ и мати ужъ будутъ знати,
Что думаме".
„Братя вамъ пою русску пѣснь мою
Придѣтъ до насъ,
Желаютъ съ вами сестры съ братями
Пожити вразъ.
Не лишь я сама, батько и мама
Ждеме мы васъ,
Придите братя миле пріятя
Буде у насъ.
Отецъ и мати будутъ витати
Сердечно васъ".
„Цѣпъ, цѣпъ! курочка, — тась, тась качатка
Накормлю васъ.
Пульки, гусочки на печиночки
Кормлю для васъ.

Что еще маю?
То лишь я знаю!
Братя для васъ.
Якъ къ намъ придете,
Знати будете
Якъ люблю васъ.

Подпись: Александръ Павловичъ
79-рочный старикъ.

БАРВѢНОКЪ.

По Бескидѣ зеленый барвѣнокъ,
Наймилшій цвѣтъ честныхъ русскихъ рѣвокъ,
Коли они барвѣнокъ сбираютъ,
    О рѣвоцкомъ вѣночку спѣваютъ.

    Барвѣночокъ милый премиленый,
    Цвѣтокъ синій, листочокъ зеленый,
    Богъ го створилъ про русскихъ дѣвочокъ,
        Жебы съ него увили вѣночокъ

Такъ и наши честны мамы милы
Зелененькій барвѣнокъ любили,
По Бескидѣ барвѣнокъ сбирали
    А вѣнцами себе украшали.

    Вы дѣвушки русской Маковицы,
    Храньте своей невинности вѣнцы!
    Найкрасша оздоба русскихъ дѣвокъ:
        На головѣ честный вѣнокъ — вѣнокъ.

Наши мамы собѣ вѣнцы вили
А дѣвоцку невинность хранили,
Старайтеся русски милы дѣти
    Свои вѣнцы достойно носити.

    Русски мамы барвѣнокъ сбирали,
    Свои парты вѣнцемъ украшали,
    А Господь Богъ дался имъ дождати,
        Же подъ вѣнцемъ ишли ся вѣнчати.

ДѢВИЧІЙ ВѢНЕЦЪ.

Где бываютъ уцтивы дѣвочки,
Въ загородкахъ квитнуть имъ квѣточки.
'Зъ тыхъ квѣточковъ вѣнцы собѣ вѣютъ,
Котры дѣвки по дѣвоцки жіютъ.

Въ загородци квѣтки и барвѣнокъ,
Зелененькій вывѣю я вѣнокъ, —
Я все хочу по дѣвоцки жити,
Боже поможъ дѣвоцтво хранити!

Якъ въ церковци будутъ мя вѣнчати,
„Ты невѣсто“ — будутъ повѣдати,
Здоймутъ 'зъ моей головоньки вѣнокъ,
А тогди ужъ отквитне барвѣнокъ.

Прійдутъ свашки мене почепити,
Буду честно съ моимъ мужомъ жити,
Мѣсто вѣнца, чепецъ буду мати,
А до смерти съ мужомъ статкувати.

Отквитне мнѣ въ загородци ружа,
Мѣсто ружи, буду мати мужа,
Ужъ не буду квѣтки пильнувати,
Але съ мужомъ на хлѣбъ працувати.

ПѢСНЬ ПРОСТОНАРОДНАЯ.

Вышламъ собѣ середъ села гоя, я!
Еденъ паникъ звѣдался мня: чія, я?
Я Богова, материна пянова,
Кедь Богъ схоче можу быти Ваньова (Юркова,
[та буду Васильова).
Паникъ почалъ жарты собѣ строити,
Бодай яки брытки слова гварити;

Лишиламъ го, свойовъ драговъ бѣжала,
А дѣвоцки спѣваночки спѣвала;
На бережку мои сестры дѣвочки
Вили собѣ барвѣнковы вѣночки, —
Милы русски спѣваночки спѣвали,
А паробци на пищалкахъ пискали.
Эй Боже нашъ якъ намъ добрѣ на свѣтѣ,
Въ недѣленьку отъ працы отпочити;
Прибратися до церковци ходити,
А пакъ дакусъ собѣ и поброити.*)

ПѢСНЬ.

Подраженіе пѣсни: „Широкое болотенько . .

Цвѣтъ прелестный моей весны
Буря сломала,
Я полюбилъ дѣвушеньку
Мамка незнала;
Я ей любилъ съ мала,
Она мня кохала —
Любовъ пропала.

Надъ студнею смутна верба
Мнѣ пошептала:
Твоя любезна дорога —
Рученьку дала;
Ахъ возмутъ ей люде
Ужъ твоя не буде —
Возмутъ ей люде.

Я сирота подъ вербою
Думки думаю,
Воздыхаю слезонькками
Я орошаюсь;

*) Поброити=весело бавитися, играти.

Плачусь воздыхаю
Милой ожидаю —
Ужъ ей небуде.

Летущая гластовонька
Защебетала,
Идъ слезнаго болотенька
Въ дзюбокъ порвала;
Пырхла улетѣла
Мене оставила —
Отчаянаго.

Прилетѣли два голубки
На вербу сѣли,
И о моей ластовоньки
То говорили:
Мати ей послала
Чтобъ болота взяла —
Любовъ прервала.

Уже дружбы и дружоньки
Во церковъ идутъ,
Прелестную молодицу
Къ вѣнчаню ведутъ;
А я позираю
Горко воздыхаю —
Плачу, рыдаю.

Скорблю плачусь воздыхаю
Я подъ вербою,
А на вербѣ горличенька
Плачетъ со мною;
Ахъ берутъ ей люде
Ужъ моя не буде —
Жаль мнѣ ей буде.

Съ вербы слетѣла горлица
Къ студенцѣ сѣла,
И свои нѣжныя крыльца
Въ воду спустила;

И вдругъ стрепотала
Мене обрызгала —
Щезла пропала.

Дармо уже я несчастный
Буду рыдати,
Ахъ ужъ съ другимъ ужъ ей будутъ
Нынѣ вѣнчати ;
Ужъ ей взяли люде
Ужъ моя не буде —
Жаль мнѣ ей буде.

ПАУКЪ.

Тонку пряджу снуе паукъ —
Доловъ ся спущае,
Же милый гость до насъ приде —
Вѣщецъ намъ являе.

Кебы знати что то за гость, —
Якъ ся готовити,
Бо ужъ не есть цукру, кавы —
Треба бы купити.

Купуй мамко мяса, вина —
Завтра буде сабешъ,
Ходь бы якъ ти треба было, —
Та ужь не достанешъ.

Певно приде молодый гость, —
Бо паукъ маленькій,
Я готовитися буду,
Бо то мой миленькій.

Купуй мамко, что ти треба, —
Будь приготовена,
Бо хоцъ я теперь дѣвица, —
Можу быти жена.

Купуй перстень чистозлатый —
На мой тонкій палецъ,
Готуй муку бѣлу, красну —
На свадебный балецъ.

Мыслишъ мамко, же жартую —
Свавольна дѣвица,
А увидишъ не задолго —
Буду молодица.

Жаль ми буде люба мамко —
Саму тя лишити,
Але пребачъ, бо бымъ рада —
Ужъ чепецъ носити.

А якъ буду заручена —
Буду тя просити,
Купъ ми чепецъ изъ гадвабу —
Буду невѣстити.

Коли мене ужъ зачепятъ —
Будешъ ся тѣшити,
Же ужъ въ ставѣ свою доньку —
Ты можешъ видѣти.

ЗЛЫЙ СОНЪ.

Наша Маря рано встала,
Лемъ зывкала, а вздыхала.
Въ ночи ей ся злѣ приснило,
Подъ сердцомъ ей заболѣло.

Она барзъ смутна одъ рана,
Вздыхатъ, ходитъ задумана.
Тото ей барзъ засмутило,
Што въ ночи ей ся приснило.

Она мыслитъ же ся снило,
А то дашто инше было.
Она цѣлу ночь неспала,
Лемъ съ кимсѣ, штосѣ шептала.

Никто незнатъ што шептала,
Про што рано смутно стала.
Про шептаня сердце болитъ, —
Кто съ ньовъ шепталъ, няй загоитъ.

ВЫБОРЪ ЖЕНЫ.

Тотъ, кто гадатъ ся женити,
Повиненъ на то смотрѣти:
Яка то той дѣвки мати,
Котрой дѣвку мыслитъ взяти.

Ци съ мужомъ статочно жіе?
Ци рада палѣнку піе?
Ци рада на ярмаркъ ходитъ?
Терезва домовъ приходитъ?

Ци даразъ барзъ пяна была?
А горци, миски побила?
Гевъ и тамъ ся затачала,
Пакъ въ шанцу отпочивала.

Ци съ кумичками ся сходитъ?
Ци часто гостинки робитъ?
До корчмы за палѣночку
Отнесе курку, гусочку.

Кедь на поле пильно идти,
Стигне съ кумовъ ся стрѣтити,
Годину будутъ стояти,
Разомъ шептати, ляпдати.

Можешь до обыстя идти,
Тамъ на вшитко посмотрѣти,
Всягди ся пообзирати:
Ци помыты, чисты граты?*)

Ци хижа не закурена?
Побѣлена, заметена?
Ци постель плахтовъ закрыта?
Ци чисты сита, корыта?

Яки горцѣ, яки миски?
Яки за вжичникомъ ложки?
Попозерати по стѣнѣ:
Ци не вѣсятъ паучины?

А кедь ти покажутъ сѣсти,
Посмоть ци то лавки чисты?
Можешь и то побачити,
Якъ знатъ ѣдло наварити?

Ци знатъ на хлѣбъ заправити?
Тѣсто добрѣ вымѣсити?
Осухъ гладко приляпкати,
Мудро до пеца саджати?

Ци знатъ, коли хлѣбъ готовый?
Не выйме на полъ сыровый?
То можетъ легко познати,
Кедь даютъ хлѣба вламати.

И то можетъ ся дознати:
Ци знатъ мати добрѣ ткати?
Полотно добрѣ бѣлити,
Съ полотна шматы пошити?

Ци той газдынѣ дѣточки
Маютъ все чисты сорочки?
Ци часомъ ся не шкребкаютъ,
Шемрютъ а штоси глядаютъ?

*) Граты=сосуды.

А съ того можешь познати,
Же о дѣти не дбатъ мати.
Не раджу ей дѣвку брати,
Идь дагде инде глядати.

Тамъ, где честный отецъ-мати,
Идь собѣ жену глядати,
Где все при покою жіютъ,
Дуже робятъ, мало піютъ.

Ходь и богатства не маютъ,
Но честно выжити знаютъ;
Где таки статочны люде,
И ихъ дѣвка честна буде.

Такъ якъ ей отецъ и мати,
Буде на хлѣбъ працувати, —
Домъ свой въ порядку тримати,
Съ мужомъ своимъ статкувати.

Тому, кто Бога милуе,
Богъ добру жену даруе,
А кедь будутъ статкувати,
Что не маютъ, будутъ мати.

Тотъ, кто гледатъ лемъ богатство,
Може выйти на жебратство,
Може взяти слѣпу, хрому —
Привести до свого дому.

А пакъ будутъ ходь-якъ жити,
Все ся грысти а вадити,
Хоть Богъ рачитъ дѣти дати,
Не будутъ съ нихъ радость мати.

Люде звыкли то гварити:
„яка мати, таки дѣти,
Якимъ молокомъ плекала,
Таки дѣти выховала.“

Слабе тѣло, слабы кости,
Ахъ не буде съ нихъ радости.

ПѢСНЬ.*)

Арія: „Adjon Isten édes anyám jó estét . . .“

Мамо люба! ноле ся надумайте!
Ноле вы ми дагде жену глядайте!
Бо я ужъ разъ хотѣл бы 'мъ ся женити,
Не хочуся паробкомъ остарѣти.

Милый сыну, глядай собѣ жену самъ,
Бо котра ся тобѣ любитъ — я не знамъ,
Я бы може тобѣ таку радила,
Што бы ся мнѣ, а не тобѣ любила.

Ты со женовъ до смерти мусишъ жити,
Съ женовъ счастя и не счастя дѣлити,
Прось отъ Бога добру жену, дасть ти Вогъ,
Жебы 'сь вѣрно а счастливо жити могъ.

Кто ся женитъ, повиненъ подумати:
Ци буде ся сердце съ сердцемъ здавати?
Кедь лемъ краса и маетокъ го вабитъ,
Якъ то мине, та го радость зохабитъ.

Не глядай ты богатство, ни красоту,
Бо то вшитко потырватъ лемъ до часу,
Але глядай тѣла-души чистоту,
Возмій таку, што знатъ кажду роботу.

Ходь не буде рукавички носити,
А за собовъ долгій шлепъ волочити, —
Ходь не буде два-три языки знати,
Но буде свой за зубами тримати.

Кедь ужъ жадашъ мой сыну ся женити,
Не сперамъ ти, можешъ за женовъ идти.
Я буду барзъ радуватися тому,
Кедь приведешь честну жену до дому.

---

*) Тому „пѣснь“ покойный стихотворецъ писалъ въ ноямбрю 1894 года по поводу моего обрученія, или лучше сказати: когда я ходилъ „куты смотрѣти.“ **И. А. П.**

Концомъ хочешъ, та глядай собѣ жены,
Не откладай съ осени — до осени,
Бо поминутъ твоего житя яри,
Наразъ збачишь, же ты паробокъ старый.

Но ты схочешъ молоду жену мати, —
Але о томъ треба собѣ думати,
Же молода схоче лемъ молодого,
А не пойде за паробка старого.

Отецъ, мати можутъ ей присилити,
Але она не буде тя любити,
Лемъ все буде старатися, вздыхати,
Не на тебе, но на бокъ позирати.

ПѢСНЬ.

Арія: „Kalapom, kalapom csurgóra
Bort innék, sört innék, ha volna.

Дость ужъ я, дость ходилъ по свѣтѣ,
Ужъ бы ся требало женити,
Вернулъ бы'мъ ся ко Ганѣ,
Нѣтъ скорень,*) кожуха, губанѣ.

Зачну я мудрійше мыслити,
Не буду заробокъ марнити,
Будутъ скирнѣ, губаня,
А тогды руку мѣ дасть Ганя.

Иванъ собѣ мудро роздумалъ,
Тамъ доловъ день и ночь працувалъ,
Вынѣсъ скирнѣ, губаню,
А спросилъ за жену онъ Ганю.

*) Скирнѣ — чоботы, буты (csizma).

Дѣвчата весело латкають*)
А свадьбу радостно чекають;
Ноже, ноже дѣвочки!
Війте же про Ганю вѣночки.

А родиче Ганю готують,
Ладу — и до лады купують,
Вѣнки віютп дѣвочки.
Обзирають чипцѣ, чипочки.

БАБСКИ ЯЗЫКИ.

Мила моя примилена,
Тяжко будешъ моя жена,
Сперають ми моя мати,
Тебе за женичку взяти.

Звѣдуюся „што зле знате,
Же ей взяти забраняте"?
Они ничь не отповѣли,
Лемъ съ головов покрутили.

Передъ тымъ все тя хвалили,
Ажъ якъ въ насъ бабиска были,
Штоси барзъ долго шептали —
Ма быти тя огворяли.

Про бабски брытки языки,
Поневино терпятъ дѣвки,
Бабиска ихъ огваряють,
Бо навыдай дѣвки мають.

Не буду ся выхваляти,
Ани ни якъ выгваряти;
Я въ ничомъ зломъ ся не чую
Своей роботы пилную.

*) Латканя — свадебное спѣваня.

Я не слѣпа, ни не хрома,
Роблю въ полѣ, роблю дома;
Я знамъ травы насбирати
И худобу дозерати.

Знамъ прясти, ткати и шити,
Кажде ѣдло наварити;
Напечи доброго хлѣба,
А чтоже во ми за хиба?

Нѣтъ ми прошто ся ганьбити,
Граты все чисто помыты,
Хижа красно побѣлена,
Попрятана, заметена.

Кедь стану копати, жати —
Най прійдутъ ся призирати,
Тоты, што мня огваряютъ,
Ци ихъ дѣвки лѣпше знаютъ?

Прошто же мня огваряютъ?
Што же злого о ми знаютъ? —
Же не знамъ ся вышкиряти?
За паробками бѣгати?

Нестарайся ничь небоже,
Господь Богъ намъ допоможе!
Ачэй надуматся мати,
Позволитъ ти мене взяти.

А кедь нѣтъ — чтоже чинити!
Ты можешь ся оженити, —
Богату за жену взяти,
Котру хоче твоя мати.

Уробъ такъ, якъ каже мати, —
Я не буду ся гнѣвати,
Ани тоту проклинати,
Съ котровъ тя будутъ вѣнчати.

СВАДЬБА.

Честный старый отецъ женитъ свого сына
Ужъ староста иде и съ млодымъ дружина,
Днесь бѣдна сирота матъ идти до шлюбу
Кличе на весиля свою маму любу.

*

„Ахъ! мамичко моя, ахъ ци вы то знате,
Же днесь будутъ мене въ церковцѣ вѣнчати?
Ахъ придте мамичко мене потѣшити,
Мене потѣшити, поблагословити!

Предрага мамичко, ми васъ днесь барзъ треба“.
А мати сиротѣ отповѣдатъ съ неба:
„Не можу, не годна ’мъ тебе нащивити,
Но я буду Бога за тебе молити.

Буду молитися Створителю свѣта,
Богъ поблагословить тебе мое дитя.
Ты благословенство собѣ заслужила,
Же’сь свою дѣвоцку чистоту хранила“.

Сиротка вздыхала, Богу ся молила,
А на свою парту вѣнецъ положила. —
Иде до церковци сирота шлюбъ брати,
Смутна, розжалена ей на мысли мати.

Хоць свашки спѣваютъ, а гудаци граютъ,
Бѣдну сиротоньку слезы обливаютъ.
Пресердечно вздыхла къ небу посмотрѣла:
„Оставайте съ Богомъ мамко драга, мила“!

* *

Кто же ей до шлюбу буде выправляти?
Ахъ умеръ ей отецъ, умерла и мати,
Скрылися до гробовъ ей нянцо и мати,
Предъ кимъ же сирота буде приклѣкати?

Сѣдаютъ на столецъ газда и газдыня,
А сирота отъ нихъ проситъ отпущиня,
Газда днесь ей отецъ, а газдыня мати,
Они пожегнаня будутъ ей давати.

„О Боже, сироту рачь благословити!
Поможъ ей счастливо въ малженстви пожити“!
Кладутъ на ню руки, газда и газдыня,
Даютъ отпущиня и благословиня.

Честны молодята въ церкви повѣнчали,
Любовь, вѣрность они собѣ шлюбовали.
Мусѣли присяговъ тото потвердити,
Же до смерти будутъ нерозлучно жити.

Идучи до церкви та свободу мали,
Въ церковцѣ присяговъ себе повязали:
Же вѣрными будутъ едно ко другому,
Присѣгали Богу въ Тройцѣ единому.

И кедь будутъ вѣрно присягу тримати,
Богъ буде на каждомъ мѣстѣ ихъ жегнати.
Но стигли бы свою присягу сламати,
Справедливый Господь долженъ ихъ карати?
Кедь бы едно друге скламати схотѣли,
Покараны будутъ на души и тѣлѣ.

* * *

До церковцы едно, а съ церковцѣ двое
Радуйся мамонько, то твои обое.
Можешь тѣшитися и ся радовати,
Будешъ честну, добру невѣсточку мати.

Не треба буде ти тримати служницу,
Богъ на старость далъ ти добру помощницу.
Здрава, мила, красна твоя невѣсточка,
Обертна а скора, якъ тота рыбочка.

До каждой роботы можешь ей послати,
Знатъ терти, чесати и полотно ткати.
Знатъ шматы ушити, подерты платати,
Знатъ жати, грабати и снопы вязати.

Знатъ въ млинцѣ молоти, тѣсто вымѣсити
Добрый хлѣбъ напечи, стравы наварити.
Доедну роботу знатъ твоя невѣста,
Позерай ле на ню, яка быстра, чиста.

Она рада видить порядокъ, чистоту, —
Обоймп, поцѣлуй и потѣшь сироту!
Кедь ты для сироты будешь яко мати,
Она дѣтинску честь буде ти давати.

На невѣсту мати во дверяхъ чекала,
Якъ невѣста пришла, такъ ей привитала:
„Витай ми невѣсто! Вѣтай дѣвко моя,
Ты ужъ не сирота; бо я мати твоя.

Ахъ я стара, слаба, будь ми на помочи
А я поутеромъ слезы съ твоихъ очи,
Кедь ты мене будешъ чтити и слухати,
Якъ власна мати тя буду миловати“.

Свашки заспѣвали, гудаци заграли,
Млодый съ молодицовъ за столъ посѣдали —
А съ дружиновъ боски*)
Дары поживали.

1890.

ПРИДАНЫ.

Идеме мы нашу глядати дѣвочку,
Вчера взяли намъ ей въ партѣ во вѣночку.
По цѣломъ селѣ ей глядати будеме,
Ачей наше миле дитятко найдеме.

Ишли они ишли, дѣвочку глядати
Почали приданску смутну пѣснь спѣвати.
Ишли горѣ селомъ, жалостно спѣвали,
Пришли къ едной хижи передъ двери стали.

Почали дуркати, красненько просити:
„Добры люде рачте двери отворити“.
Якъ имъ отворили, тамъ нашли дѣвочку,
Але ужъ не была въ партѣ и вѣночку.

*) Боски=божіи.

Свою дѣвку они нашли засмучену,
Безъ парты, безъ вѣнца бабу зачепену.
„Ахъ мила дѣвочко, что ты учинила,
Гдеж' ты свою парту и вѣнецъ подѣла"?

„Я парту и вѣнецъ честно доносила,
Теперь съ моимъ мужомъ буду честно жила.
Отъ теперь я вашовъ не можу ужъ быти,
Я до смерти съ мужомъ буду честно жити.

Я мужови любовь, вѣрность шлюбовала,
На евангеліи въ церкви присѣгала".
„Боже васъ благословъ любезны дѣточки,
Жійте, милуйтеся, якъ два голубочки".

VI.

СЛУЧАЙНЫ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ, НАДГРОБНЫ, ВЫБОРЪ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

I.

Тристо шестдесять и пять дни!
Где же сте ся дѣли?
Изъ васъ каждый единкій разъ
Токмо сме видѣли.

Згинулъ, счезнулъ доеденъ 'зъ нихъ
На вѣки стратился
Откаль пришолъ — въ моря, въ бездны
Вѣковъ — навратился.

Но най идутъ, откаль пришли,
И мы тамъ пойдеме,
Во вѣчности непонятой
Разомъ ся сойдеме.

Многи въ тыхъ днехъ починули,
Многи ся родили,
Многи въ любви ся споили,
Многи повадили.

Щастливый, кто въ минулый, годъ
Жилъ якъ Богъ приказалъ,
Нещастливый, кто грѣхами
Сумѣня*) замазалъ.

Свѣдѣтельство минулый годъ
Дасть на страшномъ судѣ,
О доедномъ нашомъ скутку,
О найменьшомъ блудѣ.

---

*) Сумѣня — совѣсть.

Тамъ каждый день предъ судіемъ
Повѣдати буде,
Что добрага, або злаго
Въ немъ дѣлали люде.

Злымъ и добрымъ ажъ тогда ся
Справедливость стане,
Бо доедень за каждый день
Отплату достане.

Боже! ты владѣешь часомъ,
Днями и годами,
Небомъ, землевъ и звѣздами,
Всѣми народами!

Провади русское племя,
Бы въ томъ новомъ годѣ
Твою славу розширяло
Во своимъ народѣ.

Сохрани го ту на земли
Въ дѣтской невинности!
Бы на земли заслужило
Житя во вѣчности.

II.

Уже старый годъ поминулъ,
А новый настаетъ,
Въ новомъ году старе солнце
На небѣ останетъ.

Въ новомъ году ачей старе
Солнце омолодне,
А огрѣетъ Русиново
Серденько холодне.

Ахъ ты Боже! что владѣешь
Солнцемъ и звѣздами,
Кажи солнцу, бы насъ грѣло,
Свѣтило надъ нами.

Помилуй Господи бѣдну
Русскую сироту!
Отдаль отъ ней тысящлѣтну
Народну хвороту.

Просвѣти насъ, бы 'сме свою
Познали родину,
Щастливую будучности
Дожили годину.

Допомози ты Господи!
Бы въ томъ новомъ годѣ
Русины тебѣ служаще,
Жили въ любви, въ згодѣ.

Абы каждый талько дѣлалъ
Про народъ, якъ може,
О то просятъ всѣ Бескидцы
Тебе Отче Боже!

Многи уже моминули
Для насъ смутны годы,
Въ которыхъ ся веселили
Инныи народы.

Всѣ туземны и чужіи
Цвѣтли народности,
А Русины до днесь еще
Нищи безъ годности.

Дасть Богъ вшитко, что не было,
Же колиси буде,
Не зуфайте, Бога просте
Мои добры люде.

Не мыслите что ужъ вшитко
Выдалъ Господь 'зъ неба,
Всемогущій — онъ имѣетъ
И то что намъ треба.

Мы надеждою плеканы,
Надежда намъ мати,
Она кажетъ и на дале
Просити а ждати.

Ждайте а крѣпко вѣруйте,
Что Отецъ на небѣ
Помощь послетъ своимъ дѣтемъ
Въ найболшой потребѣ.

Не дасть камень ани змѣю
Сынови своему,
Котрый о хлѣбъ и о рыбу
Помолится Ему.

Въ силѣ нашей, въ великости
Мы не завѣряйме,
Але въ Богу всю надежду
Нашу покладайме.

Гордость 'зъ неба Богъ выключилъ
То намъ знати треба!
А покорность — якъ знаеме —
Перебиватъ неба.

Всѣ народы, что лемъ вшитко
Закладали въ себѣ,
Горко плачутъ безъ надежды
При своемъ погребѣ.

Но Русины съ надеждою
Жили, умерали,
Хотяй имъ вшитко отняли,
Но надежду мали

Будме вѣрны все надеждѣ,
Такъ якъ наши дѣды,
А надежда розвеселитъ
Смутныи Бескиды

Съ надеждою бѣдный рольникъ
Оретъ, сѣетъ, коситъ,
А надежда ему плоды
Богато приноситъ.

Съ надеждою милы братя,
Въ томто новомъ горѣ,
Сѣйме сѣмя народности
Во русскомъ народѣ.

Уже идутъ для Русиновъ
Щастя, славы годы,
Славте Бога, родъ милуйте
Русины молоды!

III.

Новый годъ днесь зачинаемъ,
Мы всѣ православны,
Которы крѣпко храниме
Вѣры правды давны.

Старой правдѣ будьме вѣрны
И въ томъ новомъ годѣ,
Православность задержуйме
Въ нашомъ русскомъ родѣ.

Ко востоку Духа, сердца
Щиро обертайме,
На невѣрность, что западатъ,
Мы не позерайме.

Востоку ся и бездушны
Цвѣточки кланяютъ,
Предъ западомъ ся лякаютъ,*)
До купки стуляютъ.

И такъ и мы предъ Востокомъ
Поклонимъ всѣ главы,
Іисусъ Востокъ приведетъ насъ
До небесной славы.

*) Лякаютъ=устрашаютъ.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ

О. Антонію Ив. Невицкій въ Н Писанѣ 1881. XII.

I.

Отцы наши въ любви жили,
Любовь оставили намъ,
Чтобъ мы свой народъ любили,
Помогали сиротамъ.

И мы друзя да сосѣды —
Ощущающи любовь,
Живемъ такъ, какъ жили дѣды —
Русски сыны Бескидовъ.

Вотъ! новый годъ намъ настаетъ —
Благодѣйствуй сосѣдъ, другъ!
Съ новымъ годомъ поздравляетъ
Вашу Семью русскій духъ.

Ваши чадца, ваши внуки —
Да благословитъ Господь!
Старыхъ да хранитъ отъ скуки,
Будетъ помощникъ сиротъ.

Ваши сыны и дѣвицы,
Да почтенные зятьи,
Любятъ пѣвца Макавицы
Любитъ отецъ и мати.

Господь да намъ помагаетъ
Подвизатся въ старости!
Сердечно Вамъ другъ желаетъ:
Родительской радости.

II.

Его Превосходительству Антонію Мих. Рубій, новоименованому судіи при угор. царск. куріи въ Будапештѣ 1882. XII.

Съ нами Богъ!

Вотъ! мы опять начинаемъ
Земной жизни новый годъ, —
Создателя умоляемъ,
Чтобъ благословилъ нашъ родъ.

Съ новымъ годомъ поздравляемъ
Тебя Братъ нашъ дражайшій,
Мы Небеса умоляемъ,
Да твой домъ благословитъ.

Съ твоею семю любезной
Радуется и нашъ духъ,
Что возмежденъ твой трудъ честный,
Намъ всѣмъ милый этотъ слухъ.

Благодарятъ наши груди
Подавшаго Тебѣ даръ,
Возмездившій твои труды —
Да благоденствуетъ Царь.

Благій слухъ изъ Пештбудина
Утѣшаегъ Карпаты,
Маковицкая дружина
Поетъ Богу гимнъ святый.

Антонъ Рубій нашъ любимецъ,
Русскона родный герой,
Съ нами Ты терновый вѣнецъ
Несешь-данный намъ судьбой.

Здравствуй Брате нашъ любезный!
Сынъ Руси всегда вѣрный,
Ты былъ ей всегда полезный,
Борецъ, защитникъ храбрый.

Вѣрный всегда оставался,
Защищая народъ свой,
Вѣры Отцевъ не чуждался —
Господь да будетъ съ тобой!

Бога молитъ наша лира
Души сердца голосомъ:
Да создатель Господь міра.
Благословитъ весь домъ твой!

III.

Бл. п. Стефану Петрикъ адвокату конз. капитулы Пряшевской.

Съ новымъ годомъ поздравленый
Мой духъ Васъ благодаритъ,
Вашимъ сердцемъ утѣшеный
Приноситъ сердечный цвѣтъ.

Приноситъ благожеленья
Для почтеннѣйшей семьи,
Для Эммушки и Стефана,
Для малютокъ, для дѣтвы.

Пусть жизнь ваша процвѣтаетъ,
Какъ вѣнецъ милой весны,
Господь да благословляетъ
Всѣ жизни вашея дни.

Здравствуйте! благоденствуйте!
Добрый Отецъ, добра Мать!
А милы чадца пѣстуйте:
Да плодъ благій приносятъ.

Да Господь Васъ утѣшаетъ
Чадъ вашихъ цвѣтомъ, плодомъ!
Мое сердце Вамъ желаетъ
Всегда — и съ новымъ годомъ!

IV.

Іосифу Гаганецъ, епископу Пряшевскому 1866. г.

Владыка нашъ милостивѣйшій,
И благосклонѣйшій отецъ!
Пріими поклонъ всепокорнѣйшій
Отъ благодарственныхъ сердецъ.

Мы благодарственно взираемъ
На величіе Твоихъ дѣлъ,
Тебя любимъ, Тебѣ желаемъ
Чтобъ Ты лѣта Григорья*) жилъ.

---

*) Григорій Таркович, первый епископъ Пряшевскій, родился 1744. въ селѣ Пасѣка, умеръ въ Пряшевѣ 1841.

Іосифъ нашъ благообразны —
Въ тебѣ благоволилъ Творецъ,
Господь подалъ Тебѣ прекрасный
Сребряно-золотый вѣнецъ.

Мы вѣримъ, крѣпко уповаемъ,
Что нашего рода Отецъ —
Получитъ тотъ, что мы желаемъ,
Народной побѣды вѣнецъ.

За огромныя працы, труды,
Которы ты несешь для насъ,
Благодарятъ русскія груди,
Благодяритъ народа гласъ.

Твою нисходительность къ сынамъ
Мы высоко почитаемъ;
О Батюшка благодествуй намъ!
Многая лѣта желаемъ!

Богомъ посланъ Аронъ Евреямъ,
Чтобъ ковчегъ завѣта хранилъ:
Ты намъ Арономъ и Мойсеемъ,
Ты намъ цѣлу жизнь посвятилъ.

Ты насъ крылами покрываешь,
Ты нашъ любезнѣйшій Отецъ,
Ты насъ любовію питаешь,
Да тя живитъ Господь Творецъ.

Пока Бескидъ будетъ стояти,
Непрестанно твое имя
Благословяти, величати
Во вѣкъ будетъ русска земля!

ПАМЯТИ

Іосифа Гаганца, епископа пряшевского.

Прощаясь съ нашимъ отцемъ Владыкомъ
Мы воздыхаемъ стонами сиротъ
Проницаемся думой глубокою
Смотримъ на сирый бѣдный нашъ народъ.

Увы! погасло народа свѣтило!
Ахъ, мы сироты! лишились Отца.
Вотъ передъ нами бездушное тѣло,
Въ коемъ бодрствовалъ духъ ратоборца.

Несторъ лѣтами, Патріархъ Бескидовъ
Нашъ Архіерей, Владыка отецъ
Соблюдалъ вѣру, да завѣтъ прадѣдовъ,
Да онъ заслужилъ ихъ церкви вѣнецъ.

И воздыхаютъ сироты Бескидовъ:
Нѣтъ, ахъ нѣтъ у насъ могучихъ вельможъ
Помочи тщетно ищемъ у сосѣдовъ:
Бѣдный никому не милъ, не хорошъ.

Ктоже сиротамъ будетъ помагати?
Житейскнхъ бѣдствій нести тяжкій крестъ
Да прадѣдную вѣру соблюдати
И защищати народную честь?

Отче небесный! къ Тебѣ воздыхаемъ:
Заступи, спаси нашъ сирый народъ!
Наши надежды въ Тебѣ полагаемъ,
Защищай вѣры нашея животъ!

Вотъ отца мощи надо погребати,
Да почиваютъ въ могилѣ Карпатъ.
Прослезись! воспой церковь свята мати,
Блаженый покой! Вѣчная память!

Пріими Патріархъ Іосифъ Святитель
Отпущеніе сыновнѣхъ сердецъ.
Гряди въ небесной области обитель,
Гдѣ безсмертія получишъ вѣнецъ.

(1876.)

НАДГРОБНОЕ,

бл. пам. Павлинѣ Іосифовной Павловичъ, супруги о. Варѳоломея Шашъ, приходника въ Крайно-Быстрѣ. *) 1882. декаб. 1/13.

I.

Ахъ конецъ! конецъ днесь нашей радости,
Сердца глубоко смерть поранила.
Умерла мати въ цвѣтѣ младости,
Двое малюткихъ сиротъ лишила.

Ахъ трудно, трудно слезамъ рады дати,
Кедь подумаме на дробны дѣти.
Вдовецъ! мы пришли съ тобовъ поплакати,
Слезами сердца раны гоити.

Слова безсилны, — бесѣдуйте очи,
Побесѣдуйте сердечно съ нами!
Ахъ люде братя! будте на помочи,
Утѣшайте насъ любви слезами.

Проситъ васъ смутный съ сиротами вдовецъ
И того вдовца любезна мати;
Проситъ безъдѣтный разжаленый Отецъ
Котрого не есть кто утѣшати.

Ахъ девятеро ужъ поховалъ дѣти,
Единка ему дѣвка остала,
Ужъ и Павлину не буде видѣти,
Отцевска цѣла радость пропала.

Семдесять рочный старецъ опущенный,
Ужъ днесь утратилъ остатнье дитя,
Ахъ плачетъ вздыхатъ, Отецъ разжаленый,
Ахъ смутне его безъ дѣтей житя.

Оставай съ Богомъ мужу премиленый!
А нашей любви дозерай цвѣты.
Най ихъ орошатъ токъ сердечный слезный,
Будьте ми здравы сиротки дѣти!

---

*) Позднѣйше учитель при гимназіи въ Пряшеви, посему же 1836—1901 крылошанинъ — каноникъ — капитулы пряшевской.

Будь здравъ мой Отче, голубку сивенькій!
Остатня ужъ тя лишитъ дѣвица.
Будьте ми здравы, мужъ дѣти миленьки,
Будь же ми здрава ты Маковица.

Будьте ми здравы: милы братя, люде!
Мушу ахъ, мушу васъ охабити.
Най вамъ Господь Богъ на помочи буде,
Къ гробу рачте мя опроводити.

II.

Димитрію . .

Духъ одышолъ до вѣчности,
Земля вкрые тѣло, кости,
Конецъ ужъ земной жадости,
Жалю смутку и радости.

Людске житя слабе, крегке,
Летитъ такъ, якъ пѣрце легке,
Якъ блисканя нагло мине,
Такъ, якъ молга счезатъ гине.

Смерть въ людяхъ не переберать,
Лемъ запорядь геть заберать,
Атде! братъ насъ выучуе,
Што ся съ свѣтомъ разлучуе.

Котрый ледва почалъ жити,
А ужъ мусѣтъ въ гробѣ гнити,
Въ гробѣ его отецъ, мати —
Онъ иде къ нимъ спочивати.

Вы Дмитровы ровесници!
Чомъ вамъ видно жаль на лици?
Прочто слезы выливате? —
Законъ смерти ци незнате?

О! не плачте смутны очи!
Но мыслійте въ день и въ ночи,
Же лемъ земля мы всѣ люде,
Земля, попелъ зъ всѣхъ насъ буде.

Не бойтеся братя смерти.
Бо кто жіе мусить вмерти,
Легка есть смерть побожному,
Грозна, страшна лемъ грѣшному.

III.

Бл. п. О. Варооломею Кендровскій, приходнику въ Медведжемъ 1830.

Прощайте братя, пріятеле люде,
Окрутна страшна смерть разлучать насъ.
Отецъ Вареоломъ днесь до гробу иде,
Ахъ ужъ николи онъ не узрѣть насъ.

Будь здравъ дражайшій Отче прелюбезный,
Впала подпора твоей старости.
Най тя утѣшать Богъ Духъ царь небесный!
Нѣтъ ужъ Бертого — онъ во вѣчности.

О дражайшая житя сопутница,
Любезнѣйшая добра женушка!
Со сиротою ты мати вдовица,
Прощай дражайша моя Аннушка!

Любезны сестры, братя и сродницы —
Смерть ахъ разторгла нашъ союзъ милый,
Подте жалосны голубки — горлицы,
Слезы выляти тамъ на могилѣ.

Любезный тестю, дражайша свекрушка!
Оставляю вамъ дочь вдову съ внучкой.
Къ вамъ повернется вдовица Аннушка,
Утѣште ее съ бѣдной сиротой!

Молю васъ, молю сродницы любезны!
Подайте руку моей, женушки
Ахъ осущайте ея токи слезны,
Милой дражайшей моей Аннушки.

Останьте съ Богомъ вы пароxiане!
Ужъ васъ днесь лишить добрый пастырь вашъ.
Ту его вдова съ сиротовъ остане,
Любте ихъ бо вашъ парохъ любилъ васъ.

Выпровадиме покойнаго брата, —
Мы ся вернеме — онъ остане тамъ.
Тота Господа Бога воля свята,
Кончина прійдетъ — ахъ прійдетъ всѣмъ намъ.

IV.

Стефану Панковичъ епископу Мукачевскому 1867.

Волею небесъ избранъ
Епископъ для Руси сыновъ,
Благоденствуй Владыко Стефанъ!
Русская кость, русская кровь.

Ты узрѣлъ свѣтъ подъ Бескидомъ,
Русской неньки млеко ссалъ,
Въ русской церкви съ русскимъ дѣдомъ
Мальчикъ Богу Ты спѣвалъ.

Середъ насъ, въ дружинѣ мирной
Возросталъ Ты въ молодца
Подъ опѣкою примѣрной
Русскаго попа Отца.

А тебе судьба послала
Разъ и до палатъ вельможъ,
И любовь Тебѣ снискала
Графовъ, князей и госпожъ.

Благостію честь высоку
Ты у всѣхъ нихъ пріобрѣлъ,
Но при томъ любовъ глубоку
Къ Руси ты не измѣнилъ.

И зато, что въ искушеньяхъ
Ты при Руси устоялъ,
Что на лестныхъ возвышеняхъ
Сердцемъ Ты смиренъ осталъ:

Богъ Тебе у насъ прославилъ,
И русскаго молодца
Въ честъ найвысшую поставилъ —
Въ честь народнаго Отца!

Тожъ мы, чада, поздравляемъ
Тебе радо, Пастырь нашъ!
И одно лишь то желаемъ:
Будь намъ Русскій, вполнѣ Нашъ!

Вѣдь мы тьмою тутъ покрыты,
Намъ не свѣтитъ солнца лучь,
Насъ гнушались тѣ, что сыты,
Притѣснялъ насъ всякъ могучь.

Будь хоть Ты одинъ изъ многихъ
Тѣмъ, чимъ Богъ судилъ Тебѣ:
Истымъ Батькомъ для убогихъ,
Щитомъ Руси въ ей борбѣ. —

Въ той борьбѣ, въ которой зъ давна
Противъ Запада стоимъ,
Откаль вѣра православна
Оскорблена была нимъ.

Помози намъ подвигатись,
И начальство самъ прійми,
Чтобы всѣмъ намъ просвѣщатись
Въ купѣ съ русскими людьми.

Будь намъ Пастырь, что отъ злобныхъ
Волковъ стадо стережетъ,
Будь Отецъ намъ, что удобныхъ
Дѣтей къ свѣтлу въ міръ ведетъ.

Мы же, чада, Твою славу,
Твое имя возгласимъ
На всю милу намъ державу —
Въ радость, честь Славянамъ всѣмъ!

ЕДЕНЪ ДАВНЫЙ ВЫБОРЪ У ЗБОРОВѢ.*)

О люде! люде, что вы робите?
Же вы тымъ блуднимъ жидамъ вѣрите!
Жидамъ до власти вы ся отдали,
Вы за палѣнку — вѣру продали.

Въ Сборовѣ жиды васъ высмѣваютъ,
За ваши вота тысящи маютъ.
Омамунили васъ лицемѣры,
Вы согрѣшили противко вѣры.

Вы своихъ водцовъ споневажили,
Противъ народа вы согрѣшили.
Вашу честь жидамъ вы запродали,
Зрадцовъ, Юдашовъ вы послухали.

Овечки наши ахъ заблудили,
Ахъ ихъ огавны звѣри зрадили.
Пастыре смутны ноты пискаютъ,
А потрачены овцы глядаютъ.

Базюсѣ базю! ходятъ плачучи,
Овечки ко нимъ бѣжатъ бечучи.
Овцы до свого идутъ кошара.
Пискатъ премило русска фуяра.

Наши овечки ахъ заблудили,
Ихъ во Сборовѣ жиды зрадили.
Жиды отъ Тоста тысячи взяли, —
Піяци того пана выбрали,

*) Зборова — малое мѣстечко въ Шарошской жупаніи на Маковици.

Што пезнатъ ко намъ слова проречи,
Кедь къ нему гваришъ, онъ стисне плечи,
„Nem tudom“ — цѣла его бесѣда,
Ту машъ Иване! ты слухалъ жида.

Тотъ панъ нехоче на тя смотрѣти,
Когоже ся ты будешъ радити?
Жиди тысящи отъ Тоста взяли,
А мы въ потупѣ, въ ганьбѣ остали.

Бѣдны людкове барзъ ся шкребкаютъ,
Жиди ся смѣютъ, гроши читаютъ.
Тоты тысящи зато достали,
Же маковицкій людъ окламали.

Теперь ужъ наши люде вздыхаютъ,
Часто до чела собѣ ковтаютъ.
Бодай нашъ мозокъ гавраны пили,
Кедь мы збійсвѣта людямъ вѣрили.

Котры насъ всядый кламутъ здираютъ,
Вѣру и языкъ нашъ высмѣваютъ.
Мы тыхъ зрадливыхъ гадовъ слухали,
Што за окламство тысящи взяли.

Они на нашихъ поповъ юдили,
Котры русского пана хотѣли;
Бо жидамъ треба пана такого,
Что ненавидитъ хлопа бѣдного.

*

Подло-преподло мы уробили,
Нашимъ духовнымъ мы невѣрили
Прото, же жиды ихъ огваряли,
Мы жидовского пана выбрали.

Тотъ не прогваритъ къ намъ ани слова,
Окламала насъ тота Сборова;
Окламали насъ чужи панове;
Слѣпый Шимонекъ, двоми Тостове,

И тотъ натяглый айнемериско,
И орсацкого писарь лотриско, —
Баламутилъ насъ Кимба въ Сборовѣ,
Онъ колисѣ жилъ въ Польщи — въ Тарновѣ.

Оттамаль принесъ гроши въ кишенѣ
И вшеліякѣ драги перстенѣ, —
Мы бы до газетъ могли писати,
О Кимбекови на знамость дати.

И тотъ сборовскій Капи гугнавый,
Что малъ колиси гагоръ дѣравый,
По межи люди гевъ — а тамъ ходилъ,
Напротивъ русскихъ поповъ гугнотилъ.

Окламный мѣряль съ хлопцомъ братовымъ
Былъ во Сборовѣ слугомъ Тостовымъ,
То знамы люде на Маковицѣ.
Мы ознамиме ихъ и столицѣ,

Якъ не поправдѣ всядый мѣряютъ,
А нашихъ людий кламутъ, здираютъ.
А тымъ Юдашамъ люде звѣрили
Что нашихъ людей всядый кривдили.

VII.

ПРИПОВѢДКИ (СКАЗКИ, БАСНИ.)

ВЫСЛУЖЕНЫЙ КОНЬ.

(Выдумка.)

Послухайте, кедь вамъ дяка,
зачну повѣдати,
Якъ ся гача по роскошахъ
мусѣло каяти.

За маленька якъ дѣтинѣ
ему выгаджали,
А на старость кулявому
соломы не дали.

Съ гачатка выроснулъ коникъ,
пакъ конь и кониско,
Ужъ на старость охромѣвши,
все ся кланятъ низко.

Хотяй хромый, непрестанно
панови ся кланятъ,
Еднаковожъ ужъ старого
отъ себе отганятъ.

Продалъ бы го, але никто
не хоче купити,
Та на старость ужъ лемъ кожу
съ коня олупити.

Уялася за тымъ конемъ.
барзъ панѣ Людмила,
Отъ смерти старого коня
панѣ избавила.

Такъ ужъ теперь тотъ старый конь
може ишѣ жити,
Але душкомъ — доразѣцко
мусѣтъ съ двора идти.

Якъ ужъ го Стахъ выпроважалъ,
конь ся все обзералъ,
А панъ кричитъ: „ци ты Стаху
подковы поздералъ?“

Стахъ коневи пообзералъ
на ногахъ подковы,
„Ужъ суть стары, на ничь суцы“ —
повѣдатъ панови.

Панъ ужъ каже гетъ до чорта
коня провадити:
„Ужъ бы могли васъ обидвогъ
тамъ вовци побити.“

Такъ ужъ старый Стахъ гетъ коня
до поля выганятъ,
А кониско сухій, хромый
кланятся и кланятъ.

Товариши за драговъ ся
щиро догваряли,
И якъ ся ужъ разлучали,
горенько плакали.

Стахъ ся вернулъ, а конь осталъ
самъ еденъ при лѣси,
А за Стахомъ, вѣрнымъ другомъ
регочеся ишѣ.

Де ся возме — тамъ ся возме
приходитъ левиско,
Конь ся встрашилъ, якъ го видѣлъ,
поклонился низко.

Оба стоятъ, чудуются,
а смотрятъ на себе —
Думаючи: ты мня не знашъ,
и я незнамъ тебе.

Конь левови, левъ коневи
видится потвора,
На гостину левъ неходилъ
николи до двора.

Размышляютъ, позераютъ
еденъ на другого,
Почкайте ле добры люде,
что ту буде съ того.

Обидвоми стоятъ, стоятъ,
негварятъ ни слова,
А конь мыслитъ: придастся ту
мабыти подкова.

Бо то шкаредна бетега,
збойца пазуратый,
На мене все смѣло смотрѣтъ
тотъ песъ пелехатый.

Якъ собѣ конь такъ размышлялъ,
вшеліякъ мудрувалъ,
Левъ зарычалъ грозно, страшно,
коня ся звѣдувалъ:

— „Отповѣдай, отъ кале ты?
что ты за потвора?"
— „Выслуженый конь" — повѣдатъ —
„я съ панского двора!"

Верабоже, то самъ дяволъ —
гваритъ конь самъ къ собѣ —
Теперь будь здравъ марный свѣте,
конецъ ужъ днесь тобѣ.

— „Мовчь, не цигань! то не правда,
же ты конь со двора,
Где бы ся тамъ выкарала
така брытка створа?!“

— „Правду гварю присямбогу,
можу ся залати,
Же во дворѣ породила
мене моя мати.

Ахъ якъ добрѣ, якъ предобрѣ
мнѣ во дворѣ было,
Тамъ ми хибаль пташачого
молока хибило.

За гачате, якъ дѣтину,
такъ мня панъ пѣстувалъ,
Гласкалъ, кляпкалъ, цукру давалъ,
часомъ и цѣлувалъ.

Але днесь о томъ забыти,
а не споминати,
Бо на старость ужъ жадали
съ мене скору зняти.

Але ужъ ся раны гоятъ,
начь ихъ розяряти,
Мертве съ гробу ужъ нестане,
начъ же го двигати.

Невернутся давны часы,
роскоши, радости,
Бо ужъ навѣки пропало
щастя молодости.

Бото вшитко, што отквитло,
должно отвянути,
Ахъ небуде ужъ николи
старый молоднути.

А же можу миле житя
бѣдно продолжати,
Буду ажь до моей смерти
панѣ дякувати.

Же ся можу поставити
до очи звѣрьови,
Зато маю дякувати
вѣрному Стахови.

Але докля буду живый
буду проклинати
Тоту моду, што казала
хвосты притинати.

Хвала Богу мамъ ту траву,
а въ студенци воду,
Кедь свободно собѣ жію,
недбамъ на выгоду.

Недбамъ на то, же я хромый,
мушу ся кланяти,
Но мерзитъ мня, же овадовъ
нѣтъ чимъ отганяти.

Стоцатому днесь закажу
и давамъ той рады,
Абы ся хранилъ роскошовъ,
проклятой парады.

Ахъ якъ тяжко, пренедобрѣ
къ злому привыкати,
На роскоши и парады
мушу нарѣкати.

Волѣла мня моя мати
на свѣтъ невродити,
Волѣлъ емъ ся въ материнскомъ
чревѣ заснѣтити.

Что ся стало и пропало,
о томъ забывати,
Что остало, хотяй мало
тое уживати.

„Такъ весело пасти буду, воду попивати,
Что минуло, загинуло, о томъ забывати.“

Левъ починатъ наново ся
коня звѣдувати:
— „А якъ прійдутъ къ тобѣ вовци
Что будешь дѣлати?“

Посмотривши конь на лева,
зачалъ реготати:
— „Вшиткихъ вовковъ я на купу
ту буду стриляти.“

— „Ноже, ноже помаленьки,
коню старый пане,
Бо може вамъ и стрилива
наконецъ нестане.“

— „Мамъ я старый огенъ ярый,
а буду сртиляти,
Вшиткихъ враговъ пречь до лѣса
буду отганяти.“

— „Хтѣлъ бы'мъ ся переконати,
якій огень мате,
Покажте ми свою силу,
ци ми рады дате.

Ноле подме а будеме
разомъ ся змагати,
Увидиме, кто котрому
годенъ рады дати.

Бо то вовци швыдки*) ловци,
знаются тримати,

*) Швыдки — ловки, обертны.

Барзъ бы ся вамъ на трехъ ногахъ
треба обертати.

Вамъ хромому барзь тяжко ся
буде выбѣгати,
Ани сами нездумате,
что ся може стати.“

— „Докля буде на копытѣ
подковы ставати,
Смѣло буду я на вовковъ
все огня давати.“

— „Ноле старый коню ярый,
рачте показати:
Якъ на вашихъ враговъ вовковъ
будете стриляти?“

— „ И то можу я вамъ вдячно
къ воли учинити,
Но нехтѣлъ бымъ тую красну
траву столочити.

Шкода траву, мою пашу
мѣсити, топтати,
Мы волѣме на камѣнчу
фигли вказувати.“

Якъ приходятъ на камѣнча,
левъ стане до кута,
Конь обернулся до скалы,
натѣгатъ когута:

Форкатъ грозно, трѣскатъ, праскатъ,
трепе копытами,
Кремѣнь крушитъ, искры фарчатъ,
якъ за перунами.

Левъ ажъ затерьпъ и занѣмилъ,
якъ искры фарчали,
Бо фарчачи на далеко
ажъ къ нему подали.

— „Что за диво, что за чудо . . .
ахъ пекъ бы ти было!
Позерайся, что неробитъ
потвора, страшило.

Смоттелеся на сухаря,
на тыи гичалѣ,
Якъ фырчачи летятъ искры
по той твердой скалѣ.

Я векшого не едного
звѣря ужъ задусилъ,
Таке страшне чудне диво
нигда я нескусилъ.

Я силнѣйшій, я недамся
ему заганьбити . . .
А съ лабами, что малъ силы,
зачалъ молотити.

Але ся му верабоже
ни кусъ недарило,
Скала искры несыпала,
а его болѣло.

Такъ ся сконалъ, же ужъ зачалъ
языкъ вываляти,
А проклята тверда скала
нехце искры дати.

— „Та ужъ вижу верабоже —
мусѣтъ дябла мати,
Бо жаденъ звѣръ въ цѣломъ свѣтѣ
незнатъ такъ стриляти.

Съ тымъ ся нѣтъ что жартувати
треба отходити,
Старый стрѣлецъ иематъ жарту,
нѣтъ му что вѣрити.

— „Будь здровъ старче, я отхожу,
смѣло можешь пасти,
Ужъ про тебе ту не буде
ніякой напасти.“

— „Ходь здравъ, можешь кади хочешь
по лѣсахъ блудити,
А жій собѣ, якъ тамъ знаишь,
а ми ту дай жити.“

Покореный левъ на едну
ногу подыбувалъ,
Встрѣчать вовка: „где ты идешь?“
такъ ся левъ звѣдувалъ.

Вовкъ ся встрашилъ и зачался
левови кланяти:
„Я голодный, иду собѣ
выживность глядати“.

Левъ вовкови о коневи
зачалъ розправяти:
„Я такого коня видѣлъ,
что знатъ и стриляти.“

Вовкъ ся смѣе: „ноле ми го
рачте показати,
А вѣрте ми, конь не будешь
болше свѣтувати.“

Увидишь ты, ци му будешь
мочи рады дати,
Ци не будешь на свой глупый
розумъ нарѣкати.

— Подь гевъ вовче!“ и такой го
до пазуръ ухватилъ,
Остатнѣйразъ собѣ вздыхнулъ,
вовкъ житя утратилъ.

Ужъ ся коня вовци боятъ,
бо и левъ ся трясе,
А старый конь выслуженый
смѣло собѣ пасе.

ДВА ПРЕСТАРѢЛЫ СЛУГИ.

(Басня о выслуженомъ конѣ).

Бѣдныхъ родичей, бѣдне дѣтятко
Ничь о роскошахъ незнае!
Нещастливѣйше-ли тое гачатко,
Что много цукру достае?

Нѣтъ, нещастливѣйше, бо въ молодости
Свои роскоши выжило,
Кару достало въ своей старости,
Бо въ молодости грѣшило.

Старый повѣдатъ: „Старость не радость“.
Ахъ вшитка марность погине,
Шалена, дурна, горяча младость
Съ часомъ холодне и стыне.

Отважно, смѣло молодый крачатъ,
Весело спѣватъ и скаче;
Старый ся трясе, гевъ-тамъ ся тачатъ
Груди му граютъ, — онъ плаче.

Едны съ роскошу, други изъ працы
Предъ часомъ ужъ ся старѣютъ,
Ахъ пренещестны, бѣдны жебраци:
Гдежъ' ся на старость подѣютъ?!

Цвѣтъ молодости вѣтры порвали,
Ахъ якажъ' старость не мила!
Выгоды, моды гробъ намъ выбрали,
Страшна насъ чекатъ могила.

Якъ ся хранити? Что бы чинити?
Запоздно уже думаютъ!
Незнали младость мудро цѣнити,
Прото ся нынѣ кланяютъ.

*

Такто гачатко, что въ молодости
Легкомыселно скакало,
Якъ щазли вшитки сластны радости,
Въ горечномъ смутку вздыхало.

Бѣдный-пребѣдный ахъ я триногій,
Где же ся маю подѣти?!
Бѣдна калѣка я конь убогій:
Ужъ ледво можу ходити.

Охъ якже мене за цукорь біютъ,
Батогомъ, — коломъ гласкаютъ;
Якъ съ блазна съ мене всягды ся смѣютъ,
Брытки назвиска даваютъ.

Ахъ неможъ, неможъ ужъ вытримати,
Ужъ мушу пана просити,
Ачей ся рачитъ онъ змилуваты,
Мене зо службы пустити.

Але ся не мамъ кому звѣрити,
Хибаль едному Стахови,
Кебы'мъ го видѣлъ, буду просити,
Бы подалъ просьбу панови.

Единкій Стахъ ми ачей порадитъ,
О я ся сповѣмъ Стахови,
Онъ вѣрный другъ мой, онъ мя не зрадитъ,
Предложитъ просбу панови.

На его щастя Стахъ ся надманулъ,
Приходитъ коня чесати,
Радостно конь ся къ нему оглянулъ,
Но видѣлъ Стаха — плакати.

И коня тогда слезы заляли,
Не моголъ Стаха витати,
Горенько бѣдны старцы плакали
Якъ же не мали плакати!?

Слабы, горбаты, обоме сивы,
Безъ отваги и безъ смѣлости.
Ахъ замолоду были щастливы, —
Днесь нещастливы въ старости.

Такъ еденъ съ другимъ долго говорилъ,
Еденъ другаго жалуе,
Наразъ панъ съ гнѣвомъ окно отворилъ,
Стаха ся грозно звѣдуе:

„Что ты тамъ стоишь при той потворѣ
Ци ты немашь что робити?
Гибай гевъ горѣ, рушайся скорѣ!...
Мамъ тя гдеси выправити“!

Стахъ снялъ капелюхъ, уха напинатъ
Понаглятся шпотаючи,
Панъ теремтетатъ, грѣшитъ проклинатъ,
Мече громы, грады и тучи.

Слуга привыкнулъ таке слухати,
То не першина Стахови.
Якъ ужъ престалъ панъ такъ кихати,
Зачалъ гварити панови:

„Ахъ якже вы насъ высрамотили —
Мене и коня старого.
Мы ничразъ злого не говорили, —
Другъ друга виталъ вѣрного.

Бѣдна калѣка, старый, убогій
Съ плачемъ ся пришолъ скаржити,
Же ужъ вамъ ніякъ бѣдный триногій
Дале неможе служити.

Старость не радость, младость не стала, — *)
Где вы молодыхъ радости?
Васъ временъ страшна буря порвала —
Мы нарѣкаме въ старости.

Панъ задуманый, голововъ киватъ,
Слухатъ Стахову бесѣду,
А накоротко такъ ся отзыватъ:
„Велику съ вами мамъ бѣду"!

„Что маю грѣшный съ вами робити?
Якой же собѣ рады дати?
Ат'дамъ старого коня добити . . .
Ты можешь ишѣ остати!

Хромого коня треба добити,
Скора може ся придати.
Ты еще годенъ что-то робити,
Та можешь ся ту валяти".

Стахъ тяжко вздыхнулъ, утиратъ очи —
Пановы слова чуючи,
„Пропалъ ты коню, нѣтъ ужъ помочи"!
Гваритъ — горечно плачучи.

А правѣ на то до хижи входитъ
Предобра панѣ Людмила.
„Чомуж' Стахъ плаче? Чомъ зармученый
Панѣ панови гварила.

„Атъ! старый блазенъ зачалъ плакати,
Же кажу коня добити,
Начь даремниковъ старыхъ ховати,
Что не годни ничь робити"?

— „Котрого коня кажешь добити"?
— „Того отъ свекра подлого"!
— „Ахъ сердце! не рачь то уробити, —
Вѣрно намъ служилъ лѣтъ много"!

*) Не стала — непостоянна..

— „Что ми съ того, же лѣтъ много
Онъ выслужилъ въ моемъ дворѣ?
Днесь несуцый до ничого,
Кій ми дяболъ по потворѣ?
Кажу съ коня скору сняти.
А старый кочь дамъ обити,
Маршину псомъ кажу дати,
Я такъ кажу — должно быти . . :
Я такъ хочу — такъ матъ быти“!

— „Ахъ, что мыслишь сердце мое! —
Ахъ нерачь ся такъ гнѣвати,
Бо что мое, то и твое —
Можешь съ коня скору сняти.

Кедь ся будеме вадити,
Что повѣдятъ спросты люде?
Рачь ся ужъ успокоити,
Якъ тамъ хочешь, най тамъ буде!“

— „Ми розумъ радитъ коня добити,
Но да будетъ твоя воля!
Кедь же ужъ хочешь, та буде жити
Рушай Стаху съ нимъ до поля!“

Съ конемъ до поля Стахъ ся выбератъ,
Идутъ обидва плачучи,
Съ великимъ жалемъ конь ся озератъ,
Кланятся вшиткимъ шкинчучи.

Наразъ на мысель прійде панови —
Зачне за Стахомъ крѣчати:
„Обзерь тамъ Стаху, яки подковы,
Кедь добры треба сдирати!“

Конь выслуженый въ великомъ страху
Молится съ плачемъ Стахови:
„О товаришу! о добрый Стаху,
Нягай ми, нягай подковы!

Пропала младость, краса и сила,
А только скору и кости
Природа мати ми оставила,
Ничъ не мамъ больше въ старости.

О правосуде! рачь позирати!
Кривду недай ми чинити!
Остатню обувъ кажутъ сдирати,
Старому босо ходити . . . .“

„Якижь подковы? говори Стаху!“
„Ахъ стары, ничразъ нестоятъ...“
И самъ незнае, что сказалъ въ страху,
Стары ся трясутъ и боятъ.

„— Отжень до дябла ватраля съ очи,
Шкаредну брытку потвору,
Бо нѣтъ уже съ него жадной помочи,
Няй ся не плянче по двору.

Идте до чорта стары нероды,
Ничпотомъ стары лежухи!
Эй шкода Боже моей худобы!“
Что вы нищили лѣнюхи.“

Идутъ плачучи, горекуючи
Гетъ — выслужены дворяци,
О давныхъ часахъ розмовляючи,
Глухій съ кулявымъ — бѣдаци.

Скажи намъ доле: где ся подѣла
Наша молодость, краса, сила? . . .
— Въ бездны вѣчности она слетѣла...
Васъ призываетъ могила.

———

— Горе намъ старымъ на свѣтѣ жити!
Но миле житя живому.
Якъ ся отъ смерти маемъ хранити?!
Бо смерть окрутна кождому.

Ахъ мило сладко на свѣтѣ жити,
Страшно, окрутно — умерти,
На перси мертвы руки сложити,
Очи на вѣки заперти.

О жизне, жизне, яка есь мила!
Ахъ чемуже увядаешь?
Младость пропала, краса и сила
И ты уже пропадаешь.

Ахъ якже старость намъ огорчила,
Наши роскоши, радости;
Насъ ожидаетъ смутна могила,
Горко намъ жити въ старости.

Голова сива, сморщене чело,
Слѣпы, глухи, хромы, слуты,
Мы за молоду жили весело,
Тяжко къ смутку привыкнути.

Роскошъ, сваволя была намъ мила —
Гдеже ихъ днеска глядати?
Розвылость наша то учинила,
Же мы днесь должны жебрати.

Мы неорали, ни несіяли —
Что будемъ на старость жати?
Наги и босы мы днесь остали —
Кто насъ буде жалувати?

Ахъ будутъ, будутъ насъ высмѣвати,
Всягды ся на насъ помстити,
А будутъ всягды намъ повѣдати:
Было вамъ было робити.

Намъ ся отъ працы руки лупили,
Вы легко жили безъ працы,
Вы вашу младость марно стровили,
Идте до чорта жебраци.

Ахъ нещастливы стары жебраци —
Чтоже мы маемъ дѣлати?
Днесь неспособны до жадной працы —
Что маемъ бѣдны почати?

———

— „Дале небоже ужъ непойдеме,
Ту тя лишити казали,
Днесь ся навѣки ужъ розыйдеме…“
Старцы горечно плакали.

„Мусиме ся ужъ мы розлучити…“
Стахъ почалъ коня гласкати —
„Ахъ бѣда буде тобѣ ту жити,
А ми во дворѣ капати.“

Конь задуманый, якбы задрималъ,
Але почалъ реготати,
Якъ Стахъ съ цидила хлѣба вынималъ,
И хотѣлъ ему давати.

„На! кусокъ хлѣба мой товаришу,
Немáмъ ти что вецей дати, —
Будь здровъ небоже! я тя ту лишу,
Мушу ся домовъ вертати.

Ахъ ты тамъ еденъ будешъ на поли —
Тяжко ми тя охабити,
Мы ужъ мабыти вецей николи
Небудеме ся видѣти.

Но чтожъ чинити, дармо небоже!
Мусиме ся розлучити…
Такъ… ужъ отхожу… во имя Боже…
Панской воли выгодити…“

— „Стаху дорогій! милый соколе…
Ахъ ужъ тя невидѣти!
О пренещестна ты моя доле,
Горе ми жити на свѣтѣ!

Марны роскоши, марна выгода,
Небуду васъ жалувати!
Ту предомною трава и вода
И чегожъ болше желати!?

Нѣтъ! я небуду ужъ ся старати,
За роскошами тужити.
Даватъ выживность природа мати
Въ вольности буду днесь жити."

Схилился къ земли, началъ зрывати
Цвѣтки и траву зелену,
Гнеть двигнулъ главу, зачалъ плакати:
„Ахъ съ чимъ же я ся ожену?!"

Бо съ каждой страны врази бынчачи
Ему покоя недають,
Ужъ го присѣли може тисящи —
Овады его кусають.

„Ахъ пренещесны дурны паради!
Плачу горечно въ старости.
Грызутъ, мордуютъ, трапятъ овады,
Такій то конецъ марности!

Проклята, мода, англицка мода,
Бодай бы была пропала!
Шкода моего хвоста, прешкода —
Ахъ мода ми го оттяла!

О моды! моды, прокляты моды,
Бодай сте кархи зламали!
Вы мня збавили моей выгоды —
Ахъ вы мнѣ хвостъ мой оттяли.

Неможу тото модѣ забыти,
Все буду на ню плакати,
Бо ми безъ хвоста барзъ трудно жити
Ахъ не есть ся съ чимъ огнати!

О вы прокляты моды, парады —
Бодай васъ чорти забрали!
Бо кебы не вы, та бы овады
Не были мя такъ кусали.

Овады коня грызли, трапили,
Доколи сами хотѣли,
Тамъ до сытости кровь и шпикъ пили,
Потомъ до кряковъ слетѣли.

Якъ отлетѣли съ него тираны,
Конь на кровъ съ плачемъ позиратъ.
„Ачей загоитъ часъ мои раны,
И мои слезы повтератъ.“

ЛЮДЯМЪ НЕ МОГЛА УГОДИТИ МАТИ, АНИ ПѢШЕ, АНИ НА ОСЛЯТИ.

Трудно на томъ свѣтѣ жити
Не можъ людемъ угодити,
„Ещесь такій не уродилъ,
Абы каждому выгодилъ“. —

Бѣдна вдова съ малымъ сыномъ
Гевъ тамъ по свѣтѣ ходила,
Мала осла, такъ на него
Свое хлопя посадила.

Идутъ чрезъ едное село —
Тамъ стояло людей купа,
Тые гласно говорили:
„О яка то мати глупа!

Хлопецъ молодый, здоровый,
Не моголъ бы осла вести?
А старая слаба мати
Могла бы ся сама нести.“

Засмученна бѣдна вдова
Съ плачемъ далей отходила,
Снявша съ осла свое сыня,
Уже теперь сама сѣла.

Сѣдитъ мати на осляти,
  Хлопенятко идетъ пѣше,
Но теперь на бѣдну вдову
  Десятразы еще гѣрше.

Люде съ каждой страны кричатъ:
  „То не милосердна мати,
Несеся старуля сама,
  А сыня должно бѣжати".

Чтоже мае учинити
  Псотна стара бѣдна мати?
Мала съ осла доловъ зыйти?
  Или хлопця къ себѣ взяти?

„Ходи сыну, а обое
  Будемъ мы ся далей нести,
Ачей такъ не будутъ люди
  Урывати нашой чести."

Но всѣ переходящіи
  Сомара уже жалуютъ,
Бѣдну вдову и ей сына
  Сневажаютъ, потупуютъ.

„Постой осле! сходимъ доловъ,
  А будеме пѣше идти,
Ачей такъ намъ подарится
  Людской волѣ угодити!"

Мама и сынъ идутъ пѣше,
  А сомара провадили, —
Вера злостной людской волѣ
  Тымъ они не угодили.

Высмѣвовалъ, приплюововалъ
  Каждый, кто ся съ нима стрѣчалъ,
Одинъ безумный мудерецъ
  Съ воза такъ на бабу крѣчалъ:

„О ты глупа спроста бабо —
Чому съ сыномъ пѣше ходишь?
А сомара такъ якъ пана
На проходку гевъ-тамъ водишь?!

Заплакала бѣдна вдова,
Незнаючи: что чинити?
Хотѣла бы, но не може
Людской волѣ угодити. —

„Мамъ — ли осла далей вести?
Иль его тутъ оставити?
Ба якъ доразъ!... лишу осла?
Разъ бы то была робота!

Абымъ про людску бесѣду
Себе осла позбавила.
Подь сомаре! заткай уха,
Недбай ничь на людску гвару!

Няй языки острямбаютъ,
А няй дуютъ пусту пару!
Кедь бы тя але мерзѣло,
Же насъ люде огваряютъ,

Заграй твою красну ноту,
Люде ради тя слухаютъ!"

——

Старaймеся честно на томъ свѣтѣ жити
А по крайней мѣрѣ честнымъ угодити.

ПОРАДИЛА СЕБѢ.

Една жена жила съ мужомъ.
Но немали дѣти,
Жена все о томъ думала:
Якъ ся потѣшити?

„Ахъ я смутна! ахъ нѣтъ мене,“
„Нѣтъ кто потѣшити!“
„Ахъ якъ бы я рада была,
„Кебы'мъ мала дѣти!“

„Не мамъ съ кимъ ся потѣшити,“
„Побесѣдувати,“
„Обзирамся, — нѣтъ никого“
„Мамовъ“ мене звати.

„Наразъ я ся намыслила:“
„Я собѣ пораджу“
„Я собѣ 'зъ ряндъ справлю попку,
До кута посаджу.“

И справила собѣ попку,
Коцанкомъ назвала,
Того Коцанка за свою
Дѣтину узнала.

Же ужъ матъ свою дѣтину,
Мати ся радуе,
Едностай ко Коцанкови
Што-то бесѣдуе.

„Коцаночку! идь сыночку“
„Нянця закликати!“
„Неходь! Я сама закличу . . .“
Повѣла му мати.

VIII.

РАЗНЫ.

ДУМКА

посвящена.

О. Антонію Ив. Невицкій приходскому священнику да Благочинному собора Буковскаго, въ Н. Писанѣ. 1883.*)

О пипко пипочко! ты ми дуже мила,
Бо ми тебе моя женичка купила.
Женичка, Маричка предрага, премила,
Господи Боже дай, абы долго жила!

Я щастливый чловекъ на томъ божомъ свѣтѣ,
Мамъ предобру жену, милы, добры дѣти.
Мамъ сыновъ, мамъ доньки, зятьевъ и внучатка,
Тѣшатъ бабку, дѣда тоты пахолятка.

Добрѣ ми предобрѣ съ миловъ женовъ жити,
Боже дай жебы такъ жили мои дѣти!
Абы честно жили, щастливыми были,
А Богу за насъ ся щиро помолили.

———

Нашлася пипочка! радуйтеся брате!
Игоръ внукъ принесе: „Дѣду ту ей мате!“
Ту есь ту пипочко! я барзъ ся радую —
Подь же гевъ Маричко! най тя поцѣлую!

*) Сей стихъ (собственная рукописъ автора) находится у Анны Невицкій вдовой по О. Вареоломею Кендровскій живущей нынѣ у Нижней Писанѣ.

Атде! ту пипочка, што есь ми купила,
Сердечно тя люблю женичко премила!
Ты все, о томъ думашъ, якъ мня потѣшити,
Женичко предрага, якъ намъ мило жити!
Мольмеся а просьме неба земли Творца,
Абы намъ помогалъ такъ жити до конца.

——

Съ народомъ подѣлю смутки и радости,
Пока сложатъ во гробъ мои грѣшны кости.
Бѣдный русскій народъ сердечно милую,
Ему всѣ подвиги мои посвящую.

Ахъ бѣдны людкове по свѣтѣ путуютъ,
Трудятся тяженько, неразъ голодуютъ.
Едны тамъ по долахъ, други въ Америци,
Помогаютъ жити намъ на Маковицѣ.

Боже помогай имъ честно работати,
А намъ поможъ бѣдный народъ защищати.
Народа Отцове русски священицы,
Милуйте сироты бѣдной Маковицѣ.
Кедь народъ упадатъ, мы съ нимъ упадаме,
Дармо, — кремъ народа мы щастя глядаме.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ СВѢТЪ.

I.

Радостный въ мѣсяцу все первый день,
Потомъ ся гойнуе цѣлый тыждень;
Цыганы, траг'тырнѣ радость маютъ,
Бо въ тотъ тыждень много зарабляютъ.

Цыганы день а ночь выграваютъ,
Келнеры шампанеръ доношаютъ.
А съ того шаленства смѣеся свѣтъ,
На концу мѣсяца крайцара нѣтъ.

Такто такъ газдуе тотъ марный свѣтъ,
Разуму, розваги, рахунку нѣтъ,
На нивочь обертатъ и животъ свой,
Ходь про што пущатся въ кровавый бой.

Пиштолѣ кулями набиваютъ.
Стрѣляютъ, рубаютъ, умираютъ, —
Такъ гине народа найкрайшій квѣтъ,
О смутный, пресмутный модерный вѣкъ!

II.

ПРОЧТО ЗЛЫЙ СЕЙ СВѢТЪ?

Несчастный теперь свѣтъ:
Нынѣ въ немъ правды нѣтъ,
За правдою тужитъ,
Но правдѣ не служитъ.

Чудесный нынѣ міръ:
Различныхъ много вѣръ,
Но такой вѣры нѣтъ,
Бы вела въ союзъ свѣтъ.

Днесь каждый себѣ Богъ:
Подноситъ гордый рогъ,
Союзной любви нѣтъ,
А прото злый сей свѣтъ.

СТАРА ФАРА.*)

(1899. Октябрь.)

Якъ пустыня фара у Вышнемъ Свиднику,
Обомъ Свидникамъ то на ганьбу велику
Знаме, же въ Свиднику теперь кермешъ буде**),
А ту поприходятъ съ каждой страны люде.

Будутъ до окола, гевъ-тамъ позирати,
А будутся они тому чудувати,
Же свидницка фара въ цалѣ опущенна,
Коло саду нигде не огороджена.

*) Нова фара созданна г. 1903.

**) Кермешъ-храмовый праздникъ, во В. Свиднику въ день преп. Параскевіи 14. X. по стар. кал.

Свидничане пана страренького маютъ,
Та они о него ужъ вера недбаютъ.
Такой ся старый панъ дочекалъ радости,
Отъ Свидничанъ не матъ узнаня, вдячности.

Старый панъ не долго ужъ ту буде жити,
Но якъ другій прійде, та будутъ видѣти!
Же мусятъ около плоты городити,
Фару и газдовски будинки ставити!

НОВЫЙ ОКРУЖНЫЙ СУДЯ МАКОВИЦЫ.

(1889.)

Маковица въ Мартякови*) много утратила,
Якъ вдова за добрымъ мужомъ-жалобу носила.
Но Богъ добрый, засмущенну вдову обрадовалъ,
Маковици зась доброго судю подаровалъ:

Szepesházy добрый чловекъ, радъ матъ бѣдныхъ люди,
Совѣстно и справедливо людямъ правду судитъ.
Предъ него на право идутъ люде съ довѣрностю,
А по суду вертаются до дому съ радостю.

Повѣдають едны-другимъ: мы теперь щастливы,
Szepesházy járásbiró судя справедливый.
Онъ терпезливо выслухатъ чловека простаго,
Въ чловекови чловека онъ узнаватъ ближняго.

*) Александръ Мартякъ сынъ угро-русскаго священника (родился: въ селѣ Вапеникъ, на Маковици) — вопервыхъ журатъ — солгабировъ сего уѣзда, посему тутъ же краевый депутатъ, а г. 1873—1888. (до смерти) окружный судія на Маковици. Народъ маковицкій еще и днесь споминатъ его какъ справедливаго судію и защитителя своего. Одинъ чужій человѣкъ (въ Зборови живущій чехь-нѣмецъ) во В. Свиднику надгробный памятникъ далъ поставити, а внутръ церкви на лѣвомъ крылоси въ стѣну мраморову таблицу сь надписю: „Памяти Александра Мартяка, окружнаго сусіи, бывшаго краеваго посла, искренняго сына и защитителя Маковицы † 1888.“

А кто ближнѣмъ добро чинитъ, того Богъ милуе,
Тому щастя долгій животъ на земли даруе.
Сердечно жичиме ему: здравя, щастливости,
Его милой фамиліи: потѣхи, радости.

ТУ ОПИШУ ТОБѢ: ЯКІЙ ГОЛОДЪ ВЪ СОБѢ.

Голодъ доедному ѣдлу
Додаватъ сладкости,
Скусили то котры жили
Въ великой ускости.

Голодный ся приближуе
Ко всѣмъ, котрыхъ видитъ,
И тымъ, што отруби ѣдятъ,
Неборакъ завидитъ.

Отъ голоду до головы
Очи западаютъ,
Блядне тварь, острѣютъ зубы,
Уста засыхаютъ.

Роснутъ власы, твердне скора,
А брѣхъ барзъ упадатъ,
Омлѣватъ желудокъ тогди,
Кедь троматъ, што жадатъ.

Кости стырчатъ изъ подъ скоры,
Кровь не бѣжитъ смѣло,
Голодъ скору-кости лишатъ
А нивочитъ тѣло.

Колько минутъ такій жіе,
Только значатъ смерти.
Проситъ Бога, абы ужъ могъ
Чимъ-скорше умерти.

ВИТАЙ, ВИТАЙ МИЛА ЯРЬ!

(По народному).

I.

Зима ужъ щезла, пропала,
Розтаялся снѣгъ и лѣдъ,
Прерадостна ярь настала,
Веселится цѣлый свѣтъ.
  Радуеся земли тварь:
  Витай, витай мила ярь!

Земля почала дыхати,
Къ небу пару подноситъ:
Земля мати про дѣточки
Отъ Бога хлѣба проситъ.
  Радуеся земли тварь:
  Витай, витай мила ярь!

Веселятся птички милы,
Свои пѣсни пискаютъ,
Же ся ужъ яри дождали,
Богу славу воздаютъ.
  Радуеся земли тварь:
  Витай, витай мила ярь!

Жаворонокъ щебечучи
Подъ хмары ся подноситъ,
Свою молитву шепчучи,
Славу Богу приноситъ.
  Радуеся земли тварь:
  Витай, витай мила ярь!

Цѣла природа ликуе,
Витатъ премилену ярь,
Вседержителю дякуе,
Же намъ открылъ земли тварь.
  Радуеся земли тварь:
  Витай, витай мила ярь!

Витаме ярь и мы дѣти,
Богу приносиме даръ:
Наши сердечны молитвы,
Же намъ подарувалъ ярь.
  Радуеся земзи тварь:
  Витай, витай мила ярь!

Боже поможъ ярювати,
Розвивати сердца цвѣтъ
И якъ пчелкамъ собирати
Для житя потребный мѣдъ.
  Радуеся земли тварь:
  Витай, витай мила ярь!

II.

Мертва была въ зимѣ цѣла природа,
Снѣгомъ земля закрыта — ледомъ вода,
Птички смутны — по дудлахъ ся покрыли,
А чрезъ зиму, якъ бы нѣмы,
Засмучены сидѣли.

Докля люта, тверда зима тырвала,
Цѣла природа барзъ твердо заспала,
Но якъ тепла мила весна настала,
Природа ся пробудила,
Якъ бы съ мертвыхъ востала.

Солнце землю освѣтило, огрѣло:
Поле ся зеленовъ травовъ покрыло,
Открыты поточки бѣжатъ шепчучи,
А птички весну витають,
Свои пѣсни поючи.

Милы дѣточки тѣжъ весну витають,
По лукахъ гевъ-тамъ цвѣточки сбирають,
И такъ, якъ пчелки медъ съ цвѣтовъ сысають,
Радостно весну витають
Свои пѣсни спѣвають.

ДРОЗДЪ.

Дроздъ въ гаю весело
Започалъ спѣвати,
А съ нимъ вшитки дробны
Птички щеботати.
Я собѣ думаю —
Причины глядаю
Птичей веселости,
Не можъ отгадати.

Вопрошаю дрозда:
Чомъ рано спѣвае?
А весь день въ хащинѣ
Тихо почивае?
Прочто ся радуе?
Причину сказуе,
Же солнце выходитъ,
Онъ выживность видитъ
Солнце поздравляетъ.

Прочь вечерь веселый?
Дрозда вопрошаю.
Вотъ отъ него отвѣтъ
Этотъ получаю:
Треба заспѣвати,
Солнцу дякувати,
Бы раненько сошло
И покормъ принесло.
Я причину знаю.

Чомъ онъ чрезъ день молчитъ?
Дрозда вопрошаю,
Тому бо причину
Я непоминаю.
Я не въ лѣнивости
Трапю мои кости,
О дѣтехъ думаю,
Выживность глядаю
На спѣвъ часъ немаю.

ВОРОНА.

Коль чорна ворона въ Карпатъ залетѣла,
Ужъ по трехъ днехъ она крыла опустила.
Смутно позерае — Богъ знатъ что думае:
Что мае дѣлати: хотѣла бы знати.

Видитъ, что въ Карпатахъ трудно ей выжити,
Заблудивши, на путь неможъ потрафити.
Смутно размышляетъ, гевъ-тамъ позираетъ:
Что мае дѣлати? Хотѣла бы знати.

Ей съ вороновъ сивовъ трудно въ дружбѣ жити,
Должна чорна сиву возненавидѣти,
Съ поля утѣкаетъ, на гнои сѣдаетъ:
Что мае дѣлати? Хотѣла бы знати.

Коль долгій часъ мае, звыкла ся кивати,
Якбы хотѣлося ей мало дримати.
Голодомъ зморена, она ослабенна
Починатъ думати: ту треба скапати.

Боже дай ей силы домовъ полетѣти,
А буде тямити, якъ въ Карпатахъ жити.
Дасть и оборону на сиву ворону,
Буде чорна знати сиву честувати.

СОВА.

Гучитъ сова въ скалахъ, шпарахъ,
Буде ся хмарити,
Рано поля дождь оросить.
Радуйтсся дѣти.

Изъ земли зеренце буде
Бѣжати, дрындати,
А не одолга будеме
Жнива, косбу мати.

Не треба намъ календаря,
Сова лѣпше знае:
Коли хвиля, перемѣна —
Она намъ являе.

Добрѣ бы то въ ночи встати
И мало слухати,
Ци не буде въ скалахъ, штарахъ
Ужъ сова гучати.

Коли мае ясну хвилю,
То звыкла молчати,
Сова молчитъ, господарю
Каже працувати.

Мы совѣ всегда вѣриме,
Она ничь не кламе,
Коли буде дождна хвиля
Мы отъ совы знаме.

Прото наше господарство
Добрѣ провадиме,
Хлѣба маме, не купиме,
Ходь и не продаме.

Кебы въ горохъ нашихъ вшитки
Совы выстрѣляли,
Коли яка хвиля буде,
Мы бы ужъ незнали.

Хлѣба бы намъ не ставало,
Треба бы купити,
И остатню коровоньку
Продати, змарнити.

СКРОМНАЯ ОТГОВОРКА ВЕЛИЧАЕМАГО.

Вы мнѣ обиду сдѣлали
Безприличными хвалами;
Вы малого величали,
Я узнаю что я малый.

Но по законамъ природы,
Живымъ подобаетъ расти;
Растутъ люде и народы,
Растутъ духа силы, власти.

Возползуюсь похвалами,
Пріиму благовонный цвѣтъ:
Да каковымъ вижу вами,
Таковымъ желаю быть,
Въ пользу людей, братьевъ жить.

ПѢСНЬ СТАРЦА.

Моя весна отцвѣла
Помчались рѣки моихъ лѣтъ
Вотъ осень житя уныла,
Зима могилой мнѣ грозитъ.

I.

Отцвѣли милы яри,
Нѣтъ румянцевъ на твари,
Теплота лѣта пропала
Угрюма осень настала.

Грядетъ осень и зима
Съ морозами тугима,
Кровъ тепла во мнѣ стынеть,
Гинетъ жизнь земна, гинетъ.

Пойдетъ духъ до вѣчности
Въ могилу тѣло, кости;
Люди понесутъ мертваго,
Русскагѡ брата своего.

Но пока жизни станетъ,
Духъ мой не перестанетъ
Русскій народъ любити,
Ему благотворити.

Я народу вѣрнымъ былъ,
Его чувствомъ пѣсни пѣлъ
Ему эту пѣснь пою,
Орошену слезою.

Тебѣ народъ любезный
Посвящаю токъ слезный,
Когда разлучусь съ тобой,
Одари меня слезой.

II.

Ахъ отквитаютъ яри,
Пропадатъ миле цвѣтя,
Мизнутъ румянци съ твари,
Щезаютъ теплы лѣта.

Дуютъ вѣтры студены
Мизнутъ весны, лѣта красы,
Лѣсы жолточервены
Смутны осѣнски часы.

Въ потокахъ вода стыне,
Покрыватся ледами,
Ахъ миле житя гине,
Зима — смерть передъ нами.

Поминутъ осень, зима
И мы ся поминеме,
И едны за другима
До гробу отидеме.

Тамъ, где наши предкове,
И мы всѣ должни идти,
Жебраци и царьове
Во гробахъ будутъ гнити.

*

Моя весна отцвѣла,
Минули темны лѣта,
Во мнѣ кровъ озимнѣла,
Приходитъ конецъ житя.

Дармо буду смагатись,
Смерть мене переможе,
Плоть прійме земля мати —
О помилуй мня Боже!

Помози претерпѣти
Горести сего свѣта;
Любезны русски дѣти
Принесьте на гробъ цвѣтя.

Придте гробъ нащивити
Въ котромъ буру лежати,
Придте тамъ помолитись —
Буду васъ ожидати.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Біографія.

II.

Любовь къ Богу, отечеству, родной земли и народу своему.

III.

Исторически.

IV.

Житье-бытье нашого Русина.

Стор.

V.

Любовны.

VI.

Случайны съ новымъ годомъ, надгробны, выборъ.

VII.

Приповѣдки (сказки, басни).

VIII.

Р а з н ы.

Стихотворенія собраны изъ:

Собственной рукописи автора .. .. 89. стиховъ.
„Мѣсяцеслова" Унгварского .. .. 25. „
„Поздравленіе Русиновъ" г. 1851.. .. .. 3. „
Албума „Галицкая Заря" г. 1860 .. .. 2. „

Прошу

слѣдующіи ошибки исправити (выкоригowати):

На сторонѣ	въ ряду съ горы	въ ряду съ долу	ВМѢСТО	ДОЛЖНО БЫТИ
9	5	—	польки	польски
22	2	—	бременемм	бременемъ
22	—	16	свмооверженіе	самоотверженіе
23	4	—	волшелный	волшебный
23	14	—	монмъ	моимъ
24	17	—	уиыхо	уныло
25	—	7	осѣхъ	всѣхъ
30	5	—	обрятъ	обрядъ
40	14	—	—дитъ	Видитъ
43	—	8	Богама	Богата
45	12	—	дѣла	дѣлае
45	—	12	настали	на стали
46	—	2	недосна	недоена
61	13	—	рачто	рачте
62	16	—	взала	взяла
63	15	—	лѣси	лѣсы
63	—	12	Таплю	Топлю
63	—	10	тому	тоту
65	8	—	знесны	знесены
65	—	4	розоурены	розбурены
66	—	8	мене	нене
68	--	10	рухъ	духъ
81	1	—	обысты	обыстю
83	6	—	плуоахъ	плугахъ
83	—	9	птаги	птахи
96	—	4	вѣвонька	дѣвонько
111	9	—	ржъ	ужъ
125	9	—	беплодно	безплодно
125	—	13	работаю	работою
155	—	14	певѣрилъ	невѣрилъ
160	14	—	Рушайтм	Рущайте
162	—	3	сылу	сыну
171	—	17	воздвыхали	воздыхали
172	4	—	учла	учила
173	4	—	рѣвоцкомъ	дѣвоцкомъ
174	—	4	пянова	нянова
178	12	—	посити	носити
182	—	—	Вогъ	Богъ
182	—	3	Тому	Тоту
184	7	—	віютѣ	віютъ
185	1	—	—	Я
195	13	—	талько	только
195	17	—	моминули	поминули
197	6	—	—ъ	Въ
197	6	—	горѣ	годѣ
122	—	10	будешь	будетъ